

ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ЗАПИСКИ ЯНЫЧАРА

60

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

9(56)
3-32

З А П И С К И
Я Н Ы Ч А Р А

НАПИСАНЫ
КОНСТАНТИНОМ
МИХАЙЛОВИЧЕМ
ИЗ ОСТРОВИЦЫ

Введение, перевод и комментарии
А. И. РОГОВА

6109

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1978

В увлекательной форме автор «Записок янычара» Константин Михайлович из Островицы, серб по происхождению, повествует о своих приключениях в турецком плену, о быте, жизни, обычаях турецкого населения, о борьбе славянских народов против завоевателей. Интересно даны жизнеописание автора, его рассказы о головокружительной карьере в рядах турецкой армии.

Книга — не только источник по средневековой истории, но и прекрасное литературное произведение.

Редакционная коллегия серии:

член-корреспондент АН СССР З. В. УДАЛЬЦОВА (главный редактор),
доктор исторических наук В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
кандидат исторических наук А. И. РОГОВ (ученый секретарь),
кандидат исторических наук П. И. ЖАВОРОНКОВ,
кандидат исторических наук К. А. ОСИПОВА,
кандидат исторических наук З. Г. САМОДУРОВА,
кандидат исторических наук Б. Н. ФЛОРЯ

Ответственный редактор
В. Д. КОРОЛЮК

70202—435
3 042 (02)—78 369—78

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Трудно указать среди памятников Восточной и Юго-Восточной Европы такой, который был бы более загадочен, более сложен по своей судьбе, своему содержанию, относился бы к такому числу стран и событий, как «Записки янычара». До сих пор не прекращаются среди историков и филологов споры о том, где и на каком языке был создан оригинал «Записок», являются ли они плодом индивидуального или коллективного творчества, наконец, как определить их жанр, отнести ли их к мемуарам, к исторической хронике или к публицистике. Спорным остается и вопрос о том, чьи интересы в первую очередь отражают «Записки». Весьма неясны источники «Записок», степень беллетризации сообщаемых в них сведений, а значит и значимости их как исторического источника. Особый интерес к «Запискам» и все споры, которые ведутся уже полтора столетия, т. е. со времени открытия памятника, будут вполне понятны, если мы примем во внимание, что «Записки» — это одно из первых произведений на польском языке и вместе с тем первое сербское историческое сочинение, не связанное даже по форме со средневековой традицией, наконец, если мы учтем, что это одно из первых и самых обстоятельных сочинений по истории Турции, ее государственному, финансовому и военному устройству. Следует сказать при этом, что как ни странно, ни в русской дореволюционной, ни в советской историографии «Записки» не привлекли к себе почти никакого внимания, если не считать случайных о них упоминаний. До сих пор ни целиком, ни даже в отрывках не был издан на русском языке и их текст.

* * *

Памятник был открыт в 1823 г. в католическом монастыре в Бердичеве польским литературоведом А. Галензовским. В 1828 г. он издал его в «Собрании польских писателей» как одно из древнейших польских прозаических произведений¹. Список, обнаруженный Галензовским, не имел заглавия, и издатель назвал это сочинение «Записки янычара». Под таким названием памятник вошел в научный оборот. Это название издатель предложил, исходя из содержания произведения. Впрочем, прочитано оно было им весьма поверхностно. Только этим можно объ-

¹ Zbiór pisarzy polskich, Cz. II, t. 5. Warszawa, 1828.

яснить, что «Записки» были определены как сочинение поляка, находившегося на турецкой службе, несмотря на прямое и неоднократное указание автора о его происхождении из Сербии.

Гораздо более внимательно отнесся к памятнику В. Мацеёвский. Он определил его как сербское сочинение, переведенное на польский язык. Мацеёвский обратил внимание и на чешский, по его мнению, перевод «Записок», который был издан в Литомышле еще в 1565 г.²

После выхода в свет труда В. Мацеёвского «Записки янычара» были выведены из круга узкопольских филологических интересов и почти сразу же привлекли к себе внимание таких выдающихся славистов, как К. Иречек и Я. Шафарик.

Иречек обратил внимание на имя автора «Записок», обозначенное в литомышльском издании — Михаил Константин (в действительности, как показали другие списки сочинения, наоборот — Константин Михаил). Иречек вообще сосредоточил свое внимание на чешском издании памятника, полагая, что он был не только напечатан, но и написан по-чешски, хотя, несомненно, и сербом. Большой заслугой К. Иречека является введение «Записок» в научный оборот именно как исторического источника как в специальной работе, так и в знаменитой «Истории Сербии». К. Иречек поставил вопрос и об источниках «Записок», ограничившись, впрочем, только его сведениями по истории Сербии. Ученый полагал, что янычар писал «о старой сербской истории по песням, которые слышал в молодости»³.

Иначе смотрел на источники «Записок» Я. Шафарик, посвятивший их анализу специальную статью, предпосланную им сербскому переводу памятника⁴. Шафарик считал эти источники турецкими. Аргументация его, однако, была негативного характера: сведения, содержащиеся в «Записках», не совпадают с тем, что можно прочесть в «других летописях». Так же, в отличие от Иречека, Шафарик считал, что янычар «свое сочинение написал в подлиннике в Польше и на польском языке»⁵, хотя и отмечал, что в польском оригинале много сербских и чешских слов⁶.

Несмотря на все более возрастающий интерес к «Запискам», вплоть до начала XX в. не существовало их научного издания с учетом всех известных списков. Это издание и монографическое исследование памятника осуществил в 1912 и 1913 гг. из-

вестный польский филолог Ян Лось⁷. Всего ему удалось выявить 12 списков, к числу которых он отнес и литомышльское издание 1565 г. Я. Лось внимательно проанализировал текстологические и лингвистические особенности каждого из списков, раскрыл состав сборников, в которых они находятся, построил схему взаимоотношения списков. Польский исследователь пришел к выводу, что оригиналом памятника является не дошедший до нас польский текст, с которого была сделана копия, впоследствии расширявшаяся, а затем сокращавшаяся, но в то же время обраставшая поздними приписками. С того же недошедшего до нас польского оригинала, по мнению Я. Лося, был сделан чешский перевод. Оценивая взгляды автора «Записок», Я. Лось пишет о них, как о сложных и противоречивых, в которых религиозность сочетается с критической оценкой поступков людей. Янычар вообще не узок в своих воззрениях: он умеет сочетать ненависть к туркам с похвальным отношением к тому положительному, что у них имеется. Специально занимается Я. Лось место «Записок» в польской литературе и особенно их влияние на последующих польских авторов, писавших на турецкую тему. Эти последние наблюдения являлись в известной мере развитием идей, намеченных Ф. Буяком в его работе, посвященной знанию поляками турецкого государства в XVI в.⁸, где он отметил определенную близость «Записок янычара» идеям Каллимаха, как и более поздним трудам, написанным в Польше по турецкому вопросу.

Критический разбор издания «Записок», осуществленного Яном Лосем, дал известный польский филолог А. Брюкнер⁹. Главным его упреком в адрес издателя было то, что он воспринял памятник «как текст филологического значения, тогда как он обладает только исторической ценностью». Впрочем, Брюкнер высказался и по поводу языка не дошедшего до нас оригинала «Записок». Он считал, что он был написан Константином «на родном церковнославянском языке». Вернувшись к этому вопросу через десять лет, Брюкнер внес поправки в свою гипотезу, определив язык автора как народный, не книжный, свободный от традиций церковнославянской литературы.

Автор, по образному выражению Брюкнера, «вышел не из монашеской кельи, а из обозов и маршей». Как полагал исследователь, с сербского языка «Записки» были переведены на

² Maciejowski W. A. Piśmienictwo polskie, t. I. Warszawa, 1851, s. 352—363.

³ Jireček J. Paměti turecké M. Konstantinovicé.— In: Rozprawy z oboru historie, filologie a literatury. Viden, 1860, s. 1—9.

⁴ Мијаила Константиновића србина из Островица Историја или летописи турски списани око године 1490. Перевео и с објаснавајућим уводом издао др. Јанко Шафарик.— «Гласник Србског ученог друштва», кн. I (18). Београд, 1865.

⁵ Там же, с. 40.

⁶ Там же, с. 29.

⁷ Pamiętniki Janczara czyli Kronika turecka Konstantego z Ostrowicy napisana między r. 1496 a 1501. Wydał Jan Łoś. Kraków, 1912; Łoś Jan. Pamiętniki Janczara (Kronika turecka Konstantego z Ostrowicy).— «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział filologiczny. Serya III, Tom VI (51)». Kraków, 1913.

⁸ Bujak F. Kalimach i znajomość państwa tureckiego w Polsce około początku XVI w.— «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XV». Kraków, 1901, s. 268—288.

⁹ «Kwartalnik historyczny», r. XXVIII. Lwów, 1913, s. 365—370.

чешский и уже только с него — на польский. В самой же Польше Константин из Островицы, по мнению Брюкнера, никогда не бывал. Скорее всего, свое сочинение он написал в Венгрии. «Записки» являются не мемуарами, а хроникой, точнее временником. Ценность их, в глазах Брюкнера, в разных частях не одинакова. Если по сербской истории они отражают устную народную традицию, то в последних главах они дают точные, выверенные сведения о Турции. Статья Брюкнера была единственной работой, посвященной «Запискам», за весь межвоенный период¹⁰.

В послевоенное время интерес к «Запискам янычара» заметно оживился. Причиной тому служит особое внимание к проблемам борьбы славян с внешней опасностью, к вопросам становления национального самосознания и особенно к тем сочинениям, которые одновременно затрагивают исторические судьбы ряда славянских стран. Основное внимание исследователей теперь занимает вопрос о том, чьи интересы отражал Константин, по чьему заказу он написал свое сочинение и кому оно адресовано.

Б. Чирлич в статье с характерным названием «Попытки нового взгляда на «Записки янычара»¹¹ приходит к выводу, что Константин создал свое сочинение по поручению сербских деспотов, живших в Венгрии. Именно они в первую очередь были заинтересованы в мобилизации всего христианского мира на борьбу с Турцией, так же как и в прославлении прошлого Сербской державы, т. е. во всем том, что составляет главную идейную направленность «Записок».

Сходных позиций придерживается при характеристике «Записок янычара» Н. Радойич. Связывая их с сербской народной традицией, он, однако, усматривает в этом памятнике и черты общеевропейской антитурецкой литературы, считая Константина достаточно просвещенным и образованным для этого автором¹².

Возражал Чирличу в ряде своих статей итальянский историк литературы младшего поколения А. Данти. По его мнению, сочинение Константина — «памфлет, вышедший из кругов чешско-венгерской канцелярии»¹³. Более того, именно в этих кругах разрозненным заметкам серба, написанным им в 1463 г., и придали в конце XV в. законченную форму памфлета. В Польше же после того, как этот памфлет был переведен с чешского, его неоднократно перерабатывали, соединяли с другими анти-

турецкими сочинениями¹⁴. Особенно А. Данти занимает вопрос о сходстве идей «Записок» с чешской общественной мыслью и литературой, в частности с идеологией «чешских братьев»¹⁵. Аргументация этого тезиса ученого не представляется, однако, достаточно убедительной: едва ли можно согласиться, что такие мысли Константина, как необходимость братского согласия для избавления от мусульман или справедливость по отношению к убогим, примеры которой в Турции приводятся в «Записках», можно расценить как присущие «чешским братьям».

Призыв к борьбе с турецкой опасностью как главное назначение «Записок» никто из исследователей не подвергает сомнению. Однако то, какие пути и средства предлагал для этого Константин, в ком и в чем он видел спасение, оценивается по-разному. Так, если югославский историк С. Чиркович полагает, что в главе XVIII «Записок» выступают универсалистские (в эсхатологической окраске) идеи объединения всего христианского мира под эгидой римского папы и императора Священной Римской империи¹⁶, то польский ученый С. Былина придерживается противоположного мнения. Он считает, что сочинение янычара отражает именно антипапскую и антиимперскую позицию и созвучно плану союза европейских государей, который возник при дворе чешского короля Иржи Подебрада¹⁷.

Весьма спорный вопрос о языке оригинала «Записок» давно сделал необходимым тщательное изучение их лингвистических особенностей. Отдельные замечания о языке памятника делали едва ли не все исследователи, но монографического его анализа до последнего времени в науке не было. Этот пробел восполнила Гордана Йованович в своей книге «Исследование языка «Записок янычара»¹⁸. Впрочем, Йованович не видит в настоящее время возможности определить язык, на каком Константин писал свое сочинение, и ставит перед собой задачу исследовать язык сохранившихся версий памятника, польской и чешской. Те сербизмы, на которые указывали предшествующие ученые, таковыми, по мнению Йованович, не являются. Чаше они имеют общеславянское употребление. Г. Йованович считает, что польская версия памятника вторична по отношению к чешской.

¹⁰ Brückner A. Wremenik serbskoturecki.— «Slavia», г. II, s. 2 а 3. Praha, 1923, s. 310—326.

¹¹ Čirlić B. Próba nowego spojrzenia na «Pamiętniki janczara».— «Pamiętnik literacki», г. XLIII, z. 1—2. Warszawa — Wrocław, 1952, s. 140—169.

¹² Радойич Н. Српско или страно дело.— «Летопис Матице српске», 1960, кн. 386, св. 6, с. 427—434.

¹³ Danti A. Ani janczar, ani autor Kroniki tureckiej? (W sprawie Konstantego Michailowicza z Ostrowicy).— «Pamiętnik Słowiański», т. XIX. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 108.

¹⁴ Danti A. i Jovanović G. Siedemnastowieczna przeróbka «Pamiętników Janczara», w świetle nowych rękopisów.— «Ruch Literacki», г. IX, z. 4 (49). Kraków, 1968, s. 223—229.

¹⁵ Danti A. Od kroniki Tureckiej k Pamiętnikom Janczara.— «Slavia», г. XXXVIII, s. 3. Praha, 1969, s. 351—366.

¹⁶ Туркович С. Идеја светског царства код Константина из Островице.— «Зборник радова Византолошког интитута», 1961, кн. 7, с. 141—145.

¹⁷ Bylina S. O tzw. Pamiętnikach Janczara i ich polskich edycjach.— «Biuletyn historyków literatur zachodnio-słowiańskich», г. III. Warszawa, 1970, s. 52—53.

¹⁸ Jovanović G. Studia nad językiem «Pamiętników Janczara» (na podstawie dwóch rękopisów polskich redakcji pierwotnej).— «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», CCCLXXIII. Prace językoznawcze, s. 37. Kraków, 1972.

Научное переиздание текста «Записок янычара» не производилось с 1912 по 1959 г. В этом году под редакцией Д. Живановича такое издание было предпринято Сербской Академией Наук¹⁹. Текст в нем воспроизводится параллельно на польском и сербском языках. За основу Д. Живанович взял краковское издание 1912 г. Как и в нем, в белградском издании отсутствует исторический и текстологический комментарий, что крайне затрудняет пользование текстом. Д. Живанович предпослал тексту обширное предисловие, в котором дается историографический очерк памятника, разбираются биографические данные о Константине из Островицы, рассматриваются его взгляды и идеалы, оцениваются достоинства и отмечаются недостатки сочинения. Д. Живанович не сомневается, что Константин писал свои «Записки» в Польше и на польском языке и что они вполне соответствуют идеям и интересам польского короля Казимира, боровшегося со шляхтой и осуждавшего папу, следы чего можно найти в «Записках». По мнению Живановича, Константин, находясь в Сербии, почему-то не мог научиться читать и писать, а потому все его исторические сведения базируются исключительно на народной традиции. Однако, когда он писал свое сочинение, он был уже европейцем и обладал широким взглядом на международную ситуацию. Его воззрения в значительной степени были связаны с идеями гуманизма. Константина поэтом, по мнению Д. Живановича, можно считать зачинателем ренессансных взглядов как в польской, так и в сербской литературе того времени.

Наконец, в самое последнее время, в 1975 г., в ФРГ вышел полный немецкий перевод «Записок», снабженный предисловием и комментарием²⁰. Перевод был осуществлен К. П. Гаазе, им же написано предисловие. Комментарий сделан Р. Лахман и Г. Принцигом. Перевод «Записок» на немецкий язык значительно облегчил пользование памятником широкому кругу читателей.

Автор предисловия обратил особое внимание на структуру «Записок», резко распадающихся, по его мнению, на три части: 1) Трактат об антитурецкой войне; 2) Сведения о мусульман-

стве и истории турок; 3) Серию фрагментов сербской истории. В последней части «Записок», по мнению К. Гаазе, соединились два жанра — эпический и агиографический, влияние которых исследователь считает на составителя «Записок» весьма серьезным. Впрочем, и это является самым парадоксальным во введении к памятнику, его издатели не верят в реальность самого Константина, считая его вымышленным лицом. Они же постоянно подчеркивают наличие множества интерполяций в «Записках», хотя и не отрицают, что первоначальное ядро текста могло возникнуть на грани XV и XVI столетий.

Данный выше краткий историографический обзор показывает, что, несмотря на значительное внимание, уделявшееся историками и филологами «Запискам янычара», этот ценный памятник требует дальнейшего исследования. Помимо спорных вопросов, связанных с историей возникновения «Записок» и личностью их автора, памятник практически остается совсем не изученным с источниковедческой точки зрения. Нельзя считать достаточной и филологическую разработку польских и особенно чешских списков сочинения Константина, в том числе и литомышльского издания 1565 г.

* * *

О жизненном пути Константина из Островицы известно только то, что он сам сообщает в «Записках». Эти сведения двоякого характера: либо прямые указания автора, либо те наблюдения и выводы, которые можно сделать из его высказываний с большей или меньшей степенью вероятности.

Трудности здесь начинаются чуть ли не с первого шага. Город, откуда происходил автор, обозначен уже в самом заглавии его сочинения — Островица. Но какая Островица? Их известно в Сербии несколько: Островица близ Рудника — город на севере от города Новое Брдо; село с таким же названием в его ближайших окрестностях; город в юго-восточной части Косова поля. Я. Шафарик и К. Иречек решительно высказывались за то, что Островица Константина — это город рудников, тогда как Я. Лось указывал на Косово поле. Д. Живанович возражает им: на север от Брдо были турки, и родители Константина не могли оттуда переселиться в Брдо, где Константин был уже в 1455 г., как видно из его рассказа о захвате турками этого города. Сомневается Живанович и в гипотезе Я. Лося. По его мнению, человек, происходивший из Косова, не мог сказать о местности в своей родной земле — «одно поле, которое называется Жеглигово». Со своей стороны, Живанович предполагает, что речь может идти только о селе Островице в окрестностях Брдо. Нам это представляется маловероятным, так как свое происхождение человек в то время едва ли мог определять по селу. Обычно его обозначали в больших масштабах, т. е. если

¹⁹ Константин Михайлович из Островице. Јаничарове Успомене или Турска Хроника. Превод и предговор Ђорђа Живановића.— «Српска Академија Наука. Споменик. CVII Одељење друштвених наука. Нова серија 9». Београд, 1959. Это издание было повторено в научно-популярном варианте в 1966 г. («Јаничарове Успомене или Турска Хроника» Бразде. Пособна серија 5. Београд, 1966. Рецензию на это издание см.: Jovanović G. Wznowienie «Pamiętników Janczara» po serbsku.— «Ruch Literacki», r. IX, z. 4 (49). Kraków, 1968, s. 242—244).

²⁰ Memorien eines Janitscharen oder Turkische Chronik. Eingeleitet und übersetzt von Renate Lachman, Kommentiert von Claus Peter Haase, Renate Lachman, Gunter Prinzing. (Slavische Geschichtsschreiber, Bd. VIII. Graz — Wien — Köln, 1975). Рецензию Шербана Папакостея на это издание см.: «Revue Roumaine d'Histoire», 1974, N 4, p. 734—735.

уж не целой местности или области, то хотя бы города. Возражения же Живановича Шафарику и Иречку нельзя признать справедливыми. Таким образом, остается Островица в Косовом поле, как это и считал Лось, впрочем, не знавший об Островице у Нового Брдо. Что же касается странного, с точки зрения Живановича, наименования Жеглигово «одним полем», то здесь следует принять во внимание, что Константин писал свой труд вдали от тех мест, где родился, и предназначал его для читателей, ни малейшего представления не имевших о Жеглигове.

О годе рождения Константина можно только строить догадки. К. Иречек выдвинул дату 1438 г.²¹, очевидно, потому, что когда Константин рассказывает о своем пленении турками в Новом Брдо (а известно, что это произошло в 1455 г.), он говорит о себе как о совершеннолетнем.

Трудно сказать что-либо определенное и о происхождении Константина. Ясно только, что его родители не относились к числу виднейших лиц в городе, так как, по его же словам, все знатные люди были перебиты в 1455 г. В плен же попали дети «господ» и, очевидно, их челядь, с которой эти «господа», как рассказывает Константин, по требованию турок вышли из города. Кем был Константин — «господином» или челядином? Челядином едва ли. Его брат, попав вместе с ним в плен, был по крайней мере уже к 1463 г. хранителем султанской казны (гл. XXXIV). Но и еще в 1455 г., т. е. сразу после пленения, турки относились к нему и к другому брату Константина как к авторитетным людям, сочтя их ручательство достаточным для того, чтобы простить Константина за его попытку к бегству (гл. XXVII). И в то же время сам Константин поражает, как это будет показано далее, почти полным незнанием сербской письменной традиции и церковной литературы, но он, очевидно, неплохо разбирался в горном деле. Не случайно в 1453 г., когда деспот Георгий Бранкович послал свои вспомогательные войска Мехмеду II, осаждавшему Константинополь, в их рядах оказался Константин. Именно эти работы, связанные с подкопами и взрывами стен, позволили автору «Записок» сказать о себе и своих сербских собратьях, «что без нашей помощи он (Константинополь. — А. Р.) не был бы взят» (гл. XXVI). Константину суждено было присутствовать при опознании головы последнего византийского императора, павшего в бою. Во всяком случае, только ему из всех авторов, описывавших падение столицы Византии, известно имя грека (Андрей), опознавшего голову Константина IX²².

После падения Константинополя Константин вернулся на родину и жил в городе Новое Брдо, где и попал в плен к туркам в 1455 г. Автор «Записок» и здесь пишет неясно обо

²¹ Иречек К. Историја Срба, кн. II. Београд, 1953, с. 376.

²² Runciman S. The fall of Constantinople 1453. Cambridge, 1965, ch. X, прим. 15.

Св. Георгий.

Фреска монастыря Раваница (ок. 1375 г.)

всем, что относится к нему самому. И все же создается впечатление, что он был взят в янычары, коль скоро Константин, сообщая о том, что тех, кто был рекрутирован в это войско, отправили для обучения за море, упоминает, что туда повезли и его. Тем более удивительно, что, как явствует из последующего повествования Константина, он оказался не в янычарской школе Аджами Оглан, а чуть ли не сразу же при дворе султана в Адрианополе. Константин опять-таки прямо об этом не говорит, но это с несомненностью вытекает из того, что он в 1456 г. принимал участие в тайном погребении сербов — участников неудавшегося покушения на Мехмеда II (гл. XXVII). Естественно, возникает вопрос: был ли Константин хотя бы недолго в янычарской школе и вообще был ли он янычаром или

нес какую-то другую службу? К сожалению, списки учеников школы Аджамы Огхлан, как и самих янычар, неизвестны, так что остается искать ответа на поставленный вопрос только в самих «Записках» Константина.

Прежде всего напомним, что «Записками янычара» они названы их первым польским издателем. В самом же заглавии сохранившегося в списках памятника лишь значится, что их автор «был взят от турок среди янычар». Такое обозначение не дает прямого ответа. Среди янычар мог быть и янычар, и неянычар. Довольно противоречивыми в этом отношении могут показаться и автобиографические моменты в «Записках». Прямо янычаром Константин себя не называет нигде. При описании штурма Белграда в 1466 г. он как бы отделяет себя от янычар, когда пишет: «А потом мы видели, как янычары бежали» (гл. XXIX). Но в дальнейшем повествовании, в частности в рассказе о походе на Трапезунд в 1459 г., он, наоборот, если и не прямо причисляет себя к янычарам, то говорит, по крайней мере, о совместных с ними действиях, когда именно янычар султан послал в город за верблюдами, несшими казну. «И мы должны были с большим трудом идти на гору», — замечает по этому поводу Константин (гл. XXXI). Можно было бы предположить, что только в 1459 г. Константин был зачислен в янычары, но этому противоречил бы, во-первых, порядок зачисления в янычары с младенчества, а во-вторых, рассказ Константина о его участии в переправе через Дунай в 1462 г. во время войны с валашским господарем Владом IV Цепешом (Дракулой). Рассказав о том, что он был в первой партии переправившихся, Константин добавляет: «Потом лодки поехали на ту сторону, и все янычары переправились к нам» (гл. XXXIII).

Кем же был в войске султана Константин? Представляется наиболее правильным предположение А. Данти, пусть им и не аргументированное, что автор «Записок» принадлежал к отрядам артиллерии, сформированным именно в 50-е годы XV в. Мехмедом II²³. В самом деле, именно вопросы, связанные со всякого рода оружием, особенно с орудиями, наиболее привлекают внимание Константина. Он пишет о литье пушек во время морейского похода (гл. XXX) и под боснийской крепостью Бобовац в 1463 г. (гл. XXXIV). В «Записках» сообщаются подробные сведения о вооружении турецких войск во время дунайской кампании 1464 г., о размещении орудий после форсирования Дуная и, наконец, прямо говорится: «Имея двадцать малых пушек, мы внезапно стали палить, так что все их войско отогнали с поля» (гл. XXXIII). Интерес Константина к артиллерии был столь велик, что он и после ухода от турок собирал сведения о ней в турецких войсках (гл. XXXV). Наибольшее внимание артиллерии Константин уделяет в общих своих рас-

суждениях о турецкой армии и способах борьбы с ней в одной из заключительных глав «Записок» (гл. XLV).

Можно предположить, что мастерство горного дела, которому он, вероятно, с детства был обучен, помогло ему и в овладении артиллерийским искусством. Но, будучи человеком, близким к султанскому двору, имея отношение к султанской артиллерии, мог ли оставаться Константин христианином или обязан был принять ислам? «Записки» как будто говорят в пользу первого предположения. Во всяком случае, ни единого намека в них на переход автора в ислам не имеется. Скорее, наоборот, Константин подчеркивает свою верность и преданность христианскому исповеданию. Это особенно заметно в предисловии и в главе IV «Записок». В то же время нельзя не отметить, что Константин великолепно знает мусульманство, его вероучение, ритуал, обычаи, воспроизводит длинные молитвы на арабском языке. Эти знания Константина явно не книжные.

Несмотря на обилие сведений о мусульманстве, у него нет ни одной цитаты из Корана, а ссылки на слова Мухаммеда весьма далеки от того, что сказано в Коране и, видимо, восходят к живой, устной традиции. Так, например, говоря о запрещении Мухаммедом вина, Константин пишет, что он сказал, что если кто, будучи пьяным, умрет, то будет в аду (гл. III). В действительности в Коране вино осуждается как сила, вносящая вражду и ненависть (сура 5, стих 93). Константин и не скрывает, что свои сведения о мусульманстве он получил в основном благодаря посещениям мечетей, слушанию в них проповедей, а также расспрашивая мусульман и слушая их рассказы. Но мог ли он столь свободно ходить в мечети, не будучи мусульманином? Более того, Константин сообщает детальнейшие подробности, причем по своим личным впечатлениям (гл. XXII), о дервишских радениях, на которые, как известно, не допускались не то что иноверцы, но даже и мусульмане, не посвященные в дервишество, и при этом даже не вновь принятые²⁴. И, наконец, просто невозможно представить себе, чтобы христианин был поставлен султаном во главе гарнизона одной из важных крепостей — Звечай в Боснии — и под его начало было отдано пятьдесят янычар и еще тридцать турецких солдат (гл. XXIV). Может быть, именно то обстоятельство, что Константин был мусульманином, привело к нарочитому замалчиванию определенных сторон его жизни в «Записках», написанных в то время, когда он снова стал христианином.

До того как Константин из Островицы занял ответственный пост коменданта гарнизона, он прошел немалый путь службы в турецкой армии. На следующий год (1456) после того, как он был захвачен в плен и, как уже говорилось, быстро попал ко двору султанов, Константин участвует в осаде Белграда турец-

²³ Danti A. Ani janczar..., s. 112.

²⁴ Петрушевский И. П. Ислам в Иране. Л., 1966, с. 324.

кими войсками (гл. XXIX). В 1458—1460 гг. Константин — среди турецких войск, завоевывающих Морею, а в 1461 г. — Синоп (гл. XXX). В этот промежуток времени, в 1459 г., он еще принимает участие в длительном и тяжелом походе султана на Трапезундскую империю, завершившемся ее покорением (гл. XXXI). В 1463 г. Константин воюет в Боснии. Здесь он, несомненно за свои военные заслуги, становится комендантом крепости Звечай, которую после длительного и добросовестного, по его собственным словам, сопротивления вынужден был сдать венграм (гл. XXXIV).

О своей дальнейшей судьбе Константин вообще не говорит ни слова. Я. Шафарик живописует картину триумфального въезда венгерского короля Матиаша Корвина в Буду, когда его сопровождали 500 пленных турок. Не ссылаясь на какой-либо источник, Шафарик пишет, что среди них «был и начальник завоеванного города Звечая»²⁵. Есть, однако, основание сомневаться в столь публично позорном возвращении Константина в христианский мир, поскольку он недвусмысленно вспоминал в своих «Записках», как он «благодарил бога, что с честью вернулся к христианам» (гл. XXXIV).

И все же, судя по тем же «Запискам», отношения у Константина с венгерскими королевскими властями сложились крайне плохие. Как о Яноше Хуньяди, так и о его сыне Матиаше Корвине Константин высказывается крайне недоброжелательно. Янош Хуньяди, прославившийся непримиримой борьбой с турками, в изображении нашего автора не более чем злокозненный авантюрист, сумевший втянуть короля Владислава Венгерского в поход против турок в 1444 г., окончившийся варненской катастрофой. Константин при этом отметил, что сам Янош «отступил назад без всякого препятствия» (гл. XXIII). Он же пытался втянуть благоразумного сербского деспота в новый, но не менее, с точки зрения Константина, бессмысленный поход против турок в 1448 г. с его «несчастной и печальной битвой» на том самом Косовом поле, где в 1389 г. происходила роковая для Сербии битва (гл. XXIV). После поражения Хуньяди скрылся в Смедереве у сербского деспота, чем причинил ему и Сербии много неприятностей от турок. Разумеется, при этом Константин не говорит, что Янош был фактически арестован деспотом и отпущен лишь за большой выкуп (гл. XXIV, прим. 4). Константин обвиняет венгров в том, что они не оказали поддержки деспоту в 1455 г., когда турки двинулись на его землю (гл. XXVII). Крайнее коварство проявил Янош Хуньяди и в следующем, 1456 г., когда во время морового поветрия в Смедереве дал приют деспоту у Белграда, а потом сам же велел арестовать его. Что же касается блестящей победы над турками Яноша Хуньяди под Белградом в 1456 г., то этот успех Кон-

²⁵ Мијаила Константиновића србина..., с. 39.

Св. воины Феодоры Стратилат и Тирон.
Фреска монастыря Каленич (1407—1413)

стантин объясняет случайным стечением обстоятельств и плохими советчиками султана.

В крайне черных тонах обрисован Константином и сын Яноша Хуньяди, король Матиаш Корвин. Его он даже приводит как пример тех людей, которые оставляют о себе самую дурную память. Более всего автор «Записок» упрекает Корвина за те войны, которые он вел с христианами перед лицом турок. «Если бы он,— пишет Константин,— половину тех средств, которые истратил на войну с христианами, обратил на борьбу с погаными, он изгнал бы турок за море и прославился от востока до запада, а от господ бы получил великое воздаяние, а от людей — честь, его бы в веках помнили христиане, а поганные дрожали бы при упоминании его имени» (гл. XXVIII). Этот же горький упрек в адрес Матиаша Корвина Константин повторяет

и в завершающей части своего сочинения: «Не так надо поступать, как король Матиаш, который, не обращая внимания на поганных, вел борьбу с христианами» (гл. XLIX).

Эти упреки резко и тем более значимо звучат в сочинении Константина, что главной идеей его «Записок» был призыв к совместной борьбе всего христианского мира против «поганных». Уже в предисловии Константин обращается с молитвой, которая задает весь тон его сочинению: «Поспешి помочь своим христианам и отврати проклятых поганных».

К необходимости сплотить все усилия христиан против турецкой опасности, забыть взаимные распри автор «Записок» возвращается неоднократно. «Знайте, что поганные смелы и мужественны не сами по себе, а благодаря нашему несогласию и нашей ненависти», — пишет он (гл. XXVIII). Константин выискивает любые возможности осудить христианские раздоры. Об этом он не забывает сказать и когда излагает события родной сербской истории (гл. XVI), и даже когда передает содержание слышанной им в мечети мусульманской проповеди (гл. V). Собственно, все обстоятельнейшие сведения об устройстве и системе управления турецкого государства, об организации армии и ее вооружении, о финансах и землевладении у Константина не просто приводятся для удовлетворения любопытства читателей, но для того именно, чтобы помочь тем, кто будет воевать с турками. Константин дает в своем сочинении и множество совершенно практических советов ведения войны с турками, заверяя читателей, что он хорошо знает достижения и недостатки турецкой армии, так как, по его словам, он имел возможность к ним «приглядеться» (гл. XL). Именно на основе этих своих наблюдений наш автор рекомендует как можно долее задерживать турецкую пехоту в поле (гл. XL) и удерживать города при штурме их турками более двух часов (гл. XLV); метать стрелы в верблюдов, которые от них ринутся на собственные войска (гл. XL); выбирать легкое, а не тяжелое оружие (гл. XLI); предпочитать копьям мечи (гл. XLI); рассылать специальных лиц для наблюдения за действиями своих войск и пробуждения в них храбрости (гл. XLI); настигать быстрых всадников в горах или у широких рек (гл. XLII) и многое другое.

Однако, естественно возникает вопрос: кто же сможет организовать и возглавить поход против турок, кому адресованы столь подробные сведения и для кого предназначены столь детальные советы и рекомендации? В целом отрицательно оценивая опыт борьбы венгерских правителей с турецкой агрессией, Константин все же не исключает возможности их участия в военных действиях против османов. Именно потому он и упрекает их в том, что они не использовали имевшиеся у них реальные возможности. Константин с сокрушением говорит при этом, что не используют свои возможности ни папа римский, ни император Священной Римской империи, беспечно относящиеся, несмотря

на свое призвание и долг, к интересам защиты христианского мира. «А святой отец, папа в Риме, — с горечью пишет Константин, — со своим духовенством сидит спокойно, также и Римский король в немецких землях пирует со своими рыцарями, так что о них ничего не слышно в Турции, ибо они ничего не предпринимают против поганных» (гл. XVIII). Более того, в заключительной главе Константин даже обвиняет папу и императора в том, что они сами сеют раздор в христианском мире именно благодаря их наговору на чешского короля. Показательно при этом, что Константин не говорит о мотивах, которые выдвигали папа и император, — борьба с гуситским королем Иржи Подебрадом. Константин просто видит в этом бессмысленную братоубийственную войну.

По мнению автора «Записок», только один государь в Европе способен возглавить и вести борьбу с турками и оборонять от них христианский мир. Он прямо пишет: «Нет тех, которые бы его обороняли и умножали, кроме польского короля Ольбрахта, который много потерпел от людей своего государства, видимо, из-за того, что своих земляков он заставил трудиться за мир и свободу христианства, противостоя поганым» (гл. XVIII). Константин не сопровождает это высказывание какими-то конкретными примерами. В заключительной же главе он говорит о буковинском походе Ольбрахта 1497 г., изображая его как событие особого, исключительного значения, как «мечь за пролитие христианской крови и гибель людей» (гл. XLIX).

Между тем буковинский поход, предпринятый с целью отвоевания важных в торговом отношении черноморских городов Килина и Белгорода, не являлся блестящей победой и закончился отступлением объединенных польских войск из Молдавии. При этом далеко не в духе христианской любви и братолюбия Ян Ольбрахт стремился навязать этой стране в качестве государя своего младшего брата Сигизмунда, чем и вызвал ожесточенное сопротивление господаря Стефана Великого. Поход 1497 г., был единственной антитурецкой акцией польского короля, скорее опасавшегося вступить в конфликт с Турцией и более заботившегося об упрочении своего влияния в Молдавии²⁶.

Все сказанное свидетельствует об особой заинтересованности Константина в прославлении Яна Ольбрахта, о приписывании ему необыкновенных заслуг как последовательному и единственному борцу с турецкой агрессией. Именно венгерского короля Матиаша Корвина польский посол в 1486 г. обвинял в срыве похода против турок. На заседании венецианского сената он

²⁶ Historia Polski, t. I, cz. II. Warszawa, 1965, s. 191—192. Ряд польских историков вообще склоняются к мысли, что буковинский поход с самого начала имел не антитурецкую, а антимолдавскую направленность (*Gorka O. Nieznany żywot Bajazida II źródłem dla wyprawy czarnomorskiej i najazdów Turków za Jana Olbrachta.* — *Kwartalnik Historyczny*, t. LII, 1938, z. 3, s. 375—427; *Spieralski Z. Awantury Mołdawskie.* Warszawa, 1967).

говорил об этом почти такими же словами, как Константин в своих «Записках», т. е. что Корвин вместо борьбы с турками угрожает христианским странам²⁷.

Трудно себе представить, чтобы Константин занимался этим, не имея никакого отношения к Ольбрахту или, по меньшей мере, не живя в его владениях. Если допустить, что Константин жил и писал в Польше, то в свете этого предположения становится понятной последовательно противовенгерская настроенность Константина, которую вовсе не разделяли его собратья сербы, воспевавшие подвиги Хуняди, известного в сербском эпосе как Янко Сибинянин или Янко Воевода²⁸. Напомним в связи с этим о крайне напряженных польско-венгерских отношениях последней четверти XV в., особенно войну за Силезию²⁹.

Симптоматичным является и повышенный интерес автора «Записок» к татарам. Они в его изображении противостоят туркам и выигрывают по сравнению с ними в ловкости, хитрости и смелости. Оценивая преимущества татарских войск, Константин пишет: «Татары также быстры на своих конях, как турки, а к тому же они мужественны и тверды и много выгадывают от того, что держатся, как и турки. Самим же туркам не помогает такой порядок, потому-то татары часто одерживали победу над турками» (гл. XLI). Несколько ранее этого утверждения Константин уже подготовил читателя к нему. В главе XXXII он подробно рассказывает о столкновении Мехмеда II с ханом так называемой белобараньей орды Хасаном. Эта глава вообще является чуть ли не самой загадочной во всех «Записках». Дело в том, что Константин пишет об этом походе к Евфрату после известия о падении Смедерева, что произошло летом 1459 г., и до рассказа о войне султана с валашским господарем Владом IV Цепешом, которая происходила в 1462 г. При этом Константин неоднократно упоминает о себе как об участнике похода. А между тем никакого похода на Узунхасана в этот промежуток времени не было, во всяком случае, ни один источник о нем не упоминает³⁰. Такой поход имел место только в 1473 г., когда Константин был уже среди христиан, вне пределов Турции. Подозрительно совпадают при этом в рассказе Константина и в сведениях, имеющихся о походе 1473 г., места сражений, например Шабин-Карахисар, и некоторые действующие лица, например Мустафа, который у Константина, впрочем, фигурирует как сын Узунхасана, хотя в действительности он был сыном его противника, султана Мехмеда.

Есть и другие, странные для участника похода, неточности

в рассказе. Так Мехмет-паша был ранен не во время похода на Узунхасана, как говорится в «Записках», а еще во время похода на Трапезунд. Константин изображает поход как победоносный для татар, и в этом заключается самое большое расхождение с подлинным ходом событий 1473 г., когда Узун Хасан был разбит наголову под Бешкентом. У Константина же победивший хан восклицает: «Я не знал, что турецкий султан, сын Отомана, так слаб по сравнению со мной» (гл. XXXII). Таким образом, придуманный Константином рассказ о турецком походе к Евфрату, хотя в некоторой степени и был основан на реальных событиях, прежде всего преследовал цель публицистическую, а именно — прославлял могущество и силу татар и в то же время — их вражду по отношению к туркам. Чтобы сделать этот рассказ ярким и интересным, автор «Записок» не поспешил на красочные подробности, связанные с покушением татар на турецкого визиря Мехмет-пашу или с хитрыми проделками султанского шута, пытавшегося обмануть и дезориентировать хана.

В высказываниях Константина о татарах нельзя не увидеть отголоска идей, получивших в последней четверти XV в. довольно широкое распространение в Европе и особенно оживленно дискутировавшихся в Польше в 70-х годах³¹. Правда, польские официальные круги подвергали серьезному сомнению реальность так называемого «татарского плана» борьбы с турками, но показательно, что выдвигавшиеся при этом мотивы (малая боевая дееспособность, разбросанность и малочисленность татар) опровергаются теми именно сведениями, которые сообщает о татарах Константин, пусть прямо и не говоря, что их надо использовать в борьбе с турками.

На Польшу как на страну, где Константин создавал свои «Записки», указывает также и постоянное использование им польских названий для пояснения турецких терминов. Это особенно бросается в глаза в главах XXXVII и XXXVIII, когда, например, чехан сравнивается с маршалком и многократно говорится о турецких гетманах.

Сделанные выше наблюдения позволяют говорить о том, что «Записки» были написаны Константином из Островицы в Польском государстве, куда он попал из Венгрии³². При этом не-

²⁷ Materiały do dziejów dyplomacji Polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks Zagrebski). Opracował J. Garbacić. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 7—9. Ср.: «Записки», гл. XXVII.

²⁸ Ćirić B. Próba..., s. 161.

²⁹ Historia Polski, t. I, cz. II, s. 189—190.

³⁰ Бабингер Ф. Мехмед Освојач и него доба. Нови Сад, 1968, с. 262—263, 165.

³¹ Garbacić J. Kallimach jako dyplomata i polityk. Kraków, 1948, s. 44, 45, 56.

³² Загадочным остается упоминание в заглавии «Записок» по списку Национального музея в Праге (список М — см. описание списков) о том, что Константин при дворе французского короля звали Карлом. В самом тексте «Записок» о поездке автора в Париж нет ни слова. Нет его и в заглавиях польских списков. Почти все исследователи обходят молчанием этот вопрос. Только Д. Живанович высказывает предположение, что Константин ездил к французскому королю Карлу VIII (1483—1498) для агитации за войну против турок (Константин Михайлович из Островице. Ланитарово Успомене или Турска Хроника. Превод и предговор Борђа Живановића..., с. XXIX).

трудно определить и тот промежуток времени, когда «Записки» были созданы. Это период с 1497 по 1501 г., поскольку ранее буковинского похода это было невозможно, как это было невозможно и после 1502 г., когда Ян Ольбрахт умер. Может быть, это был 1500 г., который, хотя и ошибочно как 1400, обозначен в списке Замойского (список Z — см. описание списков).

Можно предположить, что Константин жил где-то в восточных областях Польско-Литовского государства. Не случайно большинство польских списков его сочинения происходят именно оттуда, как на это справедливо обратил внимание Б. Чирлич³³. При всей кажущейся исключительности сочинения серба в Польше в XV в. это явление находит свое место в системе культурных связей Польши и Литвы с балканскими странами. Напомним, что именно в Великом княжестве Литовском протекала еще в начале XV в. деятельность Григория Цамблака, связанного как с болгарской, так и с сербской культурой. Сюда же проникают сербские агнографические памятники и произведения сербской светской, рыцарской литературы («Повесть о Тристане»). В другой работе нам уже приходилось отмечать, сколь существенными были балканские влияния на так называемые русские фрески XV в. в Польше³⁴. Добавим к этому, что в 1557 г. в Супрасле трудился над росписью стен собора «сербин» Нектарий³⁵.

Выбор Константином восточных областей Польско-Литовского государства мог объясняться и его православным вероисповеданием, столь распространенным на этих землях. Хотя Константин прямо нигде и не осуждает католичество и не противопоставляет его православии, но все же неоднократно и довольно резко осуждает римского папу. Особенно отчетливо эти мотивы звучат в главе XVIII, хотя слова осуждения и вкладываются Константином в уста других лиц. Именно они пророчествуют, что из Рима «будет происходить все зло» (гл. XVIII), в православном духе трактуют слова о едином пастыре как о Христе, а не о папе (гл. XVIII), утверждают, что никто из пап после раскола с православной церковью не был святым (гл. XXXVI).

Впрочем, принадлежность Константина к православию ни в коей мере не придала его сочинению нарочито церковной или даже просто религиозной окраски. С этой точки зрения показательно, что он, говоря о сербской истории, ни разу не упомянул об архиепископе Савве Сербском, в высшей степени по-

пулярном в Сербии святом. Идеалы и взгляды Константина лежат скорее в сфере народных, фольклорных представлений об истории, не исключающих, конечно, и имеющегося в «Записках» прославления князя за постройку храма и похвальное, с точки зрения автора, обращение за мудрыми советами к духовенству (гл. XV).

Даже сама авторская манера и литературные приемы сближают «Записки» с произведениями народного творчества. В этом отношении особенно характерен рассказ о битве за Белград в 1456 г., изложенный в форме рассказа о четырех печалях султана (гл. XXIX). Константин даже пользуется в своем повествовании загадками и притчами, например, когда говорит о совещании султана Мехмеда II с приближенными по поводу похода на христиан (гл. XXVI).

Тот же султан уподобляет своих воинов стрелам (гл. XXIV). К фольклорной традиции восходит и весьма своеобразный для любого исторического сочинения характер датировки событий. За считанными исключениями, о которых речь пойдет ниже, Константин не указывает ни месяца, ни даже года описываемых им событий, но зато в целом ряде случаев сообщает о дне недели, когда то или иное событие произошло. Так, о дне Варненской битвы он пишет только то, что она произошла в понедельник (гл. XXIII), что боснийское посольство прибыло к султану в субботу, а походом он отправился на Боснию в среду (гл. XXXIV); вторая Косовская битва, по сообщению Константина, длилась с четверга до субботы (гл. XXII). Только о знаменитой Косовской битве Константин знает, что она произошла в день св. Вита (гл. XVI), что само по себе не может вызвать удивления, поскольку этот день («Видовдан») у сербского народа всегда отмечался как памятный траурный день, о котором Константин, несомненно, знал с детства. Впрочем, и здесь он ничего не говорит о годе битвы на Косовом поле. Само собой разумеется, что подобного рода датировки являются серьезным недостатком «Записок» как исторического источника, но вместе с тем они недвусмысленно указывают не только на авторскую манеру Константина, но и на его источники. Правда, мы не можем прямо указать на какие-либо дошедшие до нас произведения сербского эпоса как послужившие источником при составлении «Записок». Причиной этого, вероятно, является то обстоятельство, что в середине XV в., когда наш автор жил в Сербии, эпические циклы, известные нам, еще не сложились, и Константин пользовался какими-то не известными нам песнями и преданиями.

Константин воспользовался не только сербскими, но и турецкими устными преданиями. Характерным примером здесь может служить легенда об Османе, основоположнике султанской династии, и правительнице Каравиде, изложенная в духе «Тысячи и одной ночи» (гл. IX). Повествуя о битве при Тре-

³³ Čirlić B. Próba..., s. 167.

³⁴ Рогов А. И. Русско-византийские фрески в Польше и культурные связи восточных славян с балканскими странами. — В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории культуры. М., 1976, с. 274—283.

³⁵ Археографический сборник документов, относящихся к Северо-Западной Руси, т. IX. Вильна, 1870, с. 52.

пане (16 ноября 1454 г.), Константин уже прямо ссылается на то, что ему об этом рассказывали турки (гл. XXVII).

Явно из каких-то сказаний о Варненской битве, бытовавших среди янычар, почерпнул свои сведения о ней и Константин, сообщающий подробности поиска янычарами головы короля Владислава и того, как ее носили по турецким городам, а также янычарского обычая носить в память победы над ним белые и красные штанины, как это делал побежденный ими король (гл. XXIII). Отметим, кстати, что янычарское предание о Варненской битве не отличалось большой точностью. Во всяком случае, такие историки, как Сфрандзи и Халкокондил, рисуют совсем другую картину хода боя³⁶.

Насколько большую роль играли для Константина турецкие источники, показывает тот факт, что он знал о турецком памятнике на Косовом поле (гл. XVI) и ничего не знал о надписи на сербском столбе, которая неоднократно воспроизводилась в сербских рукописных сборниках³⁷. Показательно также, что Константин приводит совершенно особую для раннего периода (вплоть до XIV в.), просто полусказочную родословную султанов, не проявляя при этом никаких признаков знакомства с известными сербскими родословными султанов³⁸.

Одним из важнейших источников сведений, сообщаемых Константином о Турецкой империи, являются его собственные воспоминания. Этим и объясняются особенно подробные сведения о турецкой армии и разновидности ее основных и вспомогательных войск, порядке их рекрутирования, вплоть до детальной картины выстраивания войска. Очень подробно в «Записках» сведения об оружии у турок. Как лицо, стоявшее во главе гарнизона, Константин досконально знает административное устройство империи сверху донизу, вплоть до мельчайших чиновников. Но особенно поражает в «Записках» непропорциональное по сравнению с другими сведениями множество данных о султанской казне и выплате жалованья различным военным и гражданским лицам. Ими буквально пестрят последние главы «Записок». Получить все эти сведения Константин мог от своего брата, который, как уже говорилось выше, охранял султанскую казну и, конечно, был причастен к финансовым делам государства. Не исключено, что у Константина были какие-то записки или заметки о ней, поскольку иначе трудно объяснить столь большой объем финансовых сведений.

Переходя к вопросу о письменных источниках Константина, нельзя не вспомнить, что практически все исследователи его сочинения со всей решительностью отрицали их. Однако сам

Константин в одном месте своего сочинения, когда речь идет о штурме Белградской крепости в 1456 г., прямо говорит: «Там было ранено, как записано, четыреста с лишним янычар» (гл. XXIX). Чуть далее Константин пишет, что раненные и убитые остались лежать в крепости. Иными словами, Константин мог видеть только венгерские записи о турецких потерях, поскольку, не взяв города, турки отступили от него.

В «Записках» имеются и другие признаки использования каких-то официальных венгерских материалов. Их можно указать три. Все они связаны с неприсущей сообщениям Константина датировкой венгерских военных походов 40-х годов XV в. при точном указании года. При этом даты даны по летосчислению не от хиджры (начиная с 622 г.), как было в Турции; не от сотворения мира, как это делали в православных странах, но от Рождества Христова, что как раз к середине XV в. стало нормой в католических странах³⁹. Константин указывает, хотя и ошибочно, дату первого похода Владислава — 1441 г. (вместо 1443 г.⁴⁰), битву при Варне — 1444 г. и поход Яноша Хуньяди, завершившийся второй битвой при Косовом поле, — 1448 г.

Привлекает в качестве источников Константин и вещественные памятники, которые ему довелось видеть либо о которых он слышал. Так, он пишет о церквях, стоящих «до сих пор в сохранности» на месте битвы под Велбуждом в 1330 г. (гл. XV). Знает он и о «знаке», что стоит «до сих пор» в местечке Тайяницы, где в 1444 г. был убит и похоронен любимый друг султана (гл. XXI). Подробно описывает Константин и турецкий памятник на Косовом поле: «На четырех столпах, — читаем мы в «Записках», — утвержден свод, покрытый оловом; и этот памятник стоит до сих пор» (гл. XVI). Интересовался наш автор и большими курганами в полях, которые он воспринимал, скорее всего ошибочно, как памятные знаки, оставленные Чингисханом во время его похода «на Запад» (гл. XVIII).

Таким образом, обзор источников, которыми пользовался Константин, приводит нас к заключению, что различные части его сочинения имеют не одинаковую степень точности и достоверности. Если о современных ему событиях он располагает многочисленными и подчас весьма детальными сведениями, то более отдаленные времена он видит чаще всего через призму народной памяти или, как называл подобного рода источники М. Н. Тихомиров, «припоминает их». Поэтому далекое прошлое у Константина героизировано и нередко расцвечено народной фантазией. При таком подходе к прошлому неизбежными оказываются контаминации событий и исторических лиц, например,

³⁶ Бабингер Ф. Мехмед Освојач..., с. 35—36.

³⁷ Стојановић Л. Стари српски записи и натписи, кн. III. Београд, 1905, с. 44—45.

³⁸ Стојановић Л. Стари српски родослови и летописи. Београд — Ср. Карловици, 1927, с. 91.

³⁹ Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1972, с. 189.

⁴⁰ Впрочем, возможно, что Константин спутал этот поход с победой Яноша Хуньяди над войсками Ижак-паши под Белградом в 1441 г.

соединение в одном лице Мурада II, кстати, названного Мурадом III, с султаном Сулейманом, Мусой и Мехмедом I (см. гл. XIX, прим. 1). Отсюда вполне понятны и многочисленные погрешности в родословных как турецких султанов, так и сербских, и боснийских деспотов и правителей, например, султан Мурад спутан с Орханом (гл. XIII), первым сербским королем назван Урош I, а не Стефан Первовенчанный (гл. XV), боснийский король Томаш упомянут вместо его сына — Стефана Томашевича (гл. XXVIII). По той же причине время основания города легко путается с возведением в нем укреплений (гл. XVII, прим. 7). Такого же характера и скандальные географические ляпсусы вроде того, что р. Евфрат впадает в Черное море (гл. XXXII).

Помимо названных недостатков труда Константина, нельзя не отметить как сознательного замалчивания им некоторых событий, так и сознательных преувеличений. В них отражается степень тенденциозности нашего автора и само направление этой тенденциозности. Так, Константин ни словом не обмолвился о крестовом походе 1396 г. против турок, закончившемся их победой под Никополем, хотя писал о гораздо менее значительных битвах. Как можно объяснить это умолчание при столь исключительном интересе автора к идее крестового похода против турок? Секрет заключается в том, что в Никопольской битве сербский деспот Стефан Лазаревич участвовал с 15-тысячным войском на стороне султана и своей поддержкой турок в значительной мере решил исход битвы⁴¹. Между тем целью сочинения Константина было как призвать к походу против турок, так и прославить сербских деспотов.

Желая показать, что турки не столь сильны и непобедимы, как думают в Европе, Константин как бы в подтверждение этой мысли говорит о том, что победы над христианскими народами им легко не давались. С этой целью автор «Записок» растянул срок сопротивления Трапезунда туркам до шести недель (гл. XXXI), тогда как в действительности столица Трапезундской империи была сдана фактически без боя⁴².

Выше уже упоминалось, как Константин был склонен преувеличивать роль и силу татар с тем, чтобы убедить своих читателей в целесообразности их использования против турок. Для этого он вымыслил даже рассказ о походе на Узун Хасана. На вымысел Константин идет и тогда, когда хочет проиллюстрировать свою излюбленную мысль о том, что туркам должно противостоять единство христианского мира и согласие в нем. В главе XXXI он пишет, что в Малой Азии и после разгрома

Трапезундской империи в 1459 г. оставалось некое греческое королевство, которое султан так и не смог покорить. «Слыша об их сплоченности, он оставил их в покое», — многозначительно замечает Константин. Между тем нам решительно ничего неизвестно о каком-либо самостоятельном греческом королевстве, оставшемся в Малой Азии после падения Трапезундской империи.

При всей ненависти к турецким завоевателям, при всей жажде освободить от них покоренные народы Константин считает необходимым, и при этом многократно и по разным случаям, подчеркнуть и их положительные черты. Он пишет об их милосердии к невольникам (гл. I и II), об их равном правосудии ко всем подданным (гл. III), о наказании вельмож и чиновников за несправедливости, чинимые по отношению к подчиненным (гл. XXXVIII), о запрете без причины отбирать земли (гл. XXXVIII) и причинять вред крестьянским хозяйствам (гл. XLVI). Едва ли нужно доказывать идилличность такой картины, весьма далекой от подлинного устройства Османской империи с тяжелейшим произволом и деспотизмом султанской власти. Такая странная, на первый взгляд, идеализация турецких порядков невольно ассоциируется с аналогичным их прославлением знаменитым русским публицистом середины XVI в. Иваном Пересветовым. Заметим, что Пересветов родился в начале века в пределах Великого княжества Литовского⁴³, где, скорее всего, жил и писал Константин и где его сочинение получило наибольшее распространение. Пересветов, подобно Константину, сочетал похвалы турецким порядкам с призывом к борьбе против мусульман. Прямых текстуальных заимствований у Пересветова от Константина, как показал А. А. Зимин, нет, но идеи их, несомненно, родственны, а кое в чем просто сходны⁴⁴. И Константин, и Пересветов, призывая к справедливости и сильной государственной власти, избрали пример Турции как чисто публицистический эталон, совершенно не беспокоясь при этом о степени соответствия нарисованной ими картины реальности. Если Пересветов делал это в преддверии реформ Ивана IV в России, то Константин мог адресовать свои призывы к обществу Польши и Литвы, где в его время все чаще звучали призывы к сильной королевской власти, правосудию и справедливости⁴⁵.

Таким образом, «Записки» Константина из Островицы предстают перед нами и как историческое сочинение, и как мемуары, и как публицистическое произведение, и одновременно как отражение сербского и турецкого эпоса и фольклора. Дать какое-

⁴¹ Об этом см. воспоминания участника битвы Иоганна Шильтбергера: *Брун Ф. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1427 г.* — «Записки имп. Новороссийского Университета. Год 1-ый», т. I, вып. 1—2. Одесса, 1867, с. 4.

⁴² История Византии, т. III. М., 1967, с. 206.

⁴³ Зимин А. А. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 300—308.

⁴⁴ Там же, с. 279—280.

⁴⁵ Волкова Л. В. Прогрессивные польские публицисты XVI в. о современной им действительности. — «Ученые записки Института славяноведения», 1956, т. XIV, с. 178—225.

либо однозначное определение их жанра поэтому представляется весьма затруднительным. В разных своих частях наш памятник выступает то в том, то в другом облике, поэтому было бы неправильно ко всем его частям предъявлять одинаковые требования и руководствоваться при определении его ценности одинаковыми критериями.

«Записки» Константина при всей своей оригинальности входят в круг тех произведений на турецкую тему, число которых все более возрастает в XV в. Наиболее известными из них являются описание путешествия солдата из Баварии Иоганна Шильтбергера (1394—1427 гг.⁴⁶), а также записки французского маршала Бусико (ум. в 1415 г.⁴⁷) и французского дворянина Берtrandона де-ла Брокьера, посетившего Турцию в 30-е годы XV в.⁴⁸ Все эти сочинения являются мемуарами в собственном смысле слова. Их авторы описывают только те события, участниками которых они были, и только те места, которые они сами посетили. Все эти сведения, конечно, важные, но в этих описаниях мы не найдем данных о военной, государственной и финансовой системе Турции. Сведения об этой стране не идут у них далее бытовых зарисовок, описания придворного церемониала и состава двора султана (Брокьер) или описания христианских святынь Палестины (Бусико и Брокьер).

* * *

Обзор списков «Записок янычара» целесообразно разделить на три части: польские, чешские, польские и чешские позднейшие переработки. Сведения обо всех этих списках приводятся главным образом по краковскому изданию 1912 г., осуществленному Я. Лосем, с поправками о современной сохранности и местонахождении списков и по совместной работе А. Данти и Г. Йованович, посвященной переработкам памятника в XVII в. Сведения об этих изданиях помещены в историографическом очерке. Условные обозначения списков буквами латинского алфавита, под которыми они вошли в научный оборот, в данном издании сохраняются.

Польские списки:

1) Z — Собрание Ординации Замоиских в варшавской Национальной библиотеке (BN BOZ 1169). В 1°, на 77 л., водяные знаки — 1525—1541 гг., польская скоропись XVI в. (пять почер-

⁴⁶ Брун Ф. Путешествие...

⁴⁷ Livre de faits du bon messire Jean le Maingre dit Boucicaut. — In: Pantheon litteraire, t. III. Paris, 1853. О них см.: Крымский А. История Турции и ее литературы, т. I. М., 1916, с. 24.

⁴⁸ Брун Ф. О рукописи «Путешествие Берtrandона де-ла Брокьера», хранящейся в Парижской имп. библиотеке. — В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества, т. III. М., 1871, с. 172—175.

ков). Последним почерком в конце рукописи запись: «Tha Kroy-nika pyszana naprzod litera Ruska latha Narodzenia Bozego 1400», (sic!), т. е. «Эта хроника писана русскими буквами в год от Рождества Христова 1400».

По поводу записи необходимо сразу же заметить, что дата написания хроники явно передана ошибочно. Речь скорее может идти, как об этом говорилось выше, о 1500 г. Сама запись с точки зрения польской орфографии XVI в. изобилует ошибками. Вопрос о том, что следует понимать под русскими буквами, не вполне ясен. Вероятнее всего, это просто кириллица, вполне возможно, что и сербская.

2) K — Библиотека Польской Академии наук в Курнике (№ 1375). В 1°, на 235 л., водяной знак — 1565 г., польская скоропись XVI в. Памятник входит в состав сборника, в котором находятся «Воинские правила». В списке есть пропуски (предисловие и главы 46, 47). В списке K пропущены те же слова и фразы, что и в списке Z, что объясняется их общим протографом.

3) P — Национальная библиотека в Варшаве (№ 3080). До 1928 г. принадлежал Публичной библиотеке в Ленинграде (F. IV. 250). В 1°, на 57 л., польская скоропись конца XVI в. Сходен со списками Z и K, но имеет целый ряд дополнений и пояснений.

4) A — Городской архив в Кракове, собрание Русецких (Rus. 26). В 1°, на 144 л., польская скоропись первой половины XVII в. Памятник открывает сборник, в состав которого входят статьи: а) Как султан Селим вступил на престол; б) Описание войска турецкого султана Сулеймана; в) Статьи военных занятий; г) Хроника Волошской земли (1352—1566); д) Описание турецкого штурма под Сегетом в 1566 г. Текст списка сходен со списком P и имеет такие же пояснения и дополнения.

5) W — Ранее находился в собрании городского музея в Вильнюсе. В настоящее время местонахождение неизвестно. В 4°, написан в подражание печатному шрифту XVII в. Памятник входит в состав сборника сочинений Станислава Ласского. Сборник издан целиком М. Малиновским⁴⁹. В конце заглавия «Записок» имеется запись: «Z lacińskiego języka na polski przełożone», т. е. «Переведено с латинского языка на польский». Список почти полностью совпадает со списком Z.

6) C — Собрание Чарторыйских Национального музея в Кракове (Cz 1588). В 4°, на 298 л., польская скоропись XVII в. Список тот, который открыл в Бердичеве Галензовский в 1828 г.

Чешские списки:

1) M — Национальный музей в Праге (IV.9). В 4°, на 105 л., первая половина XVI в. Памятник входит в конволют со слу-

⁴⁹ Laski S. Prace naukowe i dyplomatyczne. Wilno, 1864.

чайным по содержанию сочинением о добродетелях. Список имеет особое заглавие: *Tuto sprawu a kroniku popsal a slozyl geden srbin nebo racz s kralowstwí nehdesseho srbskeho a nebo raczskeho menem Konstantin syn Michaela Constantinowice z Osterwicze kterýz byl wzat od turkuow mezy Geniczary na dwur Cisarze Tureczkeho Mahometa. Gen slul na gehu dworze tureckim yzajem kethaya Zweczaisky ter rzeczeny na dworze krale ffranczkeho Karel*», т. е. «Эти деяния и хроники написал и составил серб или рац из бывшего Сербского или Рацкого королевства по имени Константин сын Михаила Константиновича из Островицы, который был взят турками вместе с янычарами ко двору турецкого султана Мехмеда. При его дворе он слыл на турецком языке как кетайя звечайский, а при дворе французского короля как Карл».

Как видно уже из заглавия, в нем много полонизмов. Например, сочетание *gz* вместо *g* или *cz* вместо *s*. В самом тексте есть такие специфически польские выражения, как: «*az do gwiazdy*», «*dobrze z sobą byli*». Турецкие и арабские имена собственные в этом списке переданы более исправно, чем в любом польском.

2) L — издание текста, опубликованное в Литомышле в 1565 г. (вторым изданием — в 1581) под заглавием «*Hystorya neb Kronika Turecka od Michala Konstantina z Ostrowice*», т. е. «История и хроника турецкая Михаила Константина из Островицы». Входит в состав сборника вместе с другими статьями: а) О походе против турок; б) Повесть о Скандербеге А. Аугездского. Текст «Записок» имеет как сокращения, так и дополнения (по-видимому, издателя).

Обобщая наблюдения за списками «Записок янычара», мы сталкиваемся с трудностями лингвистического порядка. Как уже говорилось в историографическом очерке, лингвисты не пришли к окончательному выводу о языке оригинала «Записок». Правда, последнее время исследователи, кажется, склоняются к первичности чешского текста, указывая прежде всего на большую исправность в нем написания имен собственных, как и большую древность чешских списков. Учитывая все эти обстоятельства, нельзя, однако, не обратить внимания, что чешский список М и повторяющий его L изобилуют полонизмами, что до сих пор сторонниками первичности чешского текста осталось необъясненным. Пока эти и другие языковедческие проблемы не будут в полной мере исследованы лингвистами, мы затрудняемся здесь делать окончательные выводы. Но в то же время не можем не считаться с теми наблюдениями, которые говорят за то, что Константин писал свое сочинение, скорее всего, будучи в Польско-Литовском государстве. Само собой разумеется, что он мог писать его и по-чешски, хотя, конечно, для серба, живущего в этом государстве, это было бы крайне странно.

Но, может быть, Константин писал на древнесербском или

старославянском языке? Ведь он мог быть понятен многочисленному православному населению Великого княжества Литовского, пользовавшемуся близким литературным языком. В пользу такого предположения как будто говорит приведенная выше запись на списке Z. Впрочем, следует помнить, что в ней идет речь только о буквах, но отнюдь не о языке рукописи, которую видел писец. Точно так же осторожного к себе отношения требует и свидетельство М. Малиновского, который, ссылаясь на слова учителя виленской гимназии Яна Закревского, говорит о существовании в деречинской библиотеке Сапег «Записок янычара», написанных кириллицей⁵⁰. Не забудем, что именно в Великом княжестве Литовском происходило такое своеобразное смешение языка и графики, вплоть до написания книг на белорусском языке арабским алфавитом.

И, наконец, следует упомянуть о записи на списке W, в которой говорится, что польский текст «Записок» переведен с латинского. Видимо, эта запись является просто недоразумением, вызванным перенесением при переписке на эту статью сборника замечания, относившегося к другим его статьям, являвшимся сочинениями Станислава Ласского. В этом нас убеждает полное сходство данного списка со списком Z, писец которого говорил о кириллическом оригинале.

Если же обратиться к собственно польским спискам, то здесь можно отметить следующие взаимоотношения. Списки Z и K имеют общий протограф. Близок к ним и список W. Списки P и A имеют целый ряд дополнений, сводящихся главным образом к комментированию текста. Впрочем, в ряде случаев они сообщают и дополнительные сведения, например, по истории Венгрии (в связи с Уласло V и воцарением Матиаша Корвина) и Турции (убийство Мехмедом II своего брата). Названные списки поэтому, вслед за Я. Лосем, можно назвать расширенной редакцией текста⁵¹.

Нет сомнений, что начиная с середины XVI в. текст «Записок» претерпел большие или меньшие переработки. В некоторых случаях текст настолько переделан, что можно говорить уже не о редакциях, а именно о прямой трансформации памятника. Эти видоизменения шли в двух направлениях: либо расширенное комментирование текста, либо лишь отдельные извлечения из него. Первое направление представлено двумя выявленными списками.

1) N — находился в библиотеке Залусских, затем принадлежал Публичной библиотеке в Ленинграде (Разнояз., F. XVII, 100). В 1928 г. был возвращен в Польшу, где погиб во время второй мировой войны⁵². В 1°, на 136 л., польская скоропись

⁵⁰ *Laski S. Prace...*, Przedmowa, s. CLVII.

⁵¹ *Pamiętniki Janczara...*, s. XXI.

⁵² *Horodyski B. Spuszcza działu rękopismienego Biblioteki Zalusskich. Warszawa, 1948, s. 9.*

первой половины XVII в. Памятник входил в сборник следующего состава: а) Айни Али. Политико-статистическое описание Турецкого государства во времена Ахмеда I (1603—1617); б) Он же. Описание армии, флота и вооружения Турции; в) Записки янычара; д) Реестр казны султана Мехмеда III; е) Нормы обмена турецкой монеты на польскую; ф) Титул турецкого султана; г) Грамота Александра Македонского славянам.

«Записки янычара» даны с дополнениями и комментариями Самуила Отвиновского, известного польского переводчика с турецкого первой половины XVII в., многократно бывавшего в Турции⁵³. Отвиновский опустил первые восемь глав «Записок», а остальной текст разделил на 27 глав.

2) А_{II} — Собрание Гос. Краковского Воеводского Архива. Отдел на Вавеле. Архив Сангушков № 295. В 1°, на 145 л., польская скоропись XVII в. (на переплете стоит дата: Anno D. 1668). Памятник входит в состав сборника и совпадает со списком N.

3) U — Библиотека Польской Академии наук в Кракове (№ 2257). В 1°, на 634 л., польская скоропись XVII в. (на переплете обозначена дата — 1667). Памятник входит в состав сборника, содержащего поэтические произведения Морштына, различные материалы по истории Польши (речи, дневники, письма, инструкции послам), сочинение Айни Али в переводе Отвиновского, дневник посольства К. Збаражского в Турцию в 1622 г., инструкции Сигизмунда III польскому послу в Турцию А. Кревскому. Текст «Записок» — в переработке Отвиновского, с дополнениями еще более обширными, чем список А_{II}.

Выдержки из «Записок» содержатся в следующих рукописях:

1) S — Из библиотеки Смогулецких, потом — в Публичной библиотеке в Ленинграде (Разнояз., Ф. XVII, 24). В 1928 г. рукопись была передана в Варшаву, где погибла во время второй мировой войны⁵⁴. Обширные выписки из памятника входят в состав сборника, содержащего заметки по военному делу и по вопросам сельского хозяйства.

2) O — Библиотека Оссолинеум во Вроцлаве (№ 200). В 1°, на 421 л., польская скоропись XVII в. Отрывки из памятника входят в состав сборника, содержащего дипломатические материалы (инструкции послам, их донесения и дневники). Выписки представляют собой первые две главы «Записок».

3) J — Ягеллонская библиотека в Кракове (№ 108). В 1°, на 87 л., польская скоропись XVII в. Выписки представляют собой главу IX и отрывок из главы XXVI.

4) C_{II} — Собрания Чарторыйских Национального музея в Кракове (Cz 1651). В 1°, на 348 л., польская скоропись XVII в. Выписки (как и в списке J) входят в состав сборника, содер-

жащего различные письма, речи, поэтические произведения, дневники, в том числе дневник Хотинской войны.

5) C_{III} — Собрания Чарторыйских Национального музея в Кракове (Cz 2192). В 1°, на 91 л., польская скоропись XVIII в. Выписки из памятника входят в состав сборника, в котором содержится реестр султанской казны и правила приема христианских послов в Турции. Эти выписки сходны со списком J, но имеют некоторые дополнения, восходящие к списку Z.

К переработкам текста «Записок» может быть отнесена также «Чешская хроника» Гайка, опубликованная в Праге в 1541 г. Она содержит обширные выписки из «Записок янычара» по списку, близкому списку M, но с сознательными сокращениями и дополнительными сведениями, заимствованными из других источников. «Хроника» включает выписки из следующих глав «Записок»: XX, XXI, XXIII—XXXIV.

Таким образом, не подлежит сомнению, что уже вскоре после появления «Записки янычара» вызвали значительный интерес. В Польше они охотно переписывались, а в Чехии в 1565 г. было осуществлено их первое издание, которое было повторено через 16 лет. Отдельно «Записки» встречаются крайне редко (список Z). Даже в печатном чешском издании они воспроизведены вместе с другими статьями о борьбе против турок Скандербег. Польские списки почти всегда находятся в сборниках сочинений либо по турецкому вопросу, либо, чаще, вместе со статьями по военному делу (списки K, W, A, S). Последнее обстоятельство очень показательно. «Записки янычара», в соответствии со своим назначением, воспринимались как программа-меморандум борьбы с турецкой опасностью, борьбы, поставленной на практическую военную основу. XVI век был именно тем временем, когда турецкая опасность была вполне реальной для стран Восточной Европы, в том числе и для Польши. Турецкие походы стали предприниматься в глубь страны, достигая границ Краковского воеводства. Огромную тревогу в Польше вызвало взятие турками Буды в 1525 г. Набеги же татар, вассалов турок (о борьбе между ними теперь речи не шло), были чуть ли не ежегодными и разоряли плодородные украинские земли — владения влиятельнейших польских магнатов. В 1528, 1529, 1542 и 1544 гг. организуются походы на турок⁵⁵.

В начале 90-х годов XVI в. возникают новые планы войны с Турцией, инициатором которых был канцлер Ян Замойский. Сложная международная обстановка и внутренние распри не позволили реализовать эти планы⁵⁶. Однако намеченная в них активизация действий польских войск против Турции в Молдавском княжестве привела к ряду «молдавских» походов 1607, 1612, 1615—1620 гг. В 1620—1621 гг. разгорелась Хотинская война, хотя и не приведшая к победе ни одну из сторон, но

⁵³ Nowy Korbut, t. 3. Warszawa, 1965, s. 76—78.

⁵⁴ Horodyski B. Spuszczenia..., s. 11.

⁵⁵ Historia Polski, t. I, cz. II, s. 206—209.

⁵⁶ Там же, с. 506—507.

показавшая большие возможности армии Речи Посполитой в борьбе с Турцией⁵⁷.

В 1646 г. возникает новый план войны с Турцией. Осуществить его также не удалось, так как он не нашел сколько-нибудь широкой поддержки в стране. Большинство магнатов и шляхта не без оснований опасались, что война с Турцией только поможет реализации абсолютистских устремлений Владислава IV⁵⁸.

Вторая половина XVII в. была ознаменована целой полосой польско-турецких войн, длившихся в общей сложности 30 лет. Османская империя ставила перед собой задачу завоевать Венгрию, а вслед за тем — Украину и всю Польшу. В 1672 г. войска во главе с султаном Мехмедом IV взяли Каменец-Подольский и достигли Львова. Заключенный в этом году Бучачский мир был позорным для Польши, уступившей Турции Подольское, Брацлавское и часть Киевского воеводства. Только Яну Собескому удалось дать отпор татарам под Львовом в 1675 г. и туркам под Веной в 1683 г. В 80-х годах был одержан ряд побед над татарами. Большую роль в успехах Польши играла военная помощь России, которая была предусмотрена еще Андрусовским миром 1667 г. Особенно она усилилась после заключения Вечного мира в 1686 г. Карловицкий договор 1699 г., вернувший Речи Посполитой земли, потерянные по Бучачскому миру, положил конец польско-турецким войнам⁵⁹.

Естественно, что в обстановке столь напряженных польско-турецких отношений в течение XVI—XVII вв. польская политическая литература была насыщена турецкой тематикой, постоянно откликалась на все важнейшие события, связанные с этими отношениями. Так было в эпоху Возрождения⁶⁰, этим жил XVII век⁶¹. Вот почему никогда не ослабевал интерес в Речи Посполитой к тому сочинению, которое стоит у истоков литературы на столь актуальную для этого государства тему.

* * *

Перевод для настоящего издания выполнен с польского текста «Записок» по изданию Я. Лося. В основу его публикации был положен список Z как наиболее ранний и вместе с тем исправный, что признано и авторами всех последующих текстологических исследований памятника. В скобках даны важнейшие с точки зрения содержания разночтения по другим спискам. Более поздние переработки «Записок», как имеющие самостоятельный характер, в настоящем переводе не учитываются.

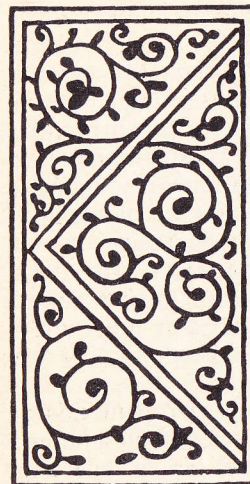
⁵⁷ Там же, с. 534—536.

⁵⁸ Там же, с. 552—554.

⁵⁹ Там же, с. 705—713.

⁶⁰ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963.

⁶¹ Baranowski B. Znajomość wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Lodz, 1950; Nosowski J. Polska literatura polemiczno antyislamiczna XVI, XVII i XVIII w., z. I. Warszawa, 1973.

ХРОНИКА О ТУРЕЦКИХ ДЕЛАХ КОНСТАНТИНА, СЫНА МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА ИЗ ОСТРОВИЦЫ РАЦА¹, КОТОРЫЙ БЫЛ ВЗЯТ ТУРКАМИ СРЕДИ ЯНЫЧАР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы, всякого рода люди, руководствуемся святым крещением благословенного господя нашего Иисуса Христа; веруем и исповедуем единого Господа Бога, творца неба и земли, в трех лицах: отца, сына и святого духа, троицу единую и нераздельную, царствующую во веки веков. Аминь. А поскольку мы веруем, мы и принимаем святое крещение во имя отца и сына и святого духа. От Христа нашего мы называемся христианами во славу бога нашего. И поэтому мы, достойная святая троица, молимся твоей святой милости. Поспеши помочь своим христианам и отвори проклятых поганых. Аминь.

ГЛАВА I. О РАЗЛИЧИИ ПОГАННЫХ И ОБ АЛИ, ПОМОЩНИКЕ МАГОМЕТА.

Поганые, которые приняли закон Магомета, различны: это аргины¹, персы, турки, татары, варвары², арабы и некоторые негры, которые не имеют на своих лицах огненных знаков³. Все они придерживаются Моисеевой книги⁴ и ведут жизнь согласно проклятому Корану⁵, в котором Магомет написал свой закон, веря в единого бога, творца неба и земли. Они справляют один большой праздник Брунк-Байрам⁶, а перед ним постятся каждый месяц и каждый раз целый день ничего не едят и не пьют вплоть до звезды. Но ночью они едят мясо, пьют воду столько раз, сколько кто хочет, вплоть до наступления дня. И так же, когда наступает новый месяц, они торжественно отмечают праздник, три дня пируя. Однако тогда они не пьют и не имеют никакого кваса. Они раздают мило-

стыню и сокращают на несколько лет невольникам срок рабства, а больных из их числа отпускают на свободу, и это делают главным образом богатые владельцы. Они устраивают обеды, режут баранов, коз и верблюдов, раздают, ради бога, мясо, хлеб, свечи, деньги. Будь то христианин, будь то поганый, кто бы ни пришел, каждому подают милостыню. У могил ночами они кладут поклоны. Кадят они и кадилом за души умерших.

А когда я спрашивал у поганых, для чего они зажигают свечи из жира и неужели не лучше зажигать восковые свечи на могилах умерших и в храмах, то они отвечали, что богу должен быть принесен в жертву домашний скот, а не мухи. И сказали мне: «Как это тебе кажется, хорошо это или нет?» Отвечал я им: «Если Мухаммед одно хорошо устроил, то не хуже и другое».

Другой праздник, который бывает осенью и который называется Кичик-Байрам⁷, или, как они говорят, малый праздник. А пост во время него добровольный. Но все же и его они празднуют и дают милостыню, как и во время первого. Пятницу в течение недели они также празднуют, как евреи субботу или христиане воскресенье, говоря: «Мы потому ее празднуем, что бог в пятницу сотворил человека»⁸. Они делают обрезание. Не едят они свиного мяса. В этих пяти правилах они согласуются с евреями, но ни в чем другом. После обрезания они начинают зваться буброманы⁹, желая стать лучше, чем христиане или евреи. Буброманы означают лучших людей в вере. Они считают христиан за заблудший народ из-за того, что мы исповедуем и хвалим святую троицу, а они говорят, существует не три бога, а один. И из-за того басурмане прозвали христиан гяурами, что они якобы заблудшие и отрекшиеся. А христиане называют басурман погаными за их нечестные поступки, о которых здесь я не хотел писать. Ибо поганые толкуются как жестокий, бесчеловечный, нечистый пес. Считая это за хорошее, они как думают, так и говорят. Но некто сказал: «Потому они заблуждаются, что не имеют хороших советников, которые бы их учили и давали совет». Они могли бы хорошо существовать, если бы захотели. И все же было бы легче и полезней такому советнику что-либо сыпать в дырявый мешок, чем советовать столь непросвещенному народу.

ГЛАВА II. О МУХАММЕДЕ И АЛИ, ЕГО ПОМОЩНИКЕ

Мухаммед имел единственную сестру, которую звали Фатима¹. И ее он отдал в жены Али, своему помощнику, тогда, когда он расширял свою веру и таким образом учил и проповедовал, имея замысел осудить веру Христову. Ведь он устанавливал свою веру в соответствии с миром, видя, что люди более склонны к светским делам, нежели к делам божиим. Итак,

тех, кто шел его путем и следовал его учению, он хвалил и считал добрыми людьми. Тех же, кто ему противоречил, Али различными способами преследовал. Этого-то Али поганые и считают за пророка, как и Мухаммеда, рассказывая, каким сильным и крепким он был мужем. И он, как рассказывают, имел саблю, которую называл Зульфикари, дивной остроты и такой твердости, как они рассказывают, что на что бы Али ее ни обрушил, будь то железо или сталь, все перед ней было, как паутина. А другие рассказывают, что его жена Фатима была великая чародейка, и она-то своим волшебством и придавала такую остроту этой сабле.

Прожил Мухаммед в своей злобе 45 лет, размножая свою веру. Потом, лежа на смертном одре, он созвал всех своих последователей и повелел им: «Устройте мне погребение и будьте подле меня, пока я не воскресну. И исполняйте нерушимо мое повеление и не дайте совратить вас с того, чему я научил вас в правой вере. Будьте божьими избранниками для меня, как Израиль. А мое погребение совершите в Медине, слушаясь моего Али, ибо я в судный день встану и поведу вас туда, где все мы будем радоваться. Будьте все добрыми, один с другим поступайте по справедливости. Невольникам сокращайте срок рабства, потому что вы не боги, чтобы до смерти их держать в неволе. И благодаря этому вы будете умножаться, ибо, видя ваше правосудие, каждый будет вас держаться и следовать вашему учению». После смерти Мухаммеда Али с великой скорбью поехал к скале Гормендзи, задумав сломать свою саблю в праведной тоске, и ударил ею по скале так, что она вся скрылась в скале. Увидев такое чудо, чего раньше он о своей сабле не знал, он так ей сказал: «Зульфикари, вернись, чтобы это не было противно богу». И после смерти Мухаммеда он еще жил девять лет. В последний год, лежа на смертном одре и собрав всех своих поганых последователей, он напомнил, чтобы они неколебимо держались повеления Мухаммеда, ибо вера его выше всех других вер, «а потому,— говорил он,— преследуйте гяуров, где можете, чтобы они вас не преследовали. Блюдите их в их домах, это для вас будет лучше, чем ждать их в своих домах». А когда он увидел, что его час пришел, он приказал взять свою саблю и бросить ее в морскую глубину. И рассказывают поганые, что когда его сабля была брошена, то три дня на этом месте море бурлило и крутилось из-за жалости к Али. И поэтому поганые держат при себе маленькие книги, сохраняя их при себе за их святость, и зовут их бамарли, а особенно держат ее на войне, как у нас евангелие, нося ее под мышкой, а на них нарисована сабля Зульфикари; рассказывают, что им она очень помогает в борьбе, а если кому они присягают на тех книгах, то твердо держат клятву каждому, кому ее дают. Но существуют другие, фальшивые книги, которые они делают из куска вене-

цианского мыла, и если кого хотят убить, то им на этом приготовленном мыле присягают как на подлинных книгах; тот, кому они так сделают, не может надеяться выжить, как это было с боснийским королем, о чем будет сказано ниже.

ГЛАВА III. ОБ ИХ БОГОСЛУЖЕНИИ И ОБ ИХ ХРАМЕ.

Турецкие храмы имеют малые и большие округлые башни¹, а вокруг них галерею; поганский священнослужитель семь раз за день и ночь выходит на башню и возвещает, ходя по галерее, вложив один палец в одно ухо, а другой в другое, громким, насколько может, голосом произнося на своем языке такие слова: «Лаи лаха илла лахо», что означает: «Бог богов, Мухаммед — божий посланник, услышь меня, бог богов»².

Каждый из поганых, услышав этот призыв и имея всегда при себе воду, омыв части своего тела крест-накрест, идет в храм совершить поклонение. Первый час — это два часа пополудни, который называется Темзит намази, другой — на рассвете, который называется Сабах намази. Третий — три часа дня, который зовется Куслуг намази, четвертый — в полдень, который зовется Олеи намази; [пятый — во время вечерни, называется Окинки намази]³; шестой, совершаемый, когда зайдет солнце, называется Арсам намази, седьмой — в три часа ночи, который называется Яци намази. А в эти семь часов ни один поганый не пропустит этого омовения, где бы он ни был: в храме, дома или же в дороге, когда наступит время, идет к воде и омовается так, как выше сказано; прервав путешествие, он совершает поклоны так, как положено, в какой час сколько поклонов подобает сделать. А если кто хочет больше совершить поклонов, то это его дело. А если же кто-то, совершающий поклонение, был бы чем-то запачкан, то тогда это омовение ему не засчитывается, и он должен снова омыться и потом заново совершать поклонение. Если же кто был в бане, то и тогда без такого омовения он не может обойтись, ибо это омовение у них как бы то, что у нас крещение; если бы кого заподозрили, что он неохотно ходит в храм, то, взяв его, привязывают к лестнице [перед храмом, где более всего поганых проходят в храм; каждый к нему тогда подходит и отчитывает его и, таким образом, после того, как он постоял на лестнице]⁴, его отпускают, и он должен при всех условиях волей или неволей быть примерным. И также ни одно лицо женского пола в храм не идет и вина не пьет. А женщины имеют особое закрытое помещение в храмах, в которое ни один мужчина не входит. А если бы какая из женщин попробовала вина, она была бы наказана добродетельными женщинами. Поэтому ни один правоверный турок не пьет вина. Некоторые придворные, слуги и господа пьют вино, но когда они идут на войну, то все

они, как правило, не пьют его, ибо существует повеление Мухаммеда: если бы кто-либо пил вино и в таком состоянии был убит, тот навеки будет в аду⁵. Однако же христиане, которые идут на войну вместе с турками, свободно возят с собой вино и пьют его без всякого опасения и, более того, поганые заботятся, чтобы у них всегда было вино. У поганых есть такой обычай: если они куда-либо едут в храм совершать поклонение, то имеют всегда на себе чистую одежду, а если бы на них было бы какое-то пятно, то они в храм не войдут [и совершать поклонения не будут. Так же и в обуви, которую они обычно носят, они в храм не входят]⁶, а придя в храм, складывают обувь в обычном месте и тогда уже входят в него, так как весь пол там устлан чистыми коврами и каждый становится на своем месте один возле другого и совершает поклонение. А все их храмы белые, как бумага. Никаких восковых свечей там нет, только в сторону восхода солнца стоят две толстые свечи из жира, а между ними три ступени с тремя ярко горящими светильниками наверху⁷. А посередине стоит престол наподобие кафедры⁸, взойдя на который, юноши вслух читают Алькоран Мухаммеда, а все иные, сидя на коврах, внимательно слушают. А потом священнослужитель, которого называют мадин, держа в руке саблю, восходит на третью ступень, благословляя и говоря: «Вера, вера Мухаммеда выше всех иных, молитесь за все души и за тех, которые воюют против гяуров. А когда увидите их возвращающихся к себе, воздайте им честь и мир, целуя руки и ноги, и вы все будете участниками этой войны и угодите Мухаммеду. Ведь всемогущий бог дал нам саблю, чтобы мы оборонялись и уничтожали гяуров». А потом, поглядев вверх, на небо, и погладив бороду, они идут прочь из храма, славя бога. И никаких сборищ и ссор ни в храме, ни перед ним не бывает. А в главном храме есть три священнослужителя, и они отправляют торжественную службу, получая за это плату от того, кто построил храм. У турок же есть такой обычай: общество не имеет отношения к храму, но тот, кто его основал, его и содержит. Султан или какой-нибудь другой знатный господин или богатые купцы возводят храмы, а в каждом из них три священнослужителя: один держит саблю, другой стоит на башне, третий со своими помощниками следит за храмом. И так происходит в их самом главном храме, который называют Дромамечеть⁹, куда ходит весь народ и особенно в пятницу пополудни. И они имеют этот обычай у себя, как это бывает в приходе.

ГЛАВА IV. О ДРУГОМ ХРАМЕ, ГЕМАРАХ, КАК БЫ ЗАУПОКОЙНОМ И О ТЕФФИРЕ, ТО ЕСТЬ ОБ ИХ ПРОПОВЕДИ.

Существует и другой храм, который называют Гемарах, как бы сказать, заупокойный, в нем бедным раздают милостыню, пищу, а каждую пятницу в полдень в том храме произносится проповедь на их языке. Я такой их проповеди не пропускал, чтобы узнать, о чем говорят и на что себя настраивают, но не мог понять иначе, кроме как то, что они сами себе противоречат, не понимая этого или не желая понимать. И, видимо, им бог не дает уразуметь. Христову доброту они приписывают Мухаммеду, а свою жестокость переносят на христиан. Эту проповедь они называют тезфир, а проповедника — тезфирды, и когда он поднимается на кафедру, он прежде всего начинает такую речь на их языке: «Аидемон Алах онере зе писиден тобон стапхирба амин амин», что переводится так: «Боже приди!» А потом говорят: «Все мы отрекаемся от всего злого. Аминь. Аминь». Потом речь пошла о господе нашем Иисусе Христе, а после этой речи о Мухаммеде на их языке так: «Эссе раха пах Махомет расулах», что означает: «Иисус от духа божьего, а Мухаммед — божий посланник; Моисей старший пророк — брат Мухаммеда-пророка; перед Моисеем море расступилось, а Иисус-пророк мертвых воскрешал из гробов; а над Мухаммедом-пророком вознеслись скалы там, где он совершал поклонение богу. Ибо Мухаммед — последний пророк, и не может его пред богом превзойти ни один пророк». Поганые зовут христиан гяурами, а евреев чивутами, т. е. падалью. И они говорят: «Иисус взошел на небо и за это его гяуры называли богом, а чивуты хотели его замучить и распять за его великую святость и великие чудеса, которые он творил на земле. Чивуты боялись, чтобы за ним не пошли люди так, как гяуры, которые называют его богом. Желая его схватить, они искали его, чтобы после мучений распять. Перед ними Иисус, войдя в один дом [и зная злобу евреев, вознеся из дома] ¹ на небеса. А чивуты, найдя одного человека, похожего на него, в этом доме схватили его, мучили и распяли и рядом с ним двух разбойников. А гяуры говорят, что Иисус мучен и распят. Не верьте вы этому: Иисус был такой святости, что никто не мог до него почти дотронуться, а не то что его могли схватить и мучить. А когда Иисус взошел на небеса, к нему приступили ангелы, приветствуя его, и, взявши его к себе, повели к высшим небесам, показать ему славу божию. Иисус, пройдя небеса, пошел с ангелами к вратам небесным, делая вид, что он хочет сойти на землю; замислив это, сказал ангелам: «Я забыл в одном месте сапог». И так, вернувшись за сапогом, Иисус остался на небесах и будет там вплоть до судного дня. А когда наступит судный день, тогда Иисус сойдет на землю и скажет

гяурам: «Вы меня называли богом». А чивутам скажет: «Вы хотели меня мучить и распять, и за это все вы идите в вечный ад и будьте там навеки». Здесь конец проповеди. Господи Иисусе Христе, сын бога живого, молимся мы, помилуй нас и избави нас от вечных мук и благоволи отпустить наши грехи, дабы мы могли видеть твою святую милость и в славе твоей вместе с тобой радоваться вечно.

ГЛАВА V. О ДРУГОЙ ПРОПОВЕДИ ИЛИ О ВЕРЕ И МУХАММЕДЕ.

Здесь приводится другая проповедь, которую на их языке священнослужитель произнес так: «Вы слышали в прошлую пятницу проповедь, как Иисус взошел на небеса и там остался, а с гяурами и чивутами быть не захотел; причина этого уже указана раньше. Но Мухаммед, подхваченный неким вихрем, не захотел для нас остаться на небесах, а обещал нам остаться с нами на земле и, как обещал, так по своей доброте и остался здесь. А когда придет время, он встанет из мертвых с нами и поведет нас в рай. А потому будьте усердны в исполнении его повелений. Буброманы, держитесь их усердно и не имейте зависти между собой, как гяуры один другому не желает ничего доброго, брат у брата, друг у приятеля ворует, один другого предает, думая, что ему бог помог; предают за деньги своего ближнего, пьют вино и едят хлеб и, веселясь, ест свое мясо, пьет свою кровь, похваляясь, что ему очень везет. А вам, которые с ними воюют, это хорошо известно. Но это их веселье обращается в жалость и печаль. Буброманы, пророк Иисус шел к Цимбимбареку или к Иерусалиму. А когда он шел среди виноградников, ему захотелось пить, и он вошел в один виноградник, ища воды [и там нашел один прикрытый жбан, сделанный из глины, полный воды; взяв его, он напился из него воды] ¹, которая хотя и была чистая, но горькая, как полынь. И сказал Иисус этому жбану: «Скажи мне, как это может быть, что ты содержишь воду чистую, но горькую, не пригодную для питья?» Жбан ответил: «Одна игла была украдена и продана за монету. А эта монета оказалась среди других денег, за которые я куплен». А потому смотрите, милые буброманы, как малое воровство является большим грехом. А поскольку св. пророку явилось (откровение), как можно богу быть по-таенному? Поэтому будьте милостивы, один другому не причиняйте зла и не воруйте, а если бы кто что нашел, верни и не прячь. Возгласи одинажды, дважды, трижды, не отзовется ли кто, чья это вещь. Раздайте избыток богатства бедным, а себе ни в коем случае не присваивайте. В гяурские сады не входите, ибо это огрубевший народ, а если ты что в саду возьмешь, то он будет беспрестанно клясть тебя и не отпустит, призывая

бога в отмщение. Потому подданным гяурам не причиняйте зла. А если кто нечто взял в буброманском саду, хотя вы и разгневаетесь, но отпустите его, чтобы вам отпустил господь бог. Не испытывайте долго гнева один против другого, как верблюды. Невольникам и невольницам устанавливайте годы их невольничества в соответствии с их возрастом. А кто бы захотел долго держать невольника, не определяя ему числа лет, то соседи не должны этого терпеть, потому что он не бог, чтобы мог держать человека в неволе всю его жизнь. А когда они станут свободными, помогайте им, чтобы они всегда вначале имели пропитание и дабы тем умножалась буброманская вера. Мухаммед остался с нами на земле. А когда наступит судный день, все люди должны умереть; также и ангелы. Найвысшее небо имеет четыре круга. А когда придет тот час, тогда повелит господь бог четырем ангелам: «Держите крепко каждый свой круг». Когда же каждый возьмется за свой круг, то все умрут, как если бы уснули. Но тотчас в мгновение ока они оживут и будут хвалить бога вовеки. А потом ангел Михаил вострубит в трубу, и тотчас все люди воскреснут. А Мухаммед, как бы пробудившись от сна, встанет и отрясет со своей бороды пыль и скажет: «Элхем до лахы Яратим о Дамин», что означает: «Благодарю тебя, создатель мой. Аминь». И вот тут же Мухаммед пойдет со всеми буброманами к богу и, став перед ним, скажет громким голосом: «Велика хвала, боже всемогущий, тебе одному во веки веков. Аминь». И тогда скажет бог Мухаммеду: «Ты меня чтил со всеми своими и за это иди в вечный рай и радуйтесь там во веки веков». Произнеся эту проповедь, он сказал всему народу: «Молитесь за матерей, и за своих отцов, и за тех, которые воюют против гяуров, и хвалите бога». И тогда все, возведя очи горе и обеими руками погладив бороды, пошли из храма.

ГЛАВА VI. ОБ ИХ ПОГАНСКИХ СОБРАНИЯХ.

Свое собрание они называют бахт, как бы сказать, беседа. Имеющие между собой этот обычай учителя и монахи устанавливают себе срок разбирательства перед наивысшим после султана господином¹. И в то время, когда я был в Турции, они установили время разбирательства перед Махмуд-пашой², ибо среди них должен быть сильный арбитр, и один среди них бывает наивысшим монахом, которого называют салих. Он прежде всего так начинает речь: «Мухаммед, помоги и просвети разум своим монахам, которые тебе последуют». Потом начинают беседовать один с другим, говоря главным образом о пророках; одни признают господина нашего Иисуса Христа как пророка, другие же — как стоящего выше пророка, а третьи — как того, кто в судный день будет как наивысший пророк у

бога, творца неба и земли. А господь бог с того времени, как началась христианская вера, выбрал восемьсот верблюдов, которые являются некими невидимыми духами; они ходят каждую ночь и выводят плохих мусульман из наших погребений и несут в гяурские погребения и, выводя хороших гяуров, несут их в наши погребения. И потому хорошие гяуры восстанут с нашим буброманским собранием, а плохие буброманы встанут перед богом с гяурским собранием в судный день. И он же говорит: «Гапри дунвандур имани якури», что значит: «Христиане веру имеют, а дел не имеют. И потому буброман Мухаммед поведет в рай, а Христос приведет христиан в ад; Моисей обвинит евреев за то, что они не были ему послушны». А упомянутый салих находится среди этих учителей как человек набожный, и они его весьма почитают. И он так сказал: «Илья и Енох оба с телом и душой и пребывают в раю. А Иисус с телом и душой на небе; он единственный, кто не умрет смертью, но во веки веков будет жив. Мухаммед с душой и телом бывал на небесах, но, однако, остался на земле». А потом стали с ним (салихом) беседовать: один так, а другой иначе, и много разговоров было среди них. И, подняв шум, они друг в друга стали целиться книгами, так что я подумал, что они один другого намеревались бить. Но Махмуд-паша приказал им замолчать и это препирательство прекратить и по обычаю приказал принести им еду, и им принесли воду для питья, ибо они не пьют вина. Потом, поев, они совершили благодарение богу, молясь за души живых и мертвых, и за тех, которые воюют против христиан. Чтобы не затягивать рассказ, я здесь не написал и десятой части того, что происходит при их таких спорах.

ГЛАВА VII. КАК ТУРКИ НАЗЫВАЮТ АНГЕЛОВ, ПРОРОКОВ, РАЙ И АД.

Святого духа называют рухулах, что означает дух божий; душу называют дьян, ангелов — феллистилир; Михаила — Микаэл Дьян алади, что означает: Михаил, берущий души; Гавриила — Дебраил, Рафаила — Рафаил, рай — диенет, ад — ифси халвети, мучения — скундже, судный день — киямет гини, пророка — пеамбар, Моисея — Муса реамбар, Соломона — Сулейман пеамбар, господина нашего Иисуса Христа — Эссе пеамбар; дьявола называют — фегиатар.

ГЛАВА VIII. О ТУРЕЦКОМ ПРАВОСУДИИ [И О ИХ ОБМАНЕ И ХИТРОСТИ]¹.

И все же великое правосудие существует среди поганых. Они соблюдают правосудие между собой и также ко всем своим подданным, к христианам, евреям и всем, кто находится под их властью, ибо султан сам следит за его исполнением, как об этом подробнее будет рассказано; есть также подданные, которые им платят дань, но зато сами управляют своими землями, как, например, воевода волосский. Хотя правосудие у них и совершается, но всегда с затруднениями; впрочем, благодаря осведомленности султана вред получается небольшой; когда же поступает жалоба, то они велют рассмотреть всюду на местах, не найдут ли чего где, с тем, чтобы если что будет найдено, тому и было возвращено; другие же, проискав, бедняги, с печалью едут домой. Также и их охранная грамота никому не поможет, ибо у них такой обычай: кого хотят уничтожить, дают ему охранную грамоту, а когда он к ним придет, если кто что скажет, они ответят ему: «Я дал тебе грамоту стоя, а не дал сидя или не дал стоя», и так они отговариваются, чтобы в своем неблагородстве оказаться правыми. Если же они присягают на книжках из мыла, как написано выше, то этой клятвы не исполняют, а также и иных клятв, когда могут; невиновного делают виновным, чтобы всегда осуществлять свою злобу. Дары они раздают не по любви, а для славы султана, ибо в Турции существует такой обычай: ни один посол у поганых от великих властителей не может предстать перед султаном без даров, хотя бы дело было секретным, а султан всегда хочет, чтобы всем нравилось то, что ему самому нравится. Таким образом, такие дары не для любви, а ради прославления. Если же султан с кем-либо заключает мир или перемирие, то он всегда замышляет его нарушение, и когда с одним помирится, тогда с другим ведет борьбу, но вину всегда сваливает на своих подданных, и потому они лукавые, как бы крутятся в колесе, чтобы всегда христиане были угнетены, как об этом мы расскажем далее, а те, которые с ними ели похлебку, должны им заплатить мясом.

ГЛАВА IX. О ПРЕДКАХ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА.

Турецкие султаны зовутся Османовичи, ибо правление Османа положило им начало. Осман был [сыном некоего человека по имени Ших]¹, он был крестьянин греческого происхождения², неверный, но великолепный хозяин; он имел тридцать плугов, по их обычаю паша и сея; он имел много работников и к тому же верблюдов, коней, буйволов и всякий домашний скот, за исключением свиней. Жилище его было сделано из войлока, который называется олтан; летом оно было холодное, а зимой

теплое; этот шатер он велел поставить в поле среди работников, и кухню он имел в поле, а когда приходило время и еда была готова, он велел вывешивать большой красный флажок, который был у него, а когда его видели работники, как и другие люди, они освобождались от работы. Эта земля называлась Ак язи, т. е. белое письмо. А от нее была недалеко другая земля, называвшаяся черная, в которой был один замок. В том замке была одна госпожа по имени Каравида, или Черновидка,— вдова. Осману довелось как-то ехать на прогулку в эту землю вдвоем с тем, чтобы осмотреть замок. Когда же он приехал в город к замку, люди были рады его видеть, слыша о его правлении, и это стало известно госпоже. Начал Осман ходить около замка для разминки. Видя из замка, что этот человек прохаживается вокруг в грубом крестьянском кожухе, госпожа велела его за это полить помоями, и Осман пошел облитый, опечаленный в город, и всем людям было жаль его из-за такого оскорбления. Он, поблагодарив (людей), поехал домой и велел челяди, чтобы было приготовлено сто двадцать коней и верблюдов и на этом скоте везли зерно на продажу в эту землю, где ему было нанесено такое оскорбление; он приказал приготовить пятьдесят дубовых палок и вложить их в мешки с зерном, потому что знал, что никому не разрешается с оружием войти в замок. Подъехав к этому городу, он расположился на лугу с этим товаром как купец. Стало известно госпоже Каравиде, что Осман приехал с зерном, желая его продать; она велела его купить и отвезти в замок. А Осман, сколько ему было дано, за столько и отдал; и велел пятидесяти юношам, которые были к этому приготовлены, чтобы каждый взял на плечи мешок и нес в замок. И как он приказал, так они и сделали. Осман шел впереди, а они за ним. А когда они были уже в замке, госпожа Каравида, увидев Османа и насмехаясь над ним, назвала его маленьким. А когда пришла челядь с мешками, видя, что время наступило, он велелсыпать зерно из мешков и быстро взять палки и бить ими на все стороны по тому, кто захотел им сопротивляться. И таким образом Осман, добыв замок, велел госпоже Каравиду сбросить с самой высокой башни и по своему имени, как она его назвала, дал этому замку название Османик. И с той поры и до сих пор началось правление турецких султанов.

ГЛАВА X. О ПРАВЛЕНИИ СЫНА ОСМАНА ПО ИМЕНИ МУСТАФА¹.

Мустафа сын Османа взял себе в жены дочь одного великого правителя из Анатолии², который завещал ему при жизни всю землю Анатолию, потому что у него не было ни одного сына, а только дочь. И Мустафа захватил еще некоторые земли, которыми владели другие поганые.

ГЛАВА XI. ОБ АЛАДИНЕ СЫНЕ МУСТАФЫ¹.

После Мустафы остался его сын Аладин. Он прежде других придумал пешее войско, которое называл ен кихае, как бы сказать, маршальцы. И он им дал белые шапки, чтобы они носили их, но чтобы никто другой не смел носить их на голове, кроме дворян, как это существует и ныне. Но не на какую службу он их не посылал, наделяя жалованием, продовольствием и оружием. И они никакой платы никому не давали, но только по первому приказу всегда готовы были идти пешими ко двору. Ими же он заселял замки, давая им жалование, чтобы они могли существовать. Таких и ныне существует две тысячи, но при нынешних султанах они стали очень бедными, и все свое имущество они возят на ослах. Этот же Аладин захватил несколько богатых городов и земель. И у него был сын по имени Мурад, и он правил после Аладина, своего отца.

ГЛАВА XII. О МУРАДЕ СЫНЕ АЛАДИНА¹.

Мурад сын Аладина захватил еще один город, название которого Брус², и все земли Анатолии. Он учредил другое пешее войско, ибо кто был большим властелином, тому и нужно было больше людей; это пешее войско называется азапы³, что соответствует нашей пехоте; они добывают города, а султан им в поле платит за службу, каждому за десять дней — золотой, а старшему за пять дней — один золотой, а воеводе их каждый день — по золотому. А когда возникает необходимость, всюду на местах поступает приказ, сколько азапов надо отправить в поход. После Мурада остался его сын по имени Султан [он был четвертым турецким султаном]⁴.

ГЛАВА XIII. О СУЛТАНЕ СЫНЕ МУРАДА¹.

Султан сын Мурада захватил у греков некоторые города и особенно знаменитый город Никею². Этот Султан решил отбирать христианских детей, прятать их и весь двор наполнить ими, населить все свои замки. Эти воспитанники зовутся янычарами, т. е. новое войско³. Ниже о султанском дворе мы еще расскажем шире. После Султана был второй Мурад [он был пятым султаном]⁴.

ГЛАВА XIV. О ГРЕЧЕСКОМ ИМПЕРАТОРЕ¹ И О МУРАДЕ СЫНЕ СУЛТАНА²

Греческий император, находясь на смертном одре, поручил своего сына³, маленького ребенка, Кантакузину⁴, чтобы он взрастил его, и он также отдал под его опеку всю Греческую

землю, чтобы он заботился о ней, пока ребенок не повзрослеет. Но когда молодой император вырос и греки захотели его возвести на престол, Кантакузин это не позволил сделать, желая удержать в своих руках власть. Однако, видя, что он этого не может осуществить, он обратился за помощью к Мураду и дал ему возможность, во вред своему государю, переправиться через море к Греческой земле; и тот беспрепятственно переправился на другую сторону ниже Галиполи⁵ с помощью Кантакузина; прежде всего он захватил крепость, которая называется Германелла⁶; тогда галипольцы, узнав, что турки перебрались на эту сторону, сразу же изготовились и двинулись на них, кто как мог и в большом беспорядке; они думали, что турки должны от них убежать. Турки, видя такой беспорядок, сев на коней, их дождались и, столкнувшись с ними, тотчас же поразили их передовые части, а потом уже побежал и их тыл. И так, преследуя их, турки дошли вплоть до города Галиполи и взяли его. Султан Мурад, заключив перемирие с греческим императором, двинулся на болгарского царя. Греки, разгневавшись на Кантакузина, забросали его камнями. Султан же Мурад благополучно достиг Болгарской земли и захватил там два замка: один Согальник⁷, а другой Димотик⁸ и вернулся за море в Анатолию, предварительно заселив эти замки.

ГЛАВА XV. О БОЖИЕЙ КАРЕ ЗА НАШИ ГРЕХИ — О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО У СЕРБОВ ИЛИ У РАЦОВ.

Сербский король по имени Милутин¹ из рода первого сербского короля Уроша² велел ослепить своего сына по имени Стефан³. [Он же после смерти своего отца по некоему божьему соизволению прозрел и имел также сына по имени Стефан]⁴. Этот его сын, собрав войско, двинулся на Болгарскую землю, на болгарского царя по имени Димитрий⁵, и пошел к одной реке в Болгарской земле, которую называют Искра⁶, и расположился с одной ее стороны со всем войском. Подошел и болгарский царь со всей своей силой. Оба они были благочестивы; и царь болгарский начал на той стороне реки на большие средства возводить церковь во имя Спасителя, а король Стефан также с этой стороны реки начал ставить богатый храм Матери божией. И строя эти церкви, они спокойно вели между собой переговоры без кровопролития. Эти церкви стоят и до сих пор в целости⁷. Сын сербского короля, собрав войско без ведома отца, переплыл через эту реку и напал на болгарского царя и, разгромив все его войско, самого его взял в плен и отвел к своему отцу, рацкому королю⁸.

Король, видя столь неблагородный поступок своего сына, очень огорчился: он принял весьма почтительно царя, а когда

они были на обеде, король посадил его выше себя, как подобает царю. И туда пришел королевский сын, держа в руке булаву, и он сказал отцу: «Не подобает своего неприятеля сажать выше себя», а потом ударил царя булавой, так что тот тут же умер. Отец, весьма опечалившись, велел его с почетом отвезти до могилы в город, который называется Тырнов⁹, и тут же вернулся скорбный в сербскую землю, не желая завоевывать Болгарское царство из-за того неблагородного поступка, который совершил его сын; потом приехали болгарские вельможи, прося, чтобы он их принял и был их властителем. Король сделал это, а сын, боясь своего отца, уехал в Арбанасскую землю¹⁰. Хотя отец и не замышлял против него ничего плохого, когда он потом поехал в один замок, который называется Звечан¹¹, сын его [пригibasя к земле так, чтоб никто его не увидел]¹², прокрался в спальню и удушил своего отца. Король, как подобает, был погребен в монастыре, который называется Дечаны¹³. А после него его сын Стефан был королем сербским и царем болгарским, но его правление было весьма печальным из-за его неблагородных поступков. Поэтому он послал к патриарху, к митрополитам и к монахам Святой Горы ордена св. Василия¹⁴, прося, ради бога, чтобы они за него молились и посоветовали ему, как он должен принести покаяние. Они ему ответили: «Не можем дать тебе иного совета, кроме как обратиться к господу богу с раскаянием в своих грехах, а чтобы ты ни делал сам для себя, пусть это будет с благодарностью к богу и с пользой для твоей души; это лучше, нежели ты бы велел строить храмы, чтобы больше заказывать литургий. Господь бог милостив к тем, которые взывают к нему». Услышав такие речи от духовенства, царь поехал в тот монастырь, где лежал его отец, с великим плачем и смирением. Подъехав к монастырю, он велел поставить крест около дороги, а сам пополз на голых коленях вплоть до отцовской могилы плача, стеноя и говоря: «Прости мне, мой милый отец и повелитель». Вельможи, видя его такую скорбь, подняли его и не дали ему больше сюда приезжать. Во время этого покаяния он поставил тридцать монастырей, больших и малых, и на торжественных службах всегда был с милостыней. Отец его через девять лет был объявлен святым¹⁵ и творил многие чудеса вплоть до сих пор; увидев их, поганные оставили монастырь в покое.

Потом сын его, который его задушил, умер, а после него королем стал Урош Стефан¹⁶. Он недостойно управлял царством: за грех его отца бог отнял у него разум, и он, отпустив верных заслуженных слуг, склонился к новым и неверным, которые его прозвали Урош Безумный. И он отдал двум братьям все, чем владел болгарский царь. И в этих землях был обычай, по которому ни один человек, кроме императора, короля и княжат, не носил красных сапог, а царь Урош дал этим братьям красные сапоги, и они, подданные Болгарской земли, видя это,

Короли Милутин и Драгутин.
Фреска монастыря Арилье (1296 г.)

воспротивились царю, а когда он к ним послал посла, чтобы они к нему приехали, они ему ответили: «Ты дал нам красные сапоги, которые нелегко сможешь с нас снять». А к тому же болгарская земля была к ним благосклонна из-за поступка царя¹⁷. А после этого появившийся турецкий султан Мурад и окружил Адрианополь¹⁸.

И когда пришли вести в Рацкую землю к царю Урошу Безумному, что обойден Адрианополь, он с большим войском приготовился идти против турок спасать Адрианополь, а когда приехал в Константинову землю¹⁹, он лег (спать) в поле Беглигар²⁰, там он, увидев во сне, что к нему пришел ангел, взял из его руки саблю и отдал ее туркам; и увидев такое чудо, он задержался на один день в поле, а сам поехал к пустыньнику в горах, рассказал ему о таком видении и, исповедавшись, сказал: «Боюсь отцовского греха». Пустыльник, не желая его устрашать, ему отвечал: «Грех твоего отца будет явлен в четвертом поколении». И прямо от него царь поехал к Адрианополю, спасать его. И когда он был в четырех милях от Адрианополя, тогда два брата, которым он поручил Болгарское царство, во зло своему господину поехали к турку и подались ему. Царь Урош, хотя и имел большое войско, но у него господь бог отнял разум; он не смотрел на неприятеля, а только на свою силу. Турецкий султан, увидев в его войске большой беспорядок, отойдя от города, со всем своим войском напал на него и, поразив стражу, ударил на войско и застал Уроша в шатре, где он и был убит. А другая часть всего войска была разбита наголову, и это место до сих пор называется Рацкое избиение²¹. Потом оба брата, которые выступили против своего господина, были вознаграждены по их заслугам — им было велено отрубить головы. И так, завоевав Адрианополь, султан занял всю Болгарскую землю без всякого сопротивления, хотя там и оставался один князь²².

ГЛАВА XVI. О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В СЕРБСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ.

Сербское королевство после царя Уроша стало княжеством, потому что они выбрали себе господином князя Лазаря¹, который был женат на племяннице короля Уроша по имени Милица. И так одни его поддерживали, а другие нет, как это теперь повсюду бывает, и не только между светскими, но и между духовными людьми. Где же нет единства, никоим образом не может быть добра. Султан Мурад, услышав, что Лазарь является наместником своего господина в Сербском королевстве, собрав войско, напал на Сербскую землю на Косовом поле², и князь Лазарь, не мешкая, тоже собрав войско, дошел к этому месту и расположился против султана на другой стороне на

Царь Душан и царица Елена с сыном Урошем.
Фреска монастыря Дечаны (ок. 1340)

Смагове³, возле реки Лядеш⁴. Тогда начался в среду на святого Вита⁵ бой очень жестокий, и он продолжался вплоть до пятницы.

Господа, которые были верны князю Лазарю, мужественно и непоколебимо бились за него в поле, а другие, смотря сквозь пальцы, наблюдали за битвой, и благодаря их неверию и несогласию [и зависти злых и неправедных людей]⁶ битва была проиграна в пятницу в полдень. Там же Милош Кобыла⁷, [рыцарь князя Лазаря]⁸, убил султана Мурада. И тогда же был убит его сын Мустафа⁹, но другой сын, Илдирим Баязид¹⁰, вступил на султанский престол. Там же был взят в плен князь Лазарь недалеко от одной церкви Божией матери под названием Самодержецы, и на этом месте поставлен высокий столб, построенный в память плена князя Лазаря. А с ним был схвачен Краимир, топличский воевода¹¹, и много других вельмож было перебито на том месте. А изменники, смотревшие на битву со стороны, стали предателями¹², что потом не вышло для них добром, ибо через некоторое время, забирая по одному, всех султан велел их умертвить, говоря: «Раз вы не были верны своему господину в его беде, то и со мной поступите также». Туда же к Баязиду был приведен князь Лазарь и воевода Краимир. Султан Мурад, его отец, и брат Мустафа оба лежали на носилках. И тогда сказал Баязид князю Лазарю: «Вот видишь лежащих на носилках моих отца и брата. Как ты смог дерзнуть противиться ему?» Князь Лазарь молчал. А Краимир воевода сказал: «Милый князь, отвечай султану, умная голова не пень от вербы, чтобы выросла второй раз». И тут князь Лазарь сказал султану: «Еще более удивительно, как твой отец смел покуситься на Сербское королевство. И я скажу тебе, султан Баязид: если бы я вначале знал, что я своими глазами ныне вижу, ты должен был бы лежать на третьих носилках. Но сам бог так судил по нашим грехам. Пусть свершится божья воля». А потом султан Баязид велел обезглавить князя Лазаря, а Краимир, умолив султана, встал на колени и держал полу под головой князя Лазаря, чтобы она не упала на землю. А когда она упала на полу, поднес эту голову к своей и сказал: «Клянусь господу богу, где будет голова князя Лазаря, там будет и моя». Потом и он был обезглавлен, и обе головы упали вместе на землю.

Тогда же один янычар принес голову Милоша Кобылича и бросил ее перед султаном, говоря: «Султан, катятся головы жесточайших твоих неприятелей». Потом рацы, или сербы, которые были при султани Баязиде, выпросили тело Лазаря и отнесли его в один монастырь под названием Раваница¹³ и там похоронили, и он был объявлен святым¹⁴. Победив, султан Баязид остался на Косовом поле и на месте побоища там, где был убит его отец, соорудил памятник: на четырех столпах утвержден свод, покрытый оловом; и этот памятник стоит до сих пор¹⁵.

Церковь Пантократора в Дечанах (1327—1335 гг.)

И так эта несчастная битва закончилась, благодаря неверности злых людей. Царь Урош и князь Лазарь, два владетеля, честно воевали за веру христианскую против поганных и отошли из этого мира.

ГЛАВА XVII. ЧТО ПРОИЗОШЛО СО СТЕФАНОМ¹, ПЕРВЫМ РАЦКИМ ДЕСПОТОМ.

Султан Баязид правил после Мурада, своего отца, после того как он захватил Сербское королевство; славной памяти князь Лазарь имел одного сына по имени Стефан и двух дочерей: одну — Деспину², а другую — Мару. Султан Баязид взял себе в жены сестру Стефана, Деспину, и дал ему землю по эту сторону Моравы³, до Дуная. И этот Стефан был первым деспотом Сербского или Рацкого королевства⁴, а господарю Вуку султан дал землю, называемую Ситница. Его женой была другая сестра деспота — Мара. У этого Вука был сын по имени Георгий⁵. Потом султан Баязид, собрав войско, с деспотом ринулся на Венгрию через Саву⁶ и там, пограбив, спалив и поубивав, он вернулся назад и переправился на том месте, где теперь стоит Белград, а в то время он еще не был основан. А тот самый первый турецкий набег на Венгрию произошел при императоре Сигизмунде⁷ или незадолго до него.

Тогда султан Баязид переправился через Дунай и сказал деспоту, своему шурину: «Деспот, останься здесь и поставь себе замок на этом месте⁸; не двигайся отсюда, я предостерегаю тебя, что у меня много неприятелей при нашем дворе; если они будут посылать за тобой, не приезжай ко мне; а я тебя предоставлю самому себе, чтобы ты сохранил свою голову». Поблагодарив султана, деспот начал строить замок Белград, который стоит и поныне⁹.

В то же время к султану Баязиду пришло посольство из Анатолии с вестью, что великий хан по имени Темир¹⁰, татарский властитель, пришел с большим войском на Персидскую землю. Услышал это султан, выступил против него и взял с собою Георгия, племянника деспота и свою жену Деспину¹¹ и двинулся за море через Анатолию в Персию к одной горе, которая называется Звезда. И там великий хан напал на него, и они бились четыре дня, и великий хан поразил султана Баязида наголову, а самого его взял в плен. Георгий же, раненый, бежал. И тогда привели к хану султана Баязида¹², которому он приказал сесть вдали от себя; и приказал также привести жену его Деспину, и хан повелел ей стоять перед собой и подносить вино. Так он сделал для того, чтобы досадить султану Баязиду, дабы он больше не брал с собой жену на войну. Он не хотел причинить ему вреда, но собирался отослать его со всеми людьми в его землю¹³.

Церковь Пантократора в Дечанах. Деталь фасада

Лев. Скульптура церкви Пантократора
в Дечанах (XIV в.)

Султан Баязид, видя, что его жена служит другому, от сильного огорчения отравился ядом из своего перстня, так как в нем был камень чудесной силы, и когда он его носил на руке, он помогал ему в различных делах, а когда он хотел кого-нибудь безболезненно умертвить, он поворачивал этот камень, чтобы тот выпустил из себя яд [или под камнем имел яд в кольце]¹⁴. Итак, взяв этот перстень в рот и подержав его минуту, он умер. Видя этот горестный поступок, что сам султан отравился, великий хан сказал на своем языке: «Як кан дик смаки Мистур», т. е. «Странный человек — себя умертвил, а я его хотел достойно отпустить домой, и мне его жаль, что сам столь постыдно умертвил себя». Потом он всех пленных и Деспину отправил с почетом, велел их проводить до Брусы, до земли. Так произошла эта битва турок с великим ханом.

ГЛАВА XVIII. О ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО ХАНА И О РИМСКИХ ИМПЕРАТОРАХ.

Тогда у Тамерлана было пехоты шестьсот тысяч, а кавалерии четыреста тысяч. Великий хан является повелителем татар, а столица его находится в большом городе, который называется Хайтай, или Чагатач¹, он лежит на север от восхода солнца. Господин (хан) является повелителем могущественным и независимым, с древности; некогда, в давние времена, его предок завоевал много земель на западе², и поныне существуют памятные знаки там, где он бывал: в полях большие курганы, которые он приказал насыпать. Римские императоры издавна владели всем светом от востока до запада, вплоть до императора Константина Великого. Он уступил Рим святому отцу папе Сильвестру³, а сам отправился в Арбанасскую землю к одному городу по имени Драч⁴. Когда он построил его, то ему не понравилось там жилище, и он поехал в Грецию, в город, который назывался Византий, и великолепно отстроив город, он приказал сделать его наподобие Рима и взял с собой всю римскую силу, выведя из Рима семь господ, которые в то время владели Римом. И из этих домов всегда один был императором, называясь Палеологи, т. е. издавна славные. Дома этих господ в Византии он велел соорудить наподобие тех, которые у них были в Риме⁵, и дал этому городу название Стамбул⁶, как бы назвал императорской столицей, но теперь его называют Константинополь. Он приказал его также называть Новым Римом из-за величины и подобия Риму, но люди его называли Константинополь, т. е. город Константина⁷. А всю Македонскую землю, вплоть до Рима, он назвал Романия⁸.

В те времена императоры приезжали в Рим как полновластные правители, со свитой в сто человек, ибо еще существовало единство во святой церкви. Потом единство прекратилось после императора Льва⁹. Папа с римлянами захотели выбрать себе императора Карла¹⁰, из франков, и потом выбирали себе императоров из немецких князей, и обычай этот сохраняется и поныне. И с тех пор христианская империя стала шататься и никнуть, согласно некоему сочинению, которое гласит: «Горе тебе, семиглавый, ибо от тебя будет происходить все зло». А семиглавым обозначается Рим, ибо от него произошло семь домов, как мы выше писали. Мухаммед, видя такое несогласие среди христиан, отправился в персидские земли, проповедуя язычникам веру, и тогда вместо римского императора провозгласил султана [который правил в этих землях и позвал его на престол]¹¹ в одном городе, который называется Мисир¹², где он и по сей день властвует, и будет султан, или жолдан, править, пока над ними верховной является власть великого хана.

Греки рассказывают об императоре Константине, что он был единым пастырем и было единое стадо в соответствии со словом евангелия¹³, ибо он был освободитель христианства и языческое идолопоклонство упразднил. А иные слова говорят, что должен быть в судный день другой один пастырь и одна паства, что так понимается, что в судный день должен быть один судья, сын божий, [который будет судить живых и мертвых]¹⁴. Но в действительности будут два стада и два пастыря. Одно стадо в царстве небесном, а пастырь этого стада — сын бога живого, а другое стадо будет в вечном огне, а пастырь ему — диавол. И так это и есть, если посмотреть на нынешние времена, когда трудно быть одному стаду и одному пастырю, и если бог этого не изменит, тогда греки останутся уже в вечной неволе, ибо поганные множатся, возникают разные ереси и сильно вредят христианству, ибо нет тех, которые его бы обороняли и умножали, кроме польского короля Ольбрахта¹⁵, который много потерпел от людей своего государства, видимо, из-за того, что своих земляков он заставил трудиться за мир и свободу христианства, противостоя поганым. А святой отец папа в Риме со своим духовенством сидит спокойно, также и римский король в немецких землях пирует со своими рыцарями, так что о них ничего не слышно в Турции, ибо они ничего не предпринимают против поганых.

И потому и папа, и римский король, если будут долго взирать на это насилие и пролитие христианской крови, сами будут в ненадежном положении, ибо они сами будут виновниками гибели всей веры, от которой зависит все христианство; они могли бы с божьей помощью поднять христианство Римской империи и столицу, которой был Константинополь, освободить от поганых. А как это могло бы совершиться, об этом я потом с божьей помощью расскажу.

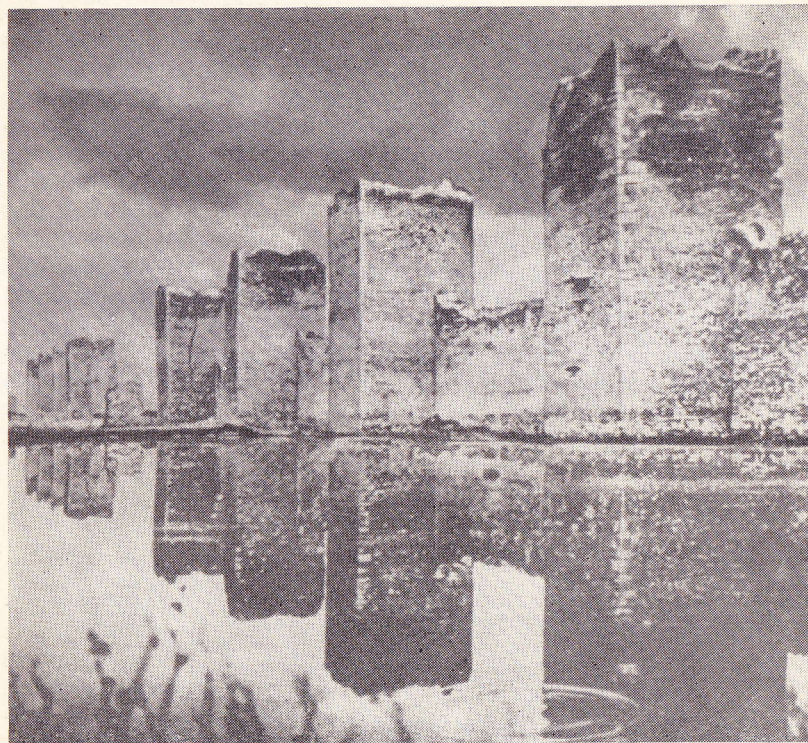
ГЛАВА XIX. О ВЕЛИКОМ ХАНЕ И О МУРАДЕ, СЫНЕ БАЯЗИДА.

Турецкий султан Мурад, третий сын Баязида¹ [после смерти своего отца]², должен был выплачивать великому хану дань потому, что тот победил его отца. Великий хан, называемый на их языке Цихан-шах, то-есть «Властитель всего света», повелел султану Мураду, чтобы он выплачивал ему каждый год сто тысяч дукатов, а потом освободил его от этой дани, чтобы (он) усерднее боролся с христианством, и вместо нее приказал давать тысячу войлочных попон, чтобы прикрывать коней зимой, и тысячу покрывал для лета. И таким образом великий хан жил с султаном Мурадом в мире.

ГЛАВА XX. О ПРАВЛЕНИИ СУЛТАНА МУРАДА И ЕГО СЧАСТЬЕ.

Султан Мурад правил после Баязида, своего отца, заключив союз с деспотом Стефаном. Потом деспот завоевывал Белград, и после этого долго жил деспот — этот как бы удельный правитель или князь¹. С императором Сигизмундом² он жил в мире, приезжая к нему в Будзин³, куда его ежегодно приглашал император, и он дал ему дом в Будзине — тот дом, в котором при короле Матиасе⁴ жил архиепископ Острогомский⁵; потом деспот Стефан, находясь на смертном одре, свою землю отдал племяннику по сестре Георгию, а Белград отдал императору Сигизмунду⁶; и умер он на поле, которое называется Головы⁷, и оттуда был перенесен в монастырь под названием Ресава⁸ и там погребен.

После его смерти Георгий Вукович, племянник его, стал деспотом, а Белград передал императору. И таким образом Белград добровольно перешел Венгерской короне. Потом турец-

Крепость Смедерево XV в.

кий султан Мурад взял в жены дочь деспота по имени Мара и потребовал от деспота, чтобы с ней отправил своего сына Григория; и он отправил своего сына к Мураду, и, пользуясь при этом дружелюбием, деспот просил у султана, чтобы он разрешил беспрепятственно строить монастырь, и это разрешил султан и поклялся ему не препятствовать и позволил, чтобы он строил надежный город, клянясь ему свое слово держать надежно и честно. Деспот, полагаясь на обещания султана, строил Смедерево⁹, когда же Мурад услышал, что деспот строит крепость, то он прежде, чем тот успел ее достроить и покрыть медью, тотчас же повелел сына деспота — Григория, своего шурина, бросить в тюрьму и велел отвести его в замок Димотик, а сам пошел с войском, чтобы осадить Смедерево¹⁰. Деспот, услышав, что султан идет походом, оставил своего второго сына в Смедереве¹¹, а сам поехал в Венгрию к королю Владиславу¹², брату Казимира, короля польского¹³. Султан, подойдя к замку Смедерево, обошел и осадил и захватил его по причине голода в нем и, захватив сына деспота, отослал к его брату в тюрьму. И таким путем он захватил всю Рацкую землю со всеми замками, а Смедерево ему добровольно досталось, и город предпочел (лучше) сдать туркам, чем венграм, как об этом будет сказано ниже¹⁴.

Султан Мурад, приехав в Адрианополь, велел обоим сыновей деспота послать в заключение в замок на море, который называется Токат, и жена Мурада не могла ничем им помочь; он секретно отправил посла, так чтобы жена об этом не знала, и повелел, чтобы обоим братьям были выколоты глаза; а когда она об этом узнала, она упала ему в ноги, прося его о прощении и чтобы он так быстро не спешил, и сказала ему: «Ведь они являются твоими пленниками и невольниками, и ты с ними сможешь сделать все, что захочешь». Султан тут же послал сказать, чтобы этого не делали, но его гонец не мог так быстро прибыть, и им были выколоты глаза. Султан, узнав, что тот, кому было поручено это делать, так поспешил, велел ему самому выколоть глаза.

ГЛАВА XXI. КАК КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ С ДЕСПОТОМ НАПАЛ НА МУРАДА.

Венгерский король Владислав в тысяча четыреста сорок первом году от Рождества Бога, собрав войско, отважно напал на турецкого султана Мурада, а с ним был и деспот Георгий Вукович; они друг другу поклялись, что не разъедутся без боя¹. Тогда они двинулись вместе через всю землю Рацкую и Болгарскую; около города Пловдива их настиг турецкий султан Мурад и задержал их в горах, не давая им подъехать к Пловдиву. Эти горы называются Золотыми воротами, хотя некоторые их на-

зывают Железными воротами². А когда они проникли через горы в одну долину, то там их встретили султанские янычары, не давая им проехать к Пловдиву, так как там находится чистая равнина. Король Владислав, видя, что он ее не может переехать, приказал тут же вкапывать повозки, чтобы они не могли повернуть назад. Без ущерба вернувшись, король Владислав двинулся назад к городу София, а уже стояла осень и, не имея возможности остаться в этой земле на зиму, он, предав огню город, двинулся в Рацкую землю.

А когда он достиг города Пирота³, к нему пришли вести, что турецкий султан подошел к Софии, которую он сжег. Тогда он приказал деспоту, чтобы он шел сзади и понемногу двигался за ним со своим войском. И он шел, ожидая битвы, а когда они подошли к горе, называемой Рымовичи⁴, и король Владислав уже был там, к деспоту пришли вести о том, что турки идут за ними с большими силами. Тогда он (деспот), повернувшись против турок и ожидая их, сообщил королю, что эти турки с большой силой двигаются за ним, и просил, чтобы он всех пеших оставил при повозках, а сам со всем войском поспешил к нему. Однако прежде чем король прибыл, уже началась битва с турками, которая была такой жестокой, что все турки были поражены наголову, а высокие их сановники одни перебиты, а другие взяты в плен. И один друг султана, который был с ними, заменяя султана, был там убит, и до сих пор стоит знак на его могиле в местечке Тайяницы⁵. И оттуда король Владислав, победив поганых, беспрепятственно с радостью двинулся в Рацкую землю и разместился на поле Добрыгич⁶, намереваясь остаться там в Рацкой земле на зиму, а летом с божией помощью напасть на турок.

И туда пришло посольство от турецкого султана, прося, чтобы пленных сановников, которые были пойманы, он отпустил. Но он (Владислав) желал вернуть деспота Смедерево со всеми замками и всей Рацкой землей, а также двух его сыновей, Георгия и Стефана. [Там был захвачен один турецкий гетман по имени Карамбег, и за него султан дал тысячу пятьсот золотых]⁷. Король Владислав, посоветовавшись с деспотом и другими сановниками, удовлетворил его просьбу, и султан послал одного сановника — Балтаоглы, называемого Секирчин сын, и тот по приказу султана отдал Смедерево деспоту со всеми замками⁸; были привезены и оба слепых сына. И тогда были выпущены из тюрьмы все, которых просил султан. Деспот Георгий, взяв все свои земли, стоял там с королем и со всем войском четыре недели, все имея в изобилии; потом король с радостью поехал в Венгрию, одержав победу над погаными; он заключил с ними перемирие на семь лет. И так закончилась эта счастливая битва.

ГЛАВА XXII. О СУЛТАНЕ МУРАДЕ, ЧТО С НИМ ПОТОМ БЫЛО.

Турецкий султан стыдился того, что его не было в том вышеописанном бою, и от сильной печали он оставил империю и все свое государство передал сыну своему Мехмеду¹, а сам вступил в орден, который называют дервишским. Дервиши подобны нашим монахам², их храмы называются медресе, вроде наших монастырей; они имеют такой устав: ходят нагие и босые и ничего не имеют на себе, кроме шкуры оленя или какого-нибудь иного животного. А некоторые носят одежду из войлока по своему обычаю. Железными цепями они опоясываются крест-накрест и ходят с голой головой; детородные члены они оковывают железом, жгут огнем руки и режутся бритвами; в чем ходят, в том и спят, не пьют ни вина, ни какого кваса; никогда ничего не едят на обед, но всегда нищенствуют, а что после обеда останется — отдают нищим; так же поступают они и с ужином. И никогда они не имеют ничего своего, только ходят по разным городам, как блаженные, и каждый день во время вечерни танцуют, сходясь в круг, один другому положив руку на плечо, кивая головами, подсакивая на ногах и громко восклицая «Лаилаха илла-ллах», что означает: «Нет бога, кроме Аллаха»; и они очень быстро поворачиваются и так сильно кричат, что их далеко слышно, как будто бы лают псы, один грубо, другой тонко, и этот их танец называется сама; они смотрят на него, как на проявление великой святости и благочестия; и когда они так трудятся в этом танце, с них течет пот, а изо рта идет пена, как у бешеных псов; и от сильного изматывания они падают один за другим; и так, натрудившись, каждый идет в свою берлогу³.

Султан тогда вступил в этот орден, считая, что он не достоин оставаться султаном, так как он лично не участвовал в битве. Сын Мурада Мехмед, когда его отец находился в монастыре, бросив все, отправился в леса, гоняясь за зверями и думая об охоте. Но при султанском дворе существует такой обычай, согласно которому каждую четверть года без исключения всем дворянам должно было выплачиваться жалование, а тогда была пропущена выдача за две четверти года. Придворные, видя такой беспорядок и беспечность султана, возмутились и истребили все дома наиболее знатных и наиболее богатых фамилий из султанского совета, так что ни один вельможа в Адрианополе не был оставлен ими. Однако городу никакого вреда не нанесли. А потом, собравшись, пошли туда, где молодой султан был на охоте. Затем они уничтожили все шатры совета, который был с султаном, и они все должны были разбежаться, кто куда мог, кроме молодого султана, который сам к ним пришел в глубокой тоске, не зная, что происходит и что могло бы быть причиной происходящего. И он стал так

у них спрашивать: «Мои милые ягнята, что случилось, в чем дело?». Они ответили ему: «Счастливый господин, произошло из-за твоего совета то, чего никогда не было со времен наших предков, и потому изволь узнать, что мы тебя не хотим иметь за господина, пока жив твой отец». И он поклялся немедленно послать за своим отцом, а все полагающееся им за службу выплатить и еще повысил оплату за службу каждому по полденги на день, так что каждому пришлось по золотому и полорта⁴ за его службу, и таким путем этот бунт был усмирен.

Потом послали в монастырь за султаном Мурадом, говоря, чтобы он, «без промедления приехал, ибо янычары никому не хотят повиноваться, пока ты состоишь в ордене». Услышав об этой смуте, он приказал янычарам: «Если вы меня любите, то приготовьте мне чистый шалаш из зелени, и я к нему без промедления приеду». Султан сделал так потому, что он боялся некоей хитрости, ибо никому так не верил, как янычарам. А кто это такие — янычары, мы потом расскажем. Янычары, услышав о поручении своего господина, сейчас же с великой радостью бросились в леса, нанимая возы, чтобы привезти зелень. И так они разбили шатер, убрали его свежей зеленью для своего господина, и султан приехал на это место, которое было приготовлено. Туда же к нему приехал его сын Мехмед со всеми, служащими ему. Приветствовав султана, они просили, чтобы он им простил этот поступок, и он сказал своему сыну и всем другим: «Прощаю вам это, но, милый сын, сохраняй для себя янычаров, ибо это благо для тебя и для всего твоего государства». И так он исполнил долг султана и должен был вновь стать султаном и управлять людьми.

ГЛАВА XXIII. О КОРОЛЕ ВЛАДИСЛАВЕ И ЧТО У НЕГО ПОТОМ ПРОИЗОШЛО С ТУРКАМИ.

Король Владислав имел семилетнее перемирие с турецким султаном Мурадом¹; и духовные, и светские властители, видя, как король ранее успешно воевал с погаными, подговорили его, чтобы он не соблюдал мира с турками². И так астрологи, глядя на планеты, рыцарство, напиваясь вином, а Янкул, отец Матиаса³, будучи правителем Венгерского королевства, уверили короля в том, что он будет иметь счастье в борьбе с турками. И тогда же король Владислав начал готовиться к войне с турками в лето господне тысяча четыреста сорок четвертого и послал к деспоту посла, чтобы он готовился выступить против поганых.

Деспот Георгий, узнав об этом повелении, весьма огорчился и послал своего друга Димитрия Райковича, знаменитого вельможу, к королю с такими словами: «Милостивый король, я внял твоей речи как первой, оставив за собой последнюю, и ты без

моего совета ничего не должен затевать против поганых. Я не знаю, кто тебе дал такой совет, что ты это не хочешь оглянуться и так неожиданно и без необходимости собираешься на поганых. И потому имей в виду, что я сейчас не могу быть готов выступать никаким образом, ибо ты хорошо знаешь, что мне досталась разоренная земля. Я должен некоторые города отстроить заново и снабдить их пушками. И потому прошу, чтобы ты отказался от этой войны до окончания срока мира. Ибо к этому времени я готовлю для твоей чести пятьдесят тысяч мужей. И я хочу свою старую голову сложить возле твоей. И даже, более, помогу тебе чем только смогу, в том числе и своей казной, чего ныне не могу сделать. Я советую твоей милости от этой войны отказаться; в свое время я хочу вести полки, как и ранее был, добиться с божьей помощью того, чтобы ты одержал победу над погаными».

Когда король Владислав услышал это, он поистине захотел послушаться его совета, но Янкул-воевода, будучи при короле, насмеявшись над словами деспота, опередил короля с ответом и сказал: «Господин Димитрий, твой властитель сидит на мели и потому так советует». Димитрий отвечал: «Господин Янкул, мой властитель честно и истинно советует королю и на тебя поистине не течет и не капает и если что твоей милости не нравится, то поручим это господу богу». И король передал свое повеление через Димитрия, говоря: «Если я пойду на эту войну, то прежде всего остановлюсь у вас в Смедереве, но с небольшим войском и там с ними обговорю все дела».

Услышав это повеление, деспот стал готовиться к встрече короля, как то подобает господину, поставил чистые и лучшие шатры, но сверх того приготовил одну очень дорогую, украшенную золотом и жемчугом икону, а так же породистых коней и множество других вещей, которые служат дарами. Потом король Владислав со всей своей силою двинулся к Белграду, чтобы переправиться через Дунай, а из Белграда поехал к деспоту в Смедерево и там встал перед городом с добрым намерением, чтобы все войско переправилось через Дунай. И король был одарен деспотом вышеописанными дарами и еще пятьюдесятью тысячами дукатов. И он со слезами просил короля, чтобы он ехал домой, а на эту войну не ходил, но Янкул, будучи при том, отвечал ему: «Господин деспот, не может быть иначе, и ты должен выступить против поганых». Посмотрел король на деспота, а деспот на него. Видя, что иначе, чем сказал Янкул, не будет, они, горестно попрощавшись, разъехались⁴, ибо Янкул обладал большей властью, чем сам король, и никому не желал уступать королевства. И потому он упрекнул деспота и говорил, что было бы благом быть вместе с королем.

Двинувшись тогда, король Владислав пошел равниной вдоль Дуная к городу Видину⁵, который он велел ограбить и спалить, и оттуда отправился весьма далеко через турок вплоть

до Варненского поля близ Черного моря. Турецкий султан Мурад подошел туда же, и сошлись оба войска: христианское и поганское, и битва началась в понедельник. Христиане вначале дрались счастливо, и у них все шло счастливо, так же и на второй и на третий день. И так было до тех пор, пока вся поганская кавалерия не была разгромлена наголову так, что только султан остался один с янычарами на поле битвы.

Янычары, видя, что их дело плохо, присмотрели одно место между ущельями, под горами либо глубинными оврагами и между высоким вереском, так чтобы наши не могли увидеть этих ущелий. И начали янычары убегать, обступив султана, чтобы он не уехал, и, пройдя между ущельями, встали посреди них и замаскировали вереском, а было то в вечернее время. Видя это, Янкул уговорил короля, чтобы он двинулся на них со своей ратью, ибо эти люди уже разбиты, и он сможет добыть себе честь; тогда король, не медля, прямо двинулся на них, опустив забрало шлема, покрывшись ветвями, и стремительно помчался к ним, желая быстро на конях поразить их и уничтожить, видя, что все они пешие. И так поспешив, не видя ущелий, они в них попадали так, что заполнили все их дно, а потом янычары, примчавшись к ним, били и убивали их, как хотели. Король Владислав остался в том ущелье, а Янкул-воевода отступил назад без всякого препятствия, ибо турки были поражены наголову и не было никого, кто бы за ним гнался. Турецкий султан от этой победы скорее был печален, чем весел, и говорил, что не хотел бы второй раз выиграть такой битвы⁶.

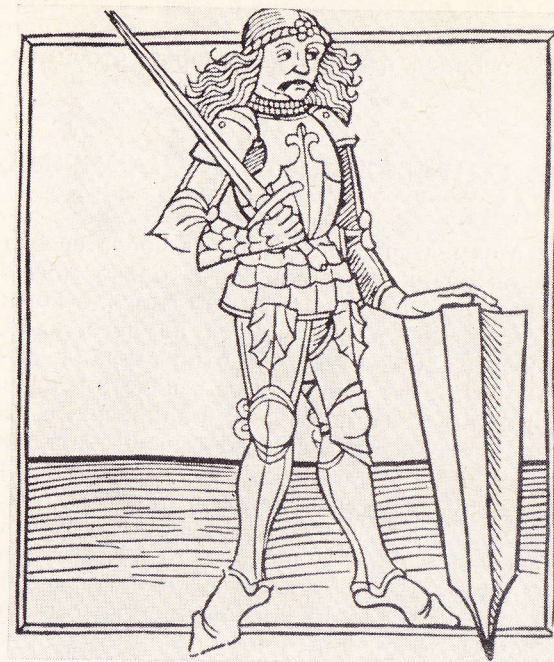
О короле христиане ничего не знали, куда он делся, и поганные тоже не знали, был ли он в этом рву. Много вельмож и слуг его осталось там, янычары многих поймали, а потом стали выволакивать убитых, ища денег и сдирая с них одежды. И так один янычар напал на короля, не зная, что это был король; имя его (янычара) было Бухрикадер. Увидя дорогое оружие, на шлеме перья с дорогой небольшой застежкой, он отрезал ему голову и так с пером и шлемом принес к султану и, бросив ее перед ним, сказал: «Счастливый государь, вот голова какого-то знатного твоего неприятеля». Султан сейчас же послал за пленниками, что были взяты, чтобы они сказали, чья это была голова; а были среди пленных некоторые королевские слуги, и их спросили, они сказали, что это, несомненно, королевская голова. Некоторые слуги, глядя на королевскую голову, в глубокой тоске кричали и плакали, а султан с великой радостью велел тотчас же всем пленникам отрубить головы, а с королевской головы, сняв с нее шлем, велел содрать кожу и эту кожу набить благовонными травами с ватой, чтобы она не испортилась, а волосы на ней велел расчесать и окрасить золотисто-пурпурной краской и велел ее насадить на шест и носить по своим городам, возглашая: «Вот как господь бог дал мне победить неприятеля». А те, кто эту голову носил, были одарены

знатными вельможами и горожанами так, что каждому досталось по несколько сот золотых. Король Владислав имел одну штанину красную, а другую черную, и поэтому дворяне султана тоже несколько лет в знак победы носили те же цвета. Волосы же его были густые, жесткие и темные. [Потом, приехав в Адрианополь, султан эту голову послал калифу]⁷, а того янычара, который голову отрубил, он сделал знаменитым воеводой и дал ему с достатком коней и денег, так что он стал большим вельможей; многих других он также щедро одарил. Вот как везло этому султану, турецкому монаху⁸.

ГЛАВА XXIV. КАК ЯНКУЛ-ВОЕВОДА СОБРАЛСЯ НА ТУРОК.

А когда уже истекли семь лет мира, который был заключен с султаном Мурадом, воевода Янкул в лето господне тысяча четыреста сорок восьмое отправил посольство к деспоту, напоминая ему, чтобы он с ним выступил против турок¹. Деспот ему отвечал: «Ты хорошо знаешь, что мы заключили мир с турецким султаном на семь лет, и султан поклялся нам, что не нарушит его эти семь лет, как и мы поклялись в том же. Ты же подговорил славной памяти короля Владислава на то, чтобы мир с турками не соблюдать, и начал войну с ними без моего совета и без моего ведома. А я не мог быть готов с теми, которые столь спешат, и должен был не ехать с королем, а что вы там нашли — известно всем землям. Я и по сей день об этом горюю, а тем более скорбел в то время. И потому, господин Янкул, господин губернатор, знай, что я тебе без короля не обещаю выступать против турок. И прежде так сделайте, чтобы вы имели у себя короля, а тогда и я готов со всеми другими рядом с королем ехать беспрекословно. А если, несмотря на этот мой совет, вы пойдете на турок, запомните, что будете меня вспоминать там, где мой совет будет для вас уже бесполезен». Губернатор, услышав эти слова, посмеялся над ними и сказал: «Господь бог поможет мне победить поганых, а вас найти в Смедереве». На эту речь деспот отвечал: «Пусть идет с господом богом, и за то, как он думает о нас, пусть так же господь ему воздаст».

Потом губернатор отправил к деспоту гонца с просьбой, чтобы он его свободно пропустил через свою землю вплоть до Косова поля, и тот немедленно дал приказ по всей своей земле, чтобы его свободно пропускали и оказывали добрый прием, как ему самому. Таким образом, он взял его под свое покровительство². Потом губернатор двинулся со всем своим войском на Косово поле и там, увидев мощь и огромную силу турецкого султана, написал ему такое письмо: «Султан, у нас нет столько людей, как у тебя, и хотя я их имею меньше, поистине знай то,

Янош Хуньяди.

Гравюра из «Хроники венгров» Турочи. 1488 г.

что они добрые воины, стойкие, искренние и мужественные». Султан отвечал Янкулу: «Янкул, я предпочитаю иметь полный колчан обычных стрел, чем шесть или семь позолоченных». Начался бой утром в четверг, и бились они вплоть до вечера субботы. Всадники поганых были поражены наголову, но потом оправились. Видя это, губернатор повернул на придворных и был там разбит, так что едва сам с приближенными убежал в горы, а все иные остались на поле и были поражены наголову. Султан Мурад приказал все головы складывать на холме. И так он одержал победу на Косовом поле, и таким образом завершилась эта несчастная и печальная битва³.

Губернатор приехал в иную область, называемую Загорье⁴, в которой правил Белмужевич Стефан, и Янкул был приведен к нему, а он отвел его [к деспоту в Смедерево. Деспот, одарив его, отпустил себе на горе]⁵ в Венгрию⁶. Как говорят: дурному никогда не делай добра, и потом деспот имел много неприятностей от турецкого султана за то, что он отпустил его из своей земли, ибо если бы султан знал, что он находится в Смедереве, он бы его сразу же захватил. И поэтому деспот не хотел, чтобы он долго был при нем и чтобы султан узнал об

этом. Потом через два года Мурад умер, а сын его Мехмед стал султаном, и это было для него легко, ибо у него не было никакого другого брата. [А другие говорят, что имел, но велел его убить] ⁷.

ГЛАВА XXV. О ПРАВЛЕНИИ СУЛТАНА МЕХМЕДА, СЫНА МУРАДА.

Потом султан Мехмед счастливо правил после своего отца Мурада ¹. И был он очень хитрый и кого только мог, обманывал с помощью перемирия; он редко держал слово, а когда кто-либо упрекал его за это, он набрасывался на него, как безумный. И он послал к деспоту жену своего отца Мурада, свою мачеху, его дочь по имени Мара; отправив ее с почетом, он выделил ей две области: Теплицу и Глипотлицу ² и заключил с деспотом такое соглашение: покуда он жив, его сын Лазарь никогда не будет желать ему зла, и обусловил, чтобы он присылал ему на его нужды пятнадцать сотен коней и чтобы каждый год давал ему дань — пятнадцать тысяч золотых. Всему этому деспот подчинился и в полной мере это исполнил. Когда об этом услышали рацы, они выступили против этого, ибо они знали, что султан не станет выполнять такое соглашение, потому что он (сказали они деспоту) хочет или тебя обмануть, или кого иного, а когда он победит кого-то иного, тогда он внезапно начнет борьбу с нами, и это было правдой. И поэтому-то (объясняли они) он (султан) заключил соглашение с деспотом, чтобы себя обезопасить. Деспот отвечал своим подданным: «Я должен на это пойти до того времени, пока в Венгрии не будет короля», ибо Янкулу он не верил. И так, по этой причине был заключен мир.

Мехмед, заключив мир с деспотом, потом заключил его и с греческим императором ³, обещав соблюдать его верно и тайно; после этого соглашения он пошел войной на одного языческого князя, которого звали Караман, правителя древнего и знаменитого государства; некоторые говорили о нем, что он был потомком царя Дария; захватив некоторые его замки и города, султан занял их своими войсками и вернулся в свою землю ⁴. [Землю этого князя называют Карамания, то есть Киликия] ⁵.

ГЛАВА XXVI. КАК СУЛТАН МЕХМЕД ОБМАНУЛ ГРЕЧЕСКОГО ИМПЕРАТОРА.

Султан Мехмед, собрав войско, выступил так, как если бы хотел напасть на Карамана, и взял с собой мастеров, плотников, строителей, кузнецов, мастеров изготовления извести и других различных ремесленников со всем снаряжением, что кому необ-

Синан-бей.

Портрет Мехмеда II. 1480

ходимо; затем он направился к Поясу Святого Георгия ¹, якобы намереваясь со всем своим войском переправиться к Константинополю через море, и он попросил греческого императора, чтобы он дал ему лодки для перевозки. И, приплыв, он высадился на другом берегу в Поясе Святого Георгия в пяти итальянских милях от Константинополя и велел мастерам промерить пространство, намереваясь здесь поставить замок, и сам повелел немедленно начать носить камень. И другие, видя, что султан не бездельничает, стали каждый носить камни, дерево и все, что необходимо для строительства; и он не двигался с этого места целых два года, пока замок не был закончен, и ни один человек не знал его замысла, для чего возводится замок. Когда греки это увидели, они стали готовиться к тому, чтобы отобрать у него этот замок. Узнав об этом, он послал к их властителю, отговариваясь тем, что он ничего не имеет против него: «Я строю этот замок в ваших и наших интересах, так как поступает много жалоб от купцов, что совершаются злодеяния

каталонами² на Белом³ и Черном море. И поэтому я хочу это прекратить, чтобы купцы могли совершать свои путешествия». Услышав это, греческий царь и греки не знали, что они должны были делать, полагали, что следует соблюдать мир, и потому не стали мешать султану закончить строительство замка. Но если бы греки заботились, чтобы султан быстро отступил, они должны были замок окружить и осадить. Они так думали, но султан турецкий думал иначе.

Итак, греки, полагаясь на мир с погаными, ничего не предпринимали; и они были так спокойны, что турки ездили из города в город, а греки — к их войскам беспрепятственно, при этом пили, ели, имели хороший скот и так было до того времени, пока султан не построил замок, который и поныне называется Енихисар [очень мощный и надежный замок, в котором хранится казна турецких султанов]⁴. В то время турецкий султан еще не имел при себе никаких людей на море, и тогда он приказал сделать тридцать кораблей в лесу в четырех итальянских милях от морского берега; «некоторые, которые об этом знали, считали, что султан делает глупость, говоря, что невероятно, чтобы он смог их (корабли) перевезти по суше до моря, не повредив, и особенно осуждали его потому, что местность была гористая. Тогда султан послал к деспоту гонца, требуя, чтобы он отправил ему пятнадцать сотен коней, согласно договору, говоря, что, построив замок, он хотел бы выступить против земли Карамана. Деспот послал одного воеводу Яксу из Брежичича, отчима тех Якшичей⁵, которые были в Венгрии, и с ним отправил пятнадцать сотен коней, не зная замысла султана. Построив замок, султан, никому не говоря, ни своему, ни чужому, не разрывая мира, послал гонцов к Константинополю, чтобы они избивали, убивали, кого где не встретят вплоть до самых городских рвов. [Затем султан подошел со своей силой и обложил Константинополь]⁶. И в самом городе было много турок, которые об этом не знали, и они были перебиты горожанами. Султан, подойдя со всей своей силой, обложил Константинополь, который называют Стамбул, как бы султанский престол. Те люди, которые были посланы деспотом и среди них был и я⁷, слыша, что султан обложил Стамбул, [мы же хотели повернуть назад]⁸, были предостережены некими людьми, чтобы ни в коем случае не возвращаться, что все приготовлено для того, чтобы нас уничтожить, согласно приказу султана, если бы мы повернули вспять, и потому мы должны ехать к Стамбулу и помогать добывать его: и никак без нашей помощи он не был бы взят⁹.

Когда мы подошли к Константинополю, то нам было велено залечь перед Адрианопольскими воротами, а когда мы там залегли, тогда султан, пойдя на большие затраты, чудесным образом перевез ладьи, чему удивлялись весь город и войско. А сделал он так: на верху был сделан перекоп, который вниз

Джентило Белини.
Портрет Мехмеда II. 1480 г.

был обит толстыми досками, намазанными густым слоем жира, к тому же к каждой ладье был приделан чистый корпус; а поднятыми ветряными полотнищами все тридцать ладей одна за другой шли как бы по воде со знаменами, с бубнами, со стрельбой из пушек; в это время битва была приостановлена из-за большого удивления людей: ладьи, которые обычно тянули пешие люди и буйволы, по суше сами шли к морю. Греки, видя ладьи, устроенные таким образом, хотели обороняться, дабы их не могли привезти к морю, но они ничего не смогли с этим поделать. Также они добывали Константинополь и с суши, и с моря. Существует широкий морской залив величиной в два гона¹⁰ между Константинополем и Галатой, или Перой¹¹. Через этот залив султан велел сделать мост на судах, и он был так устроен, что по нему могли ездить.

Тогда-то турки обложили город на восемь недель, обстреливая его из больших пушек, стрелявших так, что они разруши-

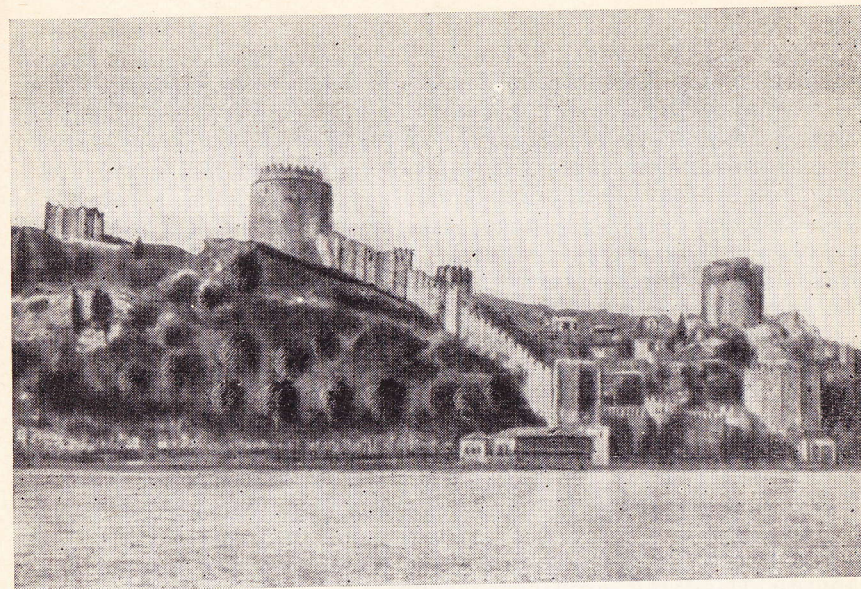
ли стену на пол-гона. Стамбул — огромный город, окруженный великолепными стенами, толстыми и высокими, с частыми башнями, его не смог бы взять султан турецкий, если бы не подлая измена¹². Греческий император по причине обширности города не мог иметь такого количества людей, чтобы были заняты все стены, как это бы следовало; и потому в том месте, где стена была разбита, султанские янычары во время штурма убили греческого воеводу, которому этот участок был поручен. А когда глава была поражена, то и другие, испугавшись, должны были отступить, и тогда янычары, собравшись с силами, бросились по стенам и начали резню и вся султанская сила обратилась на город, истребляя на улицах, в домах и церквах.

Греческий император имел на площади в городе пять тысяч пехоты, но он не мог быстро подоспеть к тому месту, где в стене был пролом, ибо турки здесь закрепились. Он мужественно сражался с ними, обороняясь так долго, как мог, и сам был убит там на месте. Голову ему, мертвому, отсек один янычар по имени Сарилес, он принес ее и бросил перед султаном, говоря: «Счастливый господин, вот тебе голова твоего жесточайшего неприятеля». Султан спросил одного греческого пленника, друга императора по имени Андрей, чья бы это могла быть голова. Тот ответил, что это голова императора Драгаша, нашего господина¹³. И тогда султан одарил этого янычара конями, деньгами, чистыми одеждами и лучшими должностями и дал ему воеводства Агиданское и Анатолийское. Так был захвачен Константинополь благодаря подлому обману и ложному миру с погаными.

По другую сторону залива существует иной город — Галата, или Пора, обширный и красивый; жители его заключили с турецким султаном перемирие в соответствии с принципом, если добыт Константинополь, то ему и все должны быть подчинены. А когда Константинополь был захвачен и все мужское население вырезано, кроме детей и женщин, которые все были розданы поганым, жители Галаты, видя, что Константинополь взят, принесли ключи к султану, и он их оставил в покое, поехал к их замку и к городам и захватил их без боя, а они все покорно подчинились ему. Оттуда он поехал в Адрианополь и, пробыв там, поехал в Рацкую землю, не разрывая мира.

ГЛАВА XXVII. КАК МЕХМЕД ОБМАНУЛ ДЕСПОТА С ПОМОЩЬЮ МИРА.

Турецкий султан Мехмед, заключив договор с деспотом о том, чтобы до смерти его и его сына Лазаря никогда ему не вредить и честно и по правде поступать, как об этом я написал выше, исполнял все это до тех пор, пока не захватил Константино-

Стамбул. Крепость Румели-Хиссар XV в.

поль. Ибо он все это сделал только ради того, чтобы ему легче было подойти к нему [захватить Константинополь]¹⁴. А как только он занял Константинополь, он сразу же, на следующий год, не разрывая договора с деспотом, двинулся на Рацкую землю вместе со всей своей силой. Услышав об этом, рацы дали знать деспоту: «Турецкий султан двинулся на нас со своей силой. Что нам делать? Ведь мы и раньше тебе говорили, что турецкий пес должен нас обмануть. И потому знай, что мы думаем: «Неужели наши жены и дети на наших глазах будут схвачены и отвезены к поганым? Уж лучше мы готовы сложить свои головы и с ними биться». А потому поспеши к нам на помощь с как можно большей силой. У нас есть одно войско в Ситнице, а другое — у Дубочицы или в Кислине. А потому с этим делом не мешкай».

Деспот отвечал им: «Я не могу так быстро собрать людей, потому что короля Владислава нет в Венгерской земле, который помог бы мне, а потому ничего такого не делайте, а если есть на то божья воля и вы поддадитесь турецкому султану, я вас с божьей помощью освобожу». Когда же султан Мехмед приехал в Константинову землю на одно поле, которое называют Жеглигово, на границе Рацкой земли, услышав о людях, которые были у Ситницы, а другие в Дубочице и у Кислины, он стоял там четыре недели, не зная, что предпринять и на ка-

ких людей он должен напасть; и тогда те, которые находились у Ситницы, мужественно бросились на его войско и побили и умертвили множество турок, и в том числе знаменитых турецких вельмож. Но потом султан, подойдя сам со всей своей силой, разбил их у горы, которая называется Трепана². Турки рассказывали, что никогда в жизни не слыхивали, чтобы столь малое число людей так сражалось и с такой силой, и говорили, что если бы они соединились вместе, то султан был бы разбит наголову. И так сербы одни были поражены, другие разбиты, третьи убежали, а один господин — Никола Скобалич³ со своим дядей был посажен на кол.

Оттуда султан двинулся и осадил один город, который называется Ново Брдо⁴, т. е. «Серебряная и Золотая гора», и взял его, но по условиям сдачи согласился оставить жителям имущество и ни женщин, ни молодых людей не брать. Когда же город сдался⁵, то султан приказал ворота закрыть, оставив только с одной стороны открытые ворота. Турки, приехав в город, приказали всем господам, чтобы они каждый со своей челядью, мужской и женской, вышли воротами из города ко рву, оставив свое имущество в домах. И так вышли они один за другим. И султан, стоя перед воротами, отбирал и ставил юношей на одну сторону, а девушек на другую, а мужей также по одну сторону, а женщин по другую [а жены с другой стороны]⁶; а тех из них, которые были главнейшими, всех их велел убить. А остальных велел отпустить в город, и ни у кого из них не было отобрано имущество. Юношей было триста двадцать, а женщин — 704, женщин он всех роздал поганым, а мальчиков взял себе в янычары и послал их в Анатолию за море там, где их воспитывают. Там, в этом городе [Ново Брдо, я, который это написал]⁷, был взят с двумя моими братьями, [и гнали нас турки, которым мы были поручены]⁸. [А когда нас вели, мы всегда были начеку]⁹, где бы мы ни были, в больших лесах или горах, мы постоянно думали, как перебежим турок, а сами убежим, но мы были тогда так юны, что этого не сделали, только я с еще двадцатью ночью убежал из одного села, называемого Самоков¹⁰, и за нами гнались по всей этой земле и, догнав, связали и мучили, волоча за конями; странно, как у нас остались целы души, а потом, когда нас привели, за нас поклялись другие, и среди них — два моих брата, что мы больше этого делать не будем, и так нас спокойно повели за море.

И [турецкий султан]¹¹ отнял у деспота всю Рацкую землю вплоть до Моравы, оставив ему только то, что находится от Моравы до Смедерева, и, приехав в Адрианополь, он взял себе восемь юношей в слуги из тех, которые были привезены из Рацкой земли¹²; а они сговорились убить султана во время ночной стражи, говоря между собой: «Если мы этого турецкого пса убьем, тогда все христианство будет освобождено, а если

нас поймают, тогда мы будем мучениками перед господом богом». И когда наступил час их ночной стражи, они все были наготове и каждый имел при себе кинжал. Когда же султан должен был идти в спальню, один из них, по имени Дмитрий Томашич, отошел от них и как подлый изменник рассказал султану, что должно произойти. Султан сразу же велел их схватить и привести к себе и, видя у каждого кинжал, спросил их: «Кто вас научил тому, что вы смели дерзнуть на это и меня убить?». Они отвечали ему: «Никто иной, как наша печаль по нашим отцам и нашим милым друзьям». Потом султан велел принести птичьих яиц и нагреть их в горячем пепле, чтобы они как можно сильнее накалились, и, взяв из пепла, велел каждому из них привязать под колено по яйцу, чтобы жилы у них расплавились и свернулись, а потом велел их отвезти на возе в Персию, не давая им отнимать яиц, пока они сами не остынут, а через год велел их привести к себе и, видя, что ничего с ними не стало, велел обезглавить. И некоторые из нас, взяв ночью их тела, похоронили их у пустой церкви, которая называется «Не видит солнца».

А султан того юношу, которым он был предупрежден, сделал большим вельможей при своем дворе, но потом его одолела тяжелая болезнь, называемая сухоткой, и он весь высох и умер. А имя его (в поганстве) было Байдары. А это господь бог послал за его подлость и предательство; и с тех пор султан ни одного рацкого юношу не допускал до своей спальни. Других юношей он велел оскотить, и из них один умер. Турки называют это хадомляр, как бы говоря, что он евнух; они-то и стерегут султанских жен.

ГЛАВА XXVIII. ЧТО ПРОИЗОШЛО ИЛИ СЛУЧИЛОСЬ С ДЕСПОТОМ БЛАГОДАРЕЯ ЯНКУЛУ-ГУБЕРНАТОРУ.

А потом был мор в Смедереве, и потому деспот оттуда уехал на гору близ Белграда и там жил, разбив лагерь, с малым числом людей, пока страшная эпидемия не миновала. При себе он держал сына Лазаря¹. Его-то он и послал к Янкулу, венгерскому губернатору, а также к Михаилу Силаджи, который управлял Белградом, и попросил у них, чтобы ему было позволено здесь отдохнуть. Они лживо и коварно поклялись, торжественно уверяя его, что он может безопасно жить здесь днем и ночью, сколько ему угодно, и говорили: «Чего бы ты от нас ни захотел, мы рады это исполнить». Деспот, поверив их клятвам, отпустил от себя придворных и беспечно пребывал там, никого не опасаясь. А через две недели Михаил Силаджи выехал из Белграда с несколькими сотнями всадников и напал ночью на деспота, отсек ему два пальца на правой руке и взял его в

плен, а сын его Лазарь скрылся. Деспот же отвезли в Белград и там посадили в темницу, требуя, чтобы он дал сто тысяч золотых, и он вынужден был оставить в залог свою жену по имени Ирину, а сам поехал в Смедерево, чтобы собрать эту сумму. И он поклялся отдать эти деньги без промедления некоему рыцарю по имени Галван. И так Голван, имея несколько сот всадников в своем отряде, вскоре приехал в Смедерево за деньгами, которые ему немедленно были выданы. Рацы же, жалея своего господина, собрались без ведома деспота и его сына Лазаря и поехали сражаться с Галваном, и они прежде настигли его отряд, разбили его наголову, а потом убили и Галвана. Взяв деньги, они поехали прочь, и никто не знал, куда они скрылись. Король Владислав², услышав о столь неблагородном поступке Янкула, венгерского губернатора, и его шурина Михаила Силаджи, пожалел его, а также князя Цельского³, дочь которого была женой деспота. И король Владислав повелел, чтобы жена деспота была отпущена без всякого препятствия, и она была отпущена. Потом рацы просили деспота, чтобы он простил им их вину, что они взяли те деньги без его приказа, а он (деспот) был строг в таких делах. Король же Владислав с князем Цельским содействовали тому, чтобы им была прощена их вина, и они принесли всю сумму сполна и вручили ее деспоту, а он хотел послать ее королю Владиславу, но тот не захотел ее взять и сказал: «У меня нет никакого права на эти деньги»; и поэтому деспот все же послал ему в подарок пятьдесят тысяч золотых, а в ответ на это король дал ему некий замок в Венгрии.

Благодаря таким поступкам губернатора произошло много плохого: был убит князь Цельский сыном Янкула из-за того, что Янкул его опасался из-за деспота. [Убийство было совершено старшим сыном Янкула — Владиславом, братом Матиаса, и его за это король Владислав велел казнить, а сам вскоре и умер от отравы. А Матиаса король схватил и взял с собой в Чехию: и там, некоторое время находясь в заключении, он вскоре сделался королем]⁴. Замок же Смедерево и другие замки после смерти деспота и его сына Лазаря достались боснийскому королю Томашу⁵, который был женат на дочери Лазаря. Но он был очень нерешителен в обороне, так как боялся турецкого султана. Рацы же из-за непорядочности губернатора скорее готовы были Смедерево отдать туркам, а не венграм, и, если бы все делалось по доброй воле, Смедерово никогда бы не попало в руки поганных. Ведь каждый властитель скорее к себе привлечет благородной добродетелью, нежели злобой и угрозой.

Возьмите пример с королем Матиасом. Какую он благодаря своей жестокой борьбе и огромным тратам оставил о себе память? Если бы он половину тех средств, которые потратил на войну с христианами⁶, обратил на борьбу с погаными, он

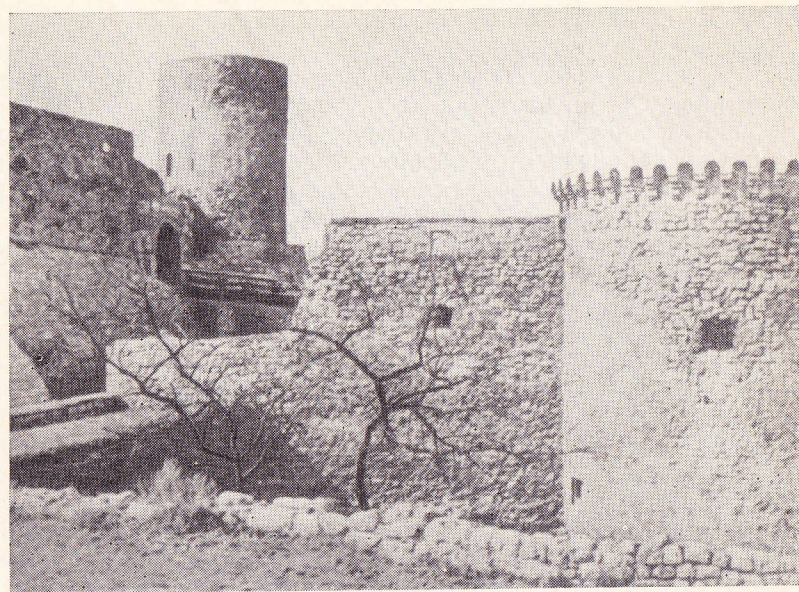

Деспот Георгий Бранкович с семьей.
Грамота Есфигменскому монастырю на Афоне.

изгнал бы турок за море и прославился бы от востока до запада, от господ бога получил бы великое воздаяние, а от людей — честь; его бы в веках помнили христиане, а поганые бы дрожали при упоминании его имени. И так ты видишь, что когда христиане ведут войну между собой, это мерзко перед господом богом, перед всеми святыми и перед людьми. И знайте, что поганые смелы и мужественны не сами по себе, а благодаря нашему несогласию и нашей ненависти [и всеобщей неприязни]⁷, и мы сами куем их победу.

ГЛАВА XXIX. КАК СУЛТАН МЕХМЕД ЗАВОЕВАЛ БЕЛГРАД¹.

Султан Мехмед, узнав о поступке, который совершил по отношению к деспоту Янкул, венгерский губернатор, увидел, какой существует разлад у христиан; собрав войско, он двинулся к Белграду и решил пехоту перевезти через Саву на другую сторону и расположить у Дуная, там укрепиться и поставить пушки, чтобы они не дали возможности венграм устремиться к замку, однако некоторые ему это отсоветовали, говоря: «Счастливей повелитель, не делай этого, ибо в этом нет нужды»². А потом подошли венгры и расположились у Дуная, и оттуда они входили в замок в таком количестве, сколько было нужно. И это была одна печаль султана по поводу того, что ему отсоветовали сделать; другая была более сильной, и была она по поводу того, что его наивысший вельможа по имени Караджа был убит следующим образом: он стоял в укрытии подле больших пушек, а пушкарь выстрелил из большой пушки в стену, и один камень, сорвавшись со стены назад, ударил по голове Караджа-пашу, наивысшего властителя после султана, и он через несколько дней умер³. Третья печаль заключалась в том, что султан хотел еще две недели разрушать стены, но Смаил-ага ему это отсоветовал, говоря, что больше в этом уже нет необходимости, полагаясь при этом на янычар, над которыми он был поставлен султаном. Послушавшись его совета, он [султан]⁴ приказал ему начать штурм, и, штурмовав, они вошли в город и там было ранено, как записано, четыреста с лишним янычар; и были там же убитые. А потом мы видели, как янычары бежали из города, а венгры по ним стреляли, убивали, засекали, и тут часть из них оставалась лежать, а остальные убежали. И таким вот образом это означает, что стены были захвачены бóльшим числом людей, чем ранее. Четвертая печаль посетила султана по поводу пушек: крепления и другие приспособления к пушкам были сложены в одну кучу, прикрытую одной соломой, и она ночью загорелась, и все сгорело без остатка, и остались одни пушки. Султан приказал оставить не-

Белградская крепость. Верхний город.

которые заставы, а сам двинулся, как если хотел бежать, для того, чтобы на эти заставы позарились те, кто находились в городе, как это и произошло; из города набросились на заставы и захватили их. Турки же, увидя, что пехота далеко отошла от города, захватывая заставы, внезапно повернули и, избивая пехоту, преследовали ее до рвов. Опасаясь, чтобы султан не припомнил ему его совета, когда султан, уже разбив пехоту, которая бросилась в атаку, отправился далее, Смаил-ага, возвратившись и желая совершить какой-нибудь подвиг, чтобы приобрести милость султана, и бросился на пехоту у рвов и там был убит. И то была самая большая досада поганым, потому что господь бог не дал им взять Белграда.

ГЛАВА XXX. КАК МЕХМЕД ОБМАНУЛ ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕМИРИЙ ДИМИТРИЯ, ДЕСПОТА МОРЕЙСКОГО ИЛИ АХАЙСКОГО.

Морея — красивая и богатая земля, вся омываемая морем, кроме одного места в три итальянские мили¹, куда море не доходит. В том месте стены не были надежны². Деспот Димитрий был родным братом греческого императора Драгаша, который

был убит в Константинополе; этот деспот уже десять лет имел с турками мир, выплачивая им дань по двадцать тысяч дука-тов³. А когда турок завоевал Радскую землю, а Белград ему сопротивлялся, он, отступив от Белграда с полным снаряжением, двинулся на деспота Димитрия Морейского⁴, и когда мы были уже недалеко от Фессалоник⁵, около одного города, который называется Серез, там нас приняли после деспота при-несшие дань султану, а он не хотел от них брать дани и им отвечать, но сейчас же отправил Махмуд-пашу и с ним — два-дцать тысяч всадников, помимо своего собственного войска, что-бы они лучше взяли стены, нежели осаждали их, и чтобы они лучше внезапно штурмовали, нежели медленно добывали их. И, послав с таким заданием этих людей, он лишь тогда отве-чал послам и всем, чтобы они поведали своему господину, что он не хочет от него дани, но сам едет к нему, и пусть он обо-роняется, как сможет⁶. Потом он прямо поехал к Морее, и прежде чем послы морейского деспота вернулись в Морею, ее стены были захвачены. И когда послы во второй раз прибы-ли с данью к султану, он ее взял и так сказал им: «Поезжайте и скажите, что вы увидели, и то, что я решил сам говорить с вашим господином, быть может, в этом году, быть может, в следующем».

Тогда султан, подступив в Морею, прежде всего велел разру-шить ее стены вплоть до основания⁷; и недалеко оттуда был один замок на горе под названием Корфу⁸, и нельзя было к замку по горе подвести пушки. И тогда (султан) приказал под-везти медь к замку к церкви св. Николая, и там было отлито четыре разрушительных пушки, и с ними он и стал завоевывать замок. Захватив его, он двинулся к Балибатру⁹, где бывал св. Андрей, а потом — к одному замку, который называется Леондар¹⁰; и туда прибыл морейский деспот с немногими люди-ми, так как он не ожидал, что будет там обманут султаном. И шесть тысяч его всадников были разбиты наголову. А потом султан двинулся к Леондару и осадил его; захватив замок, он велел всех, кто служил в нем, казнить; так же он сделал и в других замках. Оставив в них гарнизоны, он возвратился назад. И когда мы подъехали к городу, который называется Ливадия¹¹, неподалеку от Негропонта, приехали послы из Негропонта¹² к султану с дарами; отдав дары, они потом показали большое копьё, толстое, кавалерийское, а также железную палицу, гово-ря так: «Если ты, султан, сможешь совладать с этим копьём и палицей, тогда ты сможешь добыть и Негропонт». Разгневав-шись, султан отвечал им: «Возьмите же копьё и палицу и ска-жите своим господам, чтобы они их хорошо берегли. а когда будет нужно, они бы защищались этим копьём и палицей». И добавил: «Если я захвачу Негропонт, я найду это копьё с палицей и всем им перебью ноги этой палицей».

И оттуда он двинулся к Адрианополью, своей столице, и там находился всю зиму, а летом внезапно пошел к Морее на деспо-та Димитрия. И там, настигнув деспота, он стал захватывать замки, убивал людей, ломал им кости, и совершал другие же-стокости этот злой турецкий пес. А делал он это, чтобы ему люди не сопротивлялись в замках; и все же в том году не смог овладеть всей землей и должен был в третий раз пойти похо-дом на Морею, и, войдя в нее, он окружил Димитрия в одном городе, который называется Мисистра¹³. Там деспот должен был сдаться на милость туркам и только благодаря этому оста-лся жив; и султан послал его с женой и со всей челядью в Адрианополь, чтобы он его там ожидал. А сам султан рассу-нял свое войско по всей Морейской земле; занял замки и оста-вил там одного вельможу по имени Балабонач и сделал его воеводой, чтобы он управлял (этой землей). Однако же Корин-фа¹⁴ султан добыть не смог; город этот находится на морском берегу, он красив и укреплен. Потом оттуда султан поехал в Адрианополь, и, приехав туда, дал деспоту Димитрию одну хорошую область в Греческой земле, у моря, с городом, назы-ваемым Энос¹⁵, красивым и богатым. И тогда стало известно, что деспот Георгий Радский умер; и султан послал к его сыну Лазарю, говоря, чтобы он вступал в правление землей и что он не хочет ему препятствовать в этом вплоть до самой смерти. А потом мы пошли походом на одного языческого кня-зя по имени Измаилбек за море к городу, называемому Си-ноп¹⁶, и, захватив город и всю землю, принадлежащую ему, султан взял его с собой в Адрианополь и дал ему область в Болгарской земле и город Станимак¹⁷. И тогда стало извест-но, что князь Караман, о котором выше упоминалось, умер. Султан¹⁸ незамедлительно двинулся на его землю, вторгся в нее и всю ее захватил. Там-то и сказал Мехмед: «Отправился бы я захватывать султана и все его города, но боюсь прогне-вить бога обидой святых городов¹⁹ и потому должен я отка-заться от этого, ибо там есть места, где ходил господь Христос и другие пророки: Моисей, Давид, а также Мухаммед». И от-туда он поехал назад, в Адрианополь.

ГЛАВА XXXI. КАК ОН (МЕХМЕД) ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА ТРАПЕЗУНДСКОГО ЗА МОРЕ.

Трапезунд¹, как и Синоп, лежит по эту сторону Черного моря. Трапезундская земля гориста и обширна, со всех сторон она окружена погаными, все татары, такие, как Великий Хан и Узунхасан², Джанибек Гирей³; эти татарские властители предпочитали иметь соседом трапезундского императора, нежели турецкого султана, хотя он и был их поганой веры. Потому-то, двинувшись к Трапезунду, мы имели немало хлопот и неприятностей от татар и греков, ибо выше Трапезунда, недалеко от Великого Хана, лежит некая большая и многолюдная земля одного властителя, в которой царит такое согласие, что ей ничего не может сделать ни один поганый. Эта земля называется Тархигористан⁴, т. е. народная сила. Она зависит от трапезундского императора⁵, но, однако, имеет своего собственного властителя. И с большим трудом продвинулись мы к Трапезунду, не только войско, но и сам султан; во-первых, из-за далекого расстояния; во-вторых, из-за нападения людей; в третьих, из-за голода; в-четвертых, из-за высоких и больших гор; к тому же некоторые места были сырые и болотистые, и дожди шли каждый день, так что дорога была размыта, и вода была коням по брюхо. И так с огромным трудом достигли мы одной горы, уже на окраине Трапезунда, и когда мы спускались с этой горы, то дорога была испорчена и искажена. Султан сам имел сто собственных возов; зная, что из-за этих возов войско не могло сдвинуться с места, так как все эти возы увязли в болоте, он велел все их сжечь и спалить, а коней раздал каждому, кто хотел; груз же, который был на возах, весь переложили на верблюдов, ибо султан, слыша рассказы людей, боялся плохой дороги и взял с собой восемьсот верблюдов. А оттуда передвигались мы с одной горы на другую и в одном месте сгущались так, что один верблюд из нагруженных верблюдов свалился с горной дороги с сундуками, которые разбились на части и из них рассыпались все мешки, а в них были золотые монеты числом шестьдесят тысяч. Однако янычары, которые там оказались, с обнаженными саблями в руках стали их охранять, чтобы никто не взял этих денег, пока не приехал бы господин, который владеет этим сокровищем. И так из-за этого верблюда остановилось все войско, потому что никакой другой дороги не было, и в это время шел сильный дождь. Подъехав, султан стал спрашивать, почему стоит войско. Когда ему ответили, рассказав об этом случае, султан немедленно велел, чтобы золото брал каждый, кто может, лишь бы его войско не медлило. Хорошо было тем, кто там был, ибо другим довольно досталось. [Я при этом тоже был, но поздно, все золотые монеты были расхвачены, так что земля стала черной, ибо брали, кто как мог, с травой и гнилью, один вырывая у другого]⁶.

И так же, когда мы спускались вниз, мы испытывали довольно много трудностей, так как земля была склизкая, как тесто. Султана янычары отнесли на руках в низину, а нагруженные казной верблюды остались. И тогда султан попросил янычар, чтобы они взяли на себя труд и отвели верблюдов вниз, и мы должны были с большим трудом идти в гору, всю ночь возиться с верблюдами, пока их не привели. А султан в тот день остался на этом месте отдохнуть, и он дал янычарам пятьдесят тысяч золотых, чтобы они их разделили между собой, а янычарских сотников он повысил по службе: тем, которые получали раньше на день четыре золотых, он дал по золотому на два дня, что, кажется, осталось в силе и по сей день, ибо чтобы султан ни решил при своем дворе, то всегда остается неизменным.

Из этого места султан послал две тысячи всадников к Трапезунду, которые там потерпели поражение и до единого человека были перебиты, так что мы от них не могли иметь никаких вестей. Сам султан подошел со всеми своими войсками туда, где лежали тела убитых. И он окружил Трапезунд, так как полтора ста больших ладей подошло на помощь по Черному морю с большими орудиями; шесть недель он добывал Трапезунд, и это стоило очень больших средств, но он захватил его. Трапезундский же император был вынужден сдаться ему на милость победителя⁷, и он отослал его в Адрианополь, а сам углубился в Трапезундскую землю. Имея в это время так много ладей на море и большое войско при себе на суше, султан Мехмед захотел двинуться на описанного выше греческого короля. Однако, слыша об их (греков) сплоченности, оставил их в покое и поехал в Адрианополь, взяв молодежь, как юношей так и девиц. Что стало с трапезундским императором, мы сообщим потом. Когда же мы подъехали к одному городу, который называется Никсар⁸, были получены вести от Алибега, смедеревского воеводы, в них говорилось: «Мы с божьей помощью победили гяуров и пленили Михаила Силаджи»⁹. Султан немедленно приказал, чтобы Михаил Силаджи был заключен в Константинополь вплоть до его приезда. Потом, когда он приехал, он приказал казнить Алибега; неизвестно, по какой причине султан был разгневан на него так, что приказал его обезглавить, но так как он победил христиан, султан сменил гнев на милость, которой он (Алибег) пользовался и ранее.

ГЛАВА XXXII. КАК УЗУНХАСАН УЕХАЛ ОТ МЕХМЕДА ЧЕРЕЗ ЕВФРАТ.

Узунхасан был татарским властителем, в землю которого вторгся турецкий султан: выехав из города Брусы, он расположился на поле, называемом Петнозалан. Узунхасан же отправил одного татарина, своего слугу, для того, чтобы он причинил турецкому султану какую-нибудь неприятность. И тогда этот татарин притворился слугой Мехмет-паши, наивысшего после султана властителя. И когда мы стояли на этом поле, вечером Мехмет-паша с двумя слугами вышел из своего лагеря на прогулку, а этот татарин поджидал его с луком и стрелами в руках и, дождавшись его, выстрелил, но или от страха, или от робости, неудачно, и ранил Мехмет-пашу под лбом, между глаз: и тот тут же упал, а слуги с криком побежали за ним и схватили его, а утром на следующий день рассказали султану, что случилось с Мехмет-пашой. Султан сам приехал к нему и ему до слез было его жаль. И потом он велел привести к себе того связанного татарина и положил его навзничь на землю и велел принести себе 2 толстых восковых свечи, а когда они сильно разгорелись, султан наступил ему на грудь одной ногой, а свечи повернул вниз, чтобы воск с пламенем капал ему на глаза так долго, пока они не выпали. Потом он приказал палачу, чтобы тот выдрал у него две полосы кожи по всей спине вплоть до плеч; и целую неделю он был жив; и ему каждый придумывал другие мучения и оставили его лежать на дороге, пока его не съели собаки.

Потом султан собрался и двинулся прямо на землю Узанхасана, а Мехмет-пашу должны были носить пешим образом, пока он не поправится. Достигнув этой земли, султан захватил некоторые замки, а затем мы подошли к одному замку, сильно укрепленному, который они называют Карахисар, т. е. Черный Город¹. И оттуда мы все время гонялись за Узунхасаном, но он нигде не хотел принимать боя, и мы подошли к Евфрату; а это река большая и широкая, наподобие Дуная, течет она на север и впадает в Черное море, как и Евфрат².

Видя, что он не может с ним сразиться, султан направил к нему одного шута, которого он хорошо знал; и тот притворился, что он убежал от султана, а сам султан сделал вид, что собирается с войском спастись бегством. Этот шут переправился через Евфрат и попал к Узунхасану, который его стал расспрашивать, что это предпринял сын Оттоманов. И тот отвечал ему: «Счастливый повелитель, он не задумал ничего иного, как бегство, чтобы с твоей земли уехать прочь, так как гяуры с большой силой вторглись в его землю; и если бы ты хотел покончить с ним, то сейчас для этого самое время, пока он не доехал до гор». Узунхасан, полагая, что все так и есть, отправил вперед одного своего сына по имени Мустафа, а сам вслед

за ним двинулся со всем своим войском. Когда же султан услышал, что он идет за ним, он повернулся против него. Одноглазый Мустафа начал с ним биться, пока не подошел Узунхасан, и после этого бились они два дня, пока Узунхасан не одержал победу. Мустафа был там убит, вся султанская кавалерия была наголову разгромлена, и если бы не янычары, был бы убит сам султан. Узунхасан, обратившись к своему войску, сказал ему: «Я не знал, что турецкий султан, сын Оттоманов, так слаб против меня конного, хотя когда мы пешие, он сильнее нас, и особенно у гор». И затем, повернувшись, он поехал в свою землю, а турецкий султан в свою.

Когда же мы достигли одной горы, называемой Каги, султан расположился там на целый день, и с той горы была видна другая очень высокая гора, которую называют Бабил³, а под горой находится большой город Вавилония, в котором есть огромная и высокая башня, но она сломалась на три части. Одна из них стоит, а две лежат с западной стороны; люди в этой земле рассказывают, что эти два куса означают, что два века этого света миновали, а третий, стоящий, означает последний век. И от этого города течет Евфрат.

С этой горы султан отправился к одному острову на Черном море, ниже Синопа, а на этом острове есть город Мисистра, подвластный ему. Осадив его, он вновь его подчинил, но пришел на поле перед поганским городом, называемым Агора⁴. И, остановившись на этом поле, он устроил смотр своей придворной пехоте, т. е. янычарам, и он был доволен, что оно шло так стройно, и сказал: «Если бы я мог иметь десять тысяч янычаров, я много бы отдал за них». И один солдат из числа этой пехоты, которая наиболее приближена к султану, стоя около него, сказал: «Счастливый повелитель, не десять тысяч, а двадцать тысяч надлежит вам иметь». Султан залез в карман, где он всегда имел при себе золото, и дал ему сто золотых за эти слова. А оттуда он поехал к Брусе и, переправившись у поля через море, он приехал в свою столицу Адрианополь.

ГЛАВА XXXIII. О ВАЛАШСКОМ ВОЕВОДЕ, ГОСПОДИНЕ НИЖНЕЙ МОЛДАВИИ.

Дракула¹, валашский воевода, имел двух сыновей: старшего, по имени Влад², и младшего — Радул³. Обоих их он отдал служить ко двору султана Мехмеда; а потом он (Дракула) умер. Услышав о его смерти, султан тут же одарил старшего сына Дракулы деньгами, конями, одеждами, великолепными шатрами, которые подобает иметь господарю, и как можно скорее отправил его в Валашскую землю, чтобы он правил вместо своего отца, но с тем, чтобы он каждый год к нему приезжал,

показывался ему и платил дань, как это было и раньше. Младшего же его брата он оставил при своем дворе.

Этот Влад два раза, один за другим, приезжал к султанскому двору, но по истечении нескольких лет не захотел более приезжать, и султан послал за ним одного вельможу, имя которого было Хамзабек. И когда тот приезжал к нему и достиг города, который называют Браила⁴, он не захотел ему показаться и приказал слугам, чтобы они задержали султанского посла, пока он не придет. Отъехав, он собрал войско⁵. А это была зима, и Дунай замерз. Переехав через Дунай по льду в землю султана со всем войском ниже Никополя⁶, он отпустил своих людей, чтобы они брали в плен и убивали турок, как и христиан, по селам, по городкам, и этим он причинил большой вред султану. И всем, как мертвым, так и живым, он велел отрезать носы. И он послал их в Венгрию, похваляясь, что он столько турок перебил, сколько было этих носов. Потом он приехал в Браилу, к султанскому послу, а посол ни о чем не знал, что случилось; и тогда он велел схватить посла со всеми его слугами, которых было сорок, и сослал их в одну крепость, весьма мощную, стоящую среди вод и называемую Куриста⁷. Но прежде всего он велел посадить на кол султанского посла и рядом с ним всех его слуг⁸.

Потом турецкому султану стало известно, что сделал Дракула, ибо по отцу его так же называли⁹. И тогда султан послал за его братом, чтобы он приезжал ко двору, и два высших вельмож из султанского дивана, один по имени или по прозвищу Махмуд-Кеша, а другой — Исак-Кеша, отправились к нему и, держа его с двух сторон, повели к султану туда, где султан сидел на своем престоле. А когда он пришел, султан поднялся, взял его за руку и посадил подле себя на другом, немного более низком престоле по правой стороне от себя и приказал принести синее одеяние из парчи и надеть на него, потом он приказал принести красную хоругвь и отдал ее ему, а к тому же золото, коней, шатры, какие подобают господарю, и тут же отправил с ним четыре тысячи коней вперед к Никополю, чтобы он его там ожидал, и сам, не мешкая, двинулся вслед за ним.

Когда же мы были в Никополе, на берегу Дуная, а с другой стороны стоял воевода Дракула с войском и оборонял перевоз, султан так сказал янычарам: «Мои милые овечки, что мое, то ваше, и прежде всего — мои сокровища; дайте мне совет, ведь от вас зависит, переправлюсь ли я на ту сторону и выступлю ли против моего неприятеля». И они ему отвечали: «Счастливый повелитель, вели приготовить лодки, а мы ночью сложим свои головы, но переправимся на ту сторону». Тогда султан велел дать им восемнадцать больших снаряженных лодок и других приспособлений: пушек, ружей, больших и малых пищалей. А когда наступила ночь, мы сели в лодки и быстро поплыли по воде вниз так, что звуков от весел и людей не

Скандербег.

Гравюра из «Хроники всего света» Мартина Бельского. Краков, 1564

было слышно. И мы приехали на ту сторону на один гон ниже того места, где расположилось их войско, и тут мы окопались, поставив орудия и прикрыв их вокруг большими щитами; около себя мы поставили дреколья для того, чтобы с нами ничего не могли сделать всадники. Потом лодки поехали на ту сторону, и все янычары переправились к нам.

Затем мы, будучи наизготове, двинулись постепенно к войску с пиками, щитами и орудиями, а когда мы к нему приблизились, то остановились и укрепили орудия, а враги тем временем перебили у нас без пушек двести пятьдесят янычар. А султан, видя, как на той стороне разворачивается битва, страшно жалел, что не может помочь со своим войском, и на него напал сильный страх. Потом, видя, что наши ряды так быстро редеют, мы стремительно вмешались в это дело, и, имея двадцать малых пушек, мы внезапно стали палить, так что все войско

их отогнали с поля, а сами потом устроили смотр и пополнили недостающее снаряжение. Султан пустил в бой другую часть пехоты, которая называется азапы, то, что у нас пешие солдаты, и велел им быстрее переправиться к нам. Дракула же, видя, что он не может оборонить перевоз, отошел от нас прочь¹⁰. А потом и султан переправился со всей своей силой и дал нам тут же тридцать тысяч золотых, чтобы мы разделили их между собой, и, кроме того, всех тех янычар, которые не были свободными, освободил, чтобы они оставили после смерти свое имущество, кому хотели¹¹.

А оттуда мы пошли к Валашской земле вслед за Дракулой, а его брат — перед нами; и хотя валашский воевода имел небольшое войско, на нас нашел страх, и мы очень его остерегались, каждую ночь опоясывая лагерь копьями, однако от пеших воинов мы не убереглись; они на нас напали ночью и перебили; перерезали людей, коней, верблюдов, грабили шатры; они перебили несколько тысяч турок и принесли султану большой вред, а другие турки убегали от них к янычарам, но янычары их от себя отгоняли, убивали, чтобы не быть перебитыми ими. А потом турки привели несколько сот волохов, которых султан приказал обезглавить в поле. Волохи же, видя, что дела идут плохо, отступили от Дракулы и присоединились к его брату¹². А он (Дракула) поехал в Венгрию, к королю Матиасу, но Матиас велел его бросить в тюрьму в наказание за его жестокие поступки, которые он совершал¹³. Султан же, поручив страну его брату, поехал прочь; потом турки стали рассказывать султану, какие тяжелые битвы произошли в Валахии и что там погибло много турок, и что это надо как следует обдумать. Султан же Мехмед отвечал: «Пока волохи владеют Килией и Белгородом, а венгры — Белградом Рацким, нам их не победить».

Приехав в Адрианополь, султан сразу же пошел на Калиполь¹⁴, взяв с собой янычар, а там сел на военные суда, которые называются мауны¹⁵, галеи¹⁶, галаче¹⁷, берганты¹⁸ и разные другие. Взял он также с собой разрушительные пушки и приспособления, стреляющие вверх и мечущие камни на города, и он поехал на остров Митилен¹⁹, туда, где св. Павла чуть не укусила змея²⁰. А он для того так быстро приехал туда, чтобы застигнуть господаря на Митилене, пока он не стянет туда людей. Прибыв туда, он стремительно окружил город и стал осаждать его с помощью пушек и метательных орудий с большими трудностями, но и упорством до тех пор, пока не захватил его, а сделал он это благодаря договору о сдаче, которого не сдержал, так как всех слуг, которые там были, он велел казнить, как и самого властителя.

Взяв все города и осадив все замки, он пошел в Адрианополь, а когда он приехал туда, он послал посольство к королю Матиасу в Венгрию, когда Матиас еще не был коронован, что-

бы с ним заключить перемирие, потому (что) боялся более всего опасности с этой стороны. Когда же перемирие было заключено, он повернул на арбанасского князя²¹ и захватывал города один за другим очень легко, потому что пока один город хлопал глазами, они захватывали другой.

Один только воевода сопротивлялся ему; и было ему имя Скиндер Иванович²²; он был взят юношей в янычары при султани Мураде, и все султанские дела он изучил, чтобы он мог вернуться на свою землю, пользуясь султанской милостью. И султан сказал ему тогда: «Скиндер, попроси у меня какое угодно воеводство, и я дам тебе его». И он попросил, чтобы он дал ему Иванову землю²³, не сказав, что он был сыном Ивана. И султан дал ему эту землю и, кроме того, укрепления, но потом он вывел янычар, которые были в этих укреплениях, очистил их, и сам занял их²⁴. Потом султан Мурад добывал их у него, но ничего не мог ему сделать. Так же и сын Мурада Мехмед должен был оставить его в своем княжестве до самой смерти, ибо тому легко сопротивляться туркам, кто знает расположение их укреплений. И Мехмед, захватив всю Арбанасскую землю, за исключением земли Скандербега, вернулся в Адрианополь, а там его ожидали послы от боснийского короля Томаша, прося мира.

ГЛАВА XXXIV. О МИРЕ С БОСНИЙСКИМ КОРОЛЕМ.

В то время король Томаш¹ стремился заключить с султаном Мехмедом мир на пятнадцать лет, и поэтому султан послал за людьми, чтобы все были наизготове и пришли в Адрианополь, но про это никто не знал, куда потом он должен отправиться с этим народом. Боснийские же послы должны были ждать ответа, не зная, что происходит, и так долго, пока все войско не было готово.

Случайно мне довелось быть в одном подвале, в котором находилась дворцовая казна, причем охранять этот подвал было поручено моему младшему брату и не велено было от него отходить. И ему было так скучно, что он послал за мной, чтобы я к нему пришел, и я тут же пошел к нему. И сейчас же вслед за мной туда отправились два члена султанского дивана Мехмет-паша и Исак-паша, и они вдвоем пришли в этот подвал. И, примчавшись ко мне, брат мой сказал мне об этом, и я ничего не мог сделать, чтобы меня не увидели, иначе как спрятаться среди сундуков, а когда они подошли, брат положил на меня ковер. Сели они рядом и стали говорить о том, что касается боснийского короля. Мехмет-паша сказал: «Что нам делать? Какой ответ мы дадим боснийскому королю?». Исак-паша отвечал: «Никакой иной, как заключим с ним мир, а сами движемся на них, потому что иначе мы не сможем захватить Бос-

нийскую землю, ибо эта земля гориста, и к тому же к ней придут на помощь венгерский король, хорваты и другие государи и поддержат ее, так что мы ничего не в состоянии будем сделать. И поэтому заключим с ними (послами) мир с тем, чтобы они могли выехать в субботу. А мы двинемся на них в среду к Ситнице², что недалеко от Боснии. И никто не узнает, куда султан намеревается повернуть». И так они посовещались и пошли к султану, а я тоже вышел вслед за ними.

Назавтра утром им (послам) было объявлено, что мир на пятнадцать лет будет соблюдаться точно и добросовестно. Я на следующий день в пятницу пошел на их постоянный двор и сказал им: «Милые господа, заключили вы с султаном мир или не заключили?». Они отвечали: «Благодарение богу, мы получили все, чего хотели». А я им сказал: «Поистине говорю, никакого мира у вас нет». Старший хотел от меня еще больше дознаться, но ему не дал младший, полагая, что я шучу. И я спросил у них: «Когда вы отсюда поедете?». Они ответили: «Бог даст, утром в субботу». А я им сказал: «А мы вслед за вами, бог даст, в среду и доедем вплоть до Боснии. И это я вам точно говорю, чтобы вы это помнили». И я отошел от них.

В том же разговоре между этими пашами было решено еще одно: султан двинется из Адрианополя, чтобы трапезундский император вскоре же был казнен. И в скором времени произошло следующее: мы выехали в среду, а император был казнен в пятницу. Мы же дошли до Боснии, и подъехали мы к некоей земле боснийского князя по имени Ковачевич³, а когда на него напали, он тут же подчинился султану, и султан потом велел его казнить. А потом султан пошел на королевскую землю и прежде всего осадил замок Бобовац⁴. Пушек с собой у султана не было, и он приказал отлить их под замком и захватил замок с помощью этих пушек. Послы же, которые ездили заключать перемирие, говорили со мной, вспоминая, что было раньше, но было уже поздно.

После того как султан занял замок, мы двинулись к Яйце⁵. Султан послал впереди для быстроты Мехмет-пашу с двадцатью тысячами коней, чтобы они могли застигнуть короля Томаша в каком-нибудь замке; они слышали, что король не имел при себе никаких слуг. Король же, уже зная о турках, старался, бедняга, раздобыть побыстрее людей. Он выбрал замок Ключ⁶, намереваясь там немного отдохнуть после полудня. Турки немедленно примчались к этому замку и стали ездить около него, не зная, что в нем находился король Томаш, но один предатель, убежав из замка из-за калача, рассказал туркам, что король в замке. Мехмет-паша, услышав об этом, окружил замок, а на следующий день короля уговорили выйти из замка вниз, поклявшись на молитвенниках, что его жизнь будет в неприкосновенности. Затем султан Мехмед приехал к Яйце и к нему был приведен король [вместе со своим дру-

Крепость Бобовац

гом]⁷. Слуги же, которые были в замке, видя, что их властитель пленен, сдались туркам. И, ворвавшись в замок, султан велел короля и его приятеля казнить, а потом захватил всю его землю.

Заняв замок, он направился к своей столице, а меня оставил там, в одном из замков, называемом Звечай⁸, неподалеку от Яйце, и дал мне пятьдесят янычар для того, чтобы занять замок, и дал плату на полгода для каждого; и, кроме того, у меня было тридцать турок на подмогу. Когда же султан выехал из этой земли⁹, король Матиас, не мешкая, осенью двинулся на Боснию и осадил Яйце и Звечай, в котором я находился. И боснийцы, которые сдались туркам и с турками жили в замке и в городе, собрались в одной башне, на которой был вывешен турецкий флаг. Объединившись, они сбросили знамя вниз и перебили турок. Видя это, венгры подошли быстро и смело к этой башне, вошли в город и заняли его. Турки же убежали в замок и скрылись в нем.

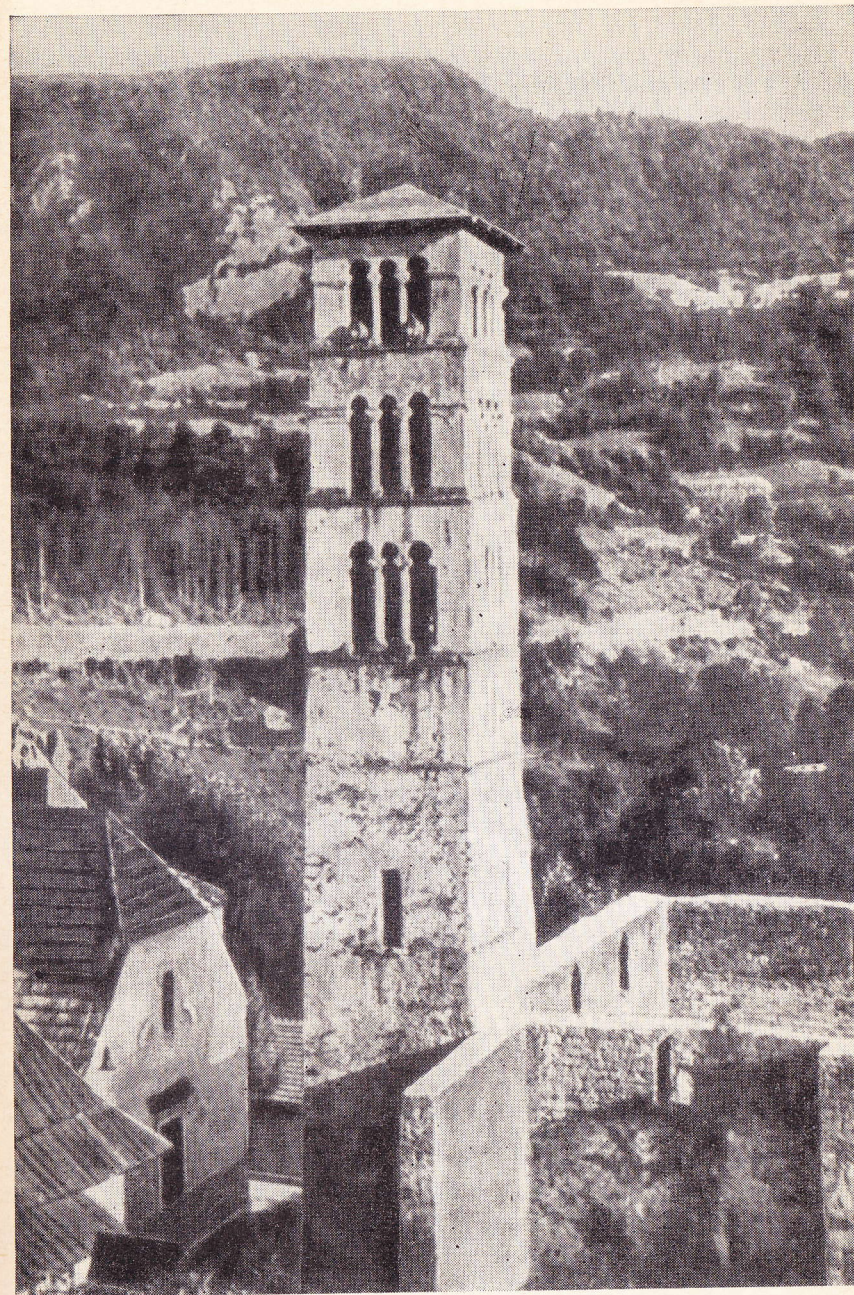
А король Матиас восемь недель находился там, стараясь их захватить, а второе войско с пушками он послал к Звечаю, осадив его. Стены этого замка весьма плохие и поэтому разрушились, так что мы постоянно работали ночью, чтобы их починить. И это продолжалось до тех пор, пока замок не был взят¹⁰. И когда Матиас взял его, по условиям сдачи он отступил от крепости к своим в городе, а мы вынуждены были сдать-ся. И, таким образом, сколько турок ни было в Яйце и Звечая, в Турцию вернулось мало, ибо Матиас хотел, чтобы они остались при нем. А я благодарил бога, что с честью вернулся к христианам.

Тогда, когда Матиас взял Яйце и Звечай, в Боснии владывал некий воевода Мухаммед Мумиятович, а его наместником в Яйце (был) его слуга по имени Юсуф Гарамипаша, и он остался у короля Матиаса вместе со мной и с другими турками.

ГЛАВА XXXV. КАК ЧЕРЕЗ ГОД МЕХМЕД ВНОВЬ ПРИЕХАЛ В БОСНИЮ.

Султан Мехмед, услышав, что происходит в Боснии, через год появился, стал захватывать замки, но так как он не имел пушек, то послал за ними, и, стреляя из них, разрушил все стены Яйце, а потом стал его штурмовать, пока султанское знамя не оказалось на стене; но тут один детина из замка стал биться с янычаром из-за знамени. И так они за него ухватились, что оба упали вниз и разбились¹.

Видя их мужество и то, как замок и город оборонялись, султан приказал немедленно отвезти пушки к водопаду, называемому Вербаб, поблизости от города, и велел их ставить туда,

Крепость Яйце

где вода падает со скалы, так чтобы их никто не мог достать, и оттуда он пошел прочь и больше ни на что не покушался. Но, идя в свою землю, он, однако, захватил одного боснийского князя². Король Матиас, услышав о захвате Боснии, выступил ей на помощь против султана, но, услышав, что тот отошел, вернулся назад. И, таким образом, Яйце осталось незанятым.

Потом Мехмед захватил Негропонт и спросил о железном жезле, а когда его не нашел, велел им отсечь ноги, чтобы в полной мере выполнить свое обещание [которое он никогда не выполнял, ибо он был обманщиком и мало заботился о присяге и честности]³.

ГЛАВА XXXVI. О МНОГОЧИСЛЕННОСТИ ТУРЕЦКИХ СОКРОВИЩ И КАК СУЛТАН ВЕЛЕЛ ИХ ПОДСЧИТАТЬ.

После этих сражений султан Мехмед велел подсчитать все свои сокровища и все, что он накопил, чтобы ему знать, сколько тысяч людей и в течение скольких лет он мог бы содержать на эти деньги, не получая никакой помощи ни от своей страны, ни от доходов. Титрек-и-Синан, согласно султанскому приказу, за четыре недели все пересчитал и доложил султану, говоря: «Счастливым повелителем, ты можешь содержать в течение десяти лет 400.000 и оплатить им подковы и гвозди, т. е. все службы и расходы». А султан и не думал, чтобы ежегодно он мог содержать так много людей и в течение десяти лет, каждый год по сорок тысяч, так что всего их было четыреста тысяч. И тогда султан сказал: «Я еще не властитель, так как те земли, которыми я обладаю, все чужие», имея в виду те земли, которые насильственно захватил у христиан по ту сторону моря.

В это время прошел слух, что папа со всеми христианами выступил против турок⁴. Султан, опасаясь, чтобы все христианские земли, которые он захватил, не поднялись против него, послал за главными вельможами в своей земле, чтобы они приехали к нему, и, держа с ними совет, говорил: «Мы слышали, что гяуры хотят на нас выступить с большой силой; что вы на это скажете? Как вы считаете, что я должен сделать, если могу содержать в течение десяти лет четыреста тысяч человек?». Они ответили ему: «Счастливым повелителем, имея столь много людей, выступи против них на их земле. Лучше выступить им навстречу, чем ожидать их дома». Султан велел принести большой ковер и расстелить его, по середине положил яблоко и загадал им такую загадку: «Может ли кто-нибудь из вас взять это яблоко, не вступая на ковер?». И они рассуждали между собой, думая, как взять это яблоко, не вступая на ковер, и как это может быть. И никто из них не постиг этой шутки. И султан, сам подойдя к коврику, взял обеими руками край ковра и

скачивал его перед собой и шел за ним, пока не достиг яблока, а затем раскатал ковер, как он и был, и сказал вельможам: «Лучше гяуров теснить понемногу, нежели углубляться в их землю, так как это было бы небезопасно. Ибо если бы нам там в малом не повезло, то все земли восстали бы против нас». И сказал один вельможа по имени Эзбек Авранезович: «Счастливым повелителем, давно говорят об этом римском попе, что он намеревается со всеми христианами напасть на нас. Если бы он даже ехал на свинье, он давно был бы у нас. И поэтому, что вы начали делать, то и продолжайте, не обращая внимания на вести от гяуров». И все его речь и притчу султана похвалили.

А затем султан позвал одного грека, христианина, к которому он был милостив, по имени рыцарь Фома и сказал ему: «Что вы думаете о вашем римском папе?». И тот отвечал: «Счастливым повелителем, мы считаем, что до того самого папы, которого звали Формоз², все папы были святые, но после него ни один не был». И султан сказал: «Все вы заблуждаетесь, и потому, Фома, прими веру Мухаммеда, ибо она более истинная, чем ваша». Фома на это промолчал; а происходило это в Адрианополе, на новом султанском дворе³. Султан Мехмед, одарив вельмож, отпустил их по домам.

Из этого вы можете видеть, что турецкий султан весьма опасен, и турки очень боятся, чтобы христиане не выступили против них и не вторглись в их землю, ибо если бы это увидели те христиане, которые находятся у них под игом, они бы все, соединившись, восстали против них, о чем (я) многократно слышал и о чем мы просим у господ бога. Потом султан Мехмед умер и был погребен в Константинополе, и после него остались два сына, один по имени Джем-Султан, а другой Баязид.

ГЛАВА XXXVII. КАК ДВА БРАТА ПОСЛЕ ОТЦОВСКОЙ СМЕРТИ БОРОЛИСЬ МЕЖДУ СОБОЙ.

Сыновья султана Мехмеда Джем-Султан и Баязид вели между собой борьбу за империю в течение нескольких лет. Джем-Султан был изгнан из страны, а Баязид стал султаном; он правит и поныне¹. Он ни с кем не начинал никакой войны, потому что не имел, с кем воевать, поскольку его отец подчинил себе все христианство в этих землях, кроме Венгерского и Польского королевств. Правда, он завоевал Кафу² на той стороне Черного моря, а в Валацкой земле — Килию и Белгород³.

У турок есть такой обычай: когда после султана останутся (наследниками) два брата и ведут между собой борьбу, то тот из них, который первым займет с янычарами двор, тот и полу-

часть власть в империи; однако ни одному из них не дают казны, пока один из них не сядет на престол, и одна из частей этой казны хранится в пяти милях от Константинополя в замке Енихисар, как бы в Новом городе. Если же кто-либо из братьев захотел из казны кое-что взять, они никому из них не дадут, а замок этот надежный и укрепленный, как от неприятелей. И каждому из них, кто хотел бы взять средства из казны, они говорят: «Счастливый господин, пока вы между собой ведете борьбу, никому ничего выдано не будет». Но когда кто-либо из них сядет на султанском престоле, тогда тот, кому доверен замок, взяв ключ от замка и от всей казны, принесет его султану. И султан, одарив его, тут же вновь поручает ему ключ, чтобы он поступал так же, как и до этого, и как издавна было заведено.

ГЛАВА XXXVIII. ОБ УПРАВЛЕНИИ, КОТОРОЕ СУЩЕСТВУЕТ В ТУРЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ.

Порядок и управление в Турецкой земле прежде всего зиждется на том, что султан все замки во всех своих землях, заняв их янычарами или своими воспитанниками, крепко держит в своей руке, никакого замка ни одному из вельмож не отдавая; и тот город, который имеет укрепление и замок в нем, султан, заняв своими людьми¹, также держит сам. А тех янычар, которые находятся в замке, он снабжает сам, чтобы они на случай осады не имели нужды, но ни вина, никакого напитка в замке не бывает. А в другое время, когда нет осады, каждый кормится от своей службы. Жалованье они получают от двора каждую четверть года без задержек, а одежду им дают один раз в год. А управление в крепости таково: существует один человек, который владеет всеми и которого зовут диздар², наподобие бурграфа; следующее за ним должностное лицо они называют чехай³, вроде маршалка, а за ним булюк-паша, как десятичники⁴; чем больше крепость, тем больше в ней служащих, и они не имеют никаких других доходов, кроме службы. Диздары получают каждый день ползолотого, а чехай — на четыре дня золотой, десятичники — на восемь дней золотой, а остальные — на десять дней золотой, и из того они кормятся, а султанских складов не трогают, за исключением периода осады. Сами они должны тщательно нести ночную службу, и у ворот всегда должно быть двое, и чтобы ворота всегда были закрыты, кроме места для выхода, кто бы ни шел вниз или вверх без ответа (на окрик), того они не пускают. А если бывает какая-то неотложная потребность, чтобы воевода въехал в замок, проверить нет ли в нем какого-либо недостатка, то он не может приехать с многими лицами, а только если с ним четыре или пять человек.

И так они снабжают султанские замки, а также и все ту-

рецкое государство от наивысшего человека до самого незначительного, будь то богатый или бедный, каждый смотрит на руку султана, а султан всех обеспечивает в соответствии с его достоинством и заслугами. И, таким образом, ни один господин не имеет ничего наследственного. Впрочем, некоторые большие вельможи имеют свои наследственные владения, но таких немного и поэтому, если бы султан отнял имение, они бы могли при себе задержать свою челядь и держать ее до распоряжения султана, ибо султан возьмет у одного, когда захочет, и даст другому; тот, у которого он возьмет, идет ко двору и живет при дворе год или два. Султан же может снова взять у одного и дать другому⁵. А таких, у которых забирают (имущество) и отдают другим, бывает при дворе около двухсот и называют их мазул. И султан помогает им деньгами, и они имеют в своей среде обычай, чтобы никогда ничего не добиваться, и говорят друг другу: «Поддай, господь бог, здоровье султану, и он даст мне другое (имение), еще лучше». А причины, по которым имение у одних берут, а другим отдают, заключаются в том, что кто-то чинит бедному несправедливость, и как только султан об этом узнает, он берет имение у одного и дает другому; другая причина состоит в нерадивости несения султанской службы, ибо для каждого установлено, кто и как обязан служить.

Есть еще обычай у турок: если кто имеет сыновей и они достаточно взрослые, он берет их с собой на войну и посылает их к султанскому двору. И султан дает каждому из них столько, сколько имеет их отец, и даже больше, и ни у кого без причины он ничего не отнимает. И собственной заботой султана является то, что каждый год он высылает со своего двора четырех вельмож в четыре конца своей земли, чтобы они следили, происходят ли обиды кому-либо из бедных от их господ. И эти вельможи имеют право карать смертной казнью и конфискацией имущества по заслугам. И этих посылаемых вельмож называют хайфсоруджи, т. е. расследующие насилия. И когда они приезжают в свои области, они велят спрашивать по городам, чтобы, кто испытывает несправедливости, шли к ним. И, рассмотрев все дела, они едут на султанский двор и получают вознаграждение⁶.

И еще существует обычай: если бы придворный султана ехал или шел по своим делам, а случилось бы так, что он каким-то образом был убит, тогда тот, кто его убил, если бы был пойман, беспощадно подвергается смертной казни, а та вся область, где это произошло, немедленно должна внести две тысячи в султанскую казну, а так делается из-за того, что они это допустили. А знатные вельможи так боятся султана, что если бы самый последний придворный султана кому-либо что-то приказал, он сейчас же это должен сделать под страхом гнева султана. И султанским придворным, куда бы они ни приехали, всегда оказывают честь в селах и городах и кормят их.

ГЛАВА XXXIX. ОБ УПРАВЛЕНИИ СУЛТАНСКИМ ДВОРОМ.

При турецком дворе существует такое управление, что султанский совет является наивысшим и наиглавнейшим над всеми. И что члены совета решат, то и происходит. Турки его называют везирлер или пашалар, а советников в нем два. Султан делает так, чтобы не иметь для себя забот в Большом совете, не зная, кого прежде слушать и какое принять решение. И при дворе существует такой обычай, согласно которому никакой паша и никакой советник ничего нового не устанавливает, чтобы не колебать порядка правления двора, но как издавна осуществлялось правление, того и придерживаться, и тому следовать. Султанский совет никогда не вершит дела при султанах, но только вдали от него и только вдвоем в одном помещении или если в поле, то тогда в поставленном шатре, который называют танишик чадиры, т. е. шатер совета. Другой же большой шатер стоит там, где султан находится в поле, и они называют шепира. Призвав туда к себе знакомых людей, они каждого спрашивают, где что происходит и, выслушав все, записывают, что кто сказал им. Потом вдвоем они это разбирают и что найдут лучшим и достойным, то докладывают султану. И только после того, как султан сам рассудит об этом и посоветуется с ними, на чем остановиться, они, полностью договорившись, уходят от султана, давая распоряжение, о чем необходимо, и султан это подтверждает печатью.

Если когда-либо они вторгнутся в какую-либо землю и захватят пленных, то султанский писарь идет вслед за ними, и сколько есть мальчиков, всех их он берет в янычары и за каждого дает пять золотых, а их посылает за море. Таких мальчиков бывает около двух тысяч. И если ему не досталось пленников от неприятелей, тогда он в своей земле у тех христиан, которые имеют юношей, берет их в каждой деревне, определив, какая деревня может дать больше, но так, чтобы общее число было набрано сполна. А те юноши, которых он взял в своей земле, называют чилик, и после своей смерти каждый из них может отдать все свое состояние, кому захочет. Те же, которых он берет у врагов, называются пенджик, и они после своей смерти ничего не могут завещать, но все их имущество идет султану, а если кто выслужится и будет освобожден, то он может оставить (имущество) после своей смерти, кому захочет. А на тех юношей, которые находятся за морем, султан не налагает никаких обязанностей, но те, кому они поручены, должны их оберегать и потом отвезти, куда будет приказано. Затем их сажают в лодки, пригодные для этого, и возят на них и обучают боевым действиям. С этого момента о них уже заботится султан и дает им плату. Тогда он выберет из их числа людей к своему двору, которые уже выучены, и поручает им более ответствен-

ную службу. Младший должен служить старшему, а которые уже вырастают, тем он поручает гарнизоны городов, о чем уже написано.

А при дворе янычар бывает около четырех тысяч, и у них заведен такой порядок: они имеют над собой гетмана, которого называют ага — великий господин; он получает плату десять золотых в день, а его маршалок — золотой каждый день; сотникам дают на два дня золотой, и низшим чинам — на десять дней золотой. Их сыновья, когда они вырастают из детского возраста, также получают службу от султана. Ни один придворный, если он в чем-нибудь провинится, не наказывается понижением по службе, но только смертной казнью. И однако же они никого не казнят открыто, но только втайне от других придворных с тем, чтобы они не возмутились. Ни один янычар, ни их десятник не смеет ездить на коне, за исключением самого гетмана и его маршалка. У них там же установлено следующее: существуют стрельцы, которые стреляют из луков; иные из них — пушкари, одни из которых стреляют из мушкетов, а другие из самострелов; и каждый день они должны демонстрировать стрельбу перед своими гетманами. И каждому из них дают ежегодно по золотому на лук, и к тому же хазуку¹, рубашку и большие штаны по их обычаю, сделанные из трех локтей полотна, а рубашка — из восьми.

У султана также при его дворе есть шестьсот конных татар, которые имеют над собой двух гетманов; они называются гариблар субашлати, у каждого из них под началом находятся триста человек. А они называются гариб игитлер, т. е. сироты на службе. Их гетманам полагается по два золотых на день, другим начальникам — по полтора, иным — по золотому, а иным — по половине, вплоть до орты; и кроме этих сирот, к султанскому двору никого иного не принимают, потому что все они являются воспитанниками двора. И из этих воспитанников выбирают шестьдесят лучших юношей в одну роту, которую называют солак, а ее гетмана — солак-паша; за свою службу он получает по золотому в день; перед султаном они ходят с луками. Другая дворцовая рота привратников — шестьсот человек, с двумя гетманами над ними, которые называются капиджи башлары, и каждый имеет под собой сто человек. Они ездят на конях. Их гетманы получают каждый день плату по два золотых, а иные на шесть дней — золотой. Третья дворцовая рота высшего разряда комплектуется из тех же воспитанников, и они также ездят на конях. Их шестьсот человек, и они имеют над собой двух гетманов, которые называются *Влазфади Ваззлаз*, каждый из которых имеет под своим началом триста человек. Они получают плату в полтора золотого ежедневно, а иные на четыре дня — золотой; эта рота называется встлафадир. Четвертая рота еще более высокого разряда, называется сулахдар и насчитывает триста человек; их командир называется сулахдар-

паша; он получает каждый день по три золотых, а другие — по золотому, по полтора, по два. Их работа заключается в том, чтобы вести под султаном коня, когда в этом есть необходимость; иному достанется один раз в год или в полтора года раз вести его. Пятая рота наивысшего разряда называется спахи огланы, т. е. государевы сыновья; и они ездят на конях как господа, их насчитывается триста; их гетмана называют спахилар супаша; он имеет по пять золотых на каждый день, а иные — по два и по полтора, в зависимости от службы; и они имеют такую обязанность, что должны, опоясавшись саблей и луком со стрелами, сопровождать султана туда, куда он укажет. Такую службу достается нести раз в год; и конница, и сироты, и все вместе обязаны ночью лежать около султана и ночевать молча и оставаться каждый на своем месте, несмотря на дождь или снег, или холод; каждую ночь их бывает пятьдесят, и иногда и сто, если в этом есть необходимость. Никто не должен беспокоиться о своем вооружении; всем обеспечивает их султан в соответствии с должностью каждого, будь то конный или пеший. То же относится и к снаряжению коня согласно их обычаю.

А те, кто подносят еду, называются чешнегирлер; их восемьдесят человек, начальника их называют чешнегир-паша; он получает по два золотых на день, а другие — по золотому и по половине. Комнатных слуг насчитывается пятьдесят, их называют ич огланлары, а их начальника — кихтер-паша; каждый день они получают по два золотых: а слуги — по ползолотого и имеют еду, достаточную для них и для их коней. Сам султан имеет каждый год по тысяче свободных коней для своей службы, и он раздает их вместе с седлами и снаряжением, особенно когда идет большой бой. А конюхов насчитывается двести, которые и следят за конями, но имеют и своих коней, полученных от султана; каждый из них на восемь дней получает золотой, а их начальники называются махтер-паша и имеют в день по два золотых.

При дворе содержится также шестьдесят отборных верблюдов, которые носят султанскую казну, каждый верблюд носит по шестьдесят тысяч в ящиках. Имеется еще сорок верблюдов, которые носят кухню и припасы. Столько и еще верблюдов, которые носят шатры, сто верблюдов носят вещи трубачей и все их принадлежности, а также четыре больших бубна: один верблюд несет два и другой два; называют они их кош и бьют в них во время сильного боя. А других бубнов, больших и малых, существует множество. А тех верблюдов, которые носят оружие, — триста. И поэтому они не имеют никаких повозок, чтобы с ними не задерживаться, когда они идут на войну.

Оружейников, которые чистят оружие и направляют его, насчитывается шестьдесят, и все они конные; их начальника называют джебежжи-паша, он в день получает золотой, а другие —

на восемь дней золотой, и так всегда, из года в год. Тех же, которые расставляют султанские шатры, шестьдесят человек; их называют мехтермер, все они конные; старшего их называют мехтер-паша; он имеет каждый день по ползолотого, а другие на восемь дней — золотой. Имеется также двенадцать лучших возчиков, которые везут его постель и кровать, а также карманные деньги, как бы его личную казну; а тех верблюдов, которые это носят, имеется четыреста и еще двенадцать свободных для того, чтобы, если с каким-нибудь верблюдом что-то случилось, он мог занять его место. А оружейников и тех, которые расставляют шатры, тех, кто следит за верблюдами, поваров, трубачей — всего их насчитывается триста двадцать конных; всего же слуг насчитывается две тысячи двести пятьдесят человек. Дворцовых пеших янычар — три с половиной тысячи или немного более. И, таким образом, численность пеших и конных султанских дворян составляет около шести тысяч.

ГЛАВА XL. О БИТВЕ И О ПРИГОТОВЛЕНИИ К НЕЙ ТУРОК.

Военная подготовка, особенно к решающему бою, у турок такова: у них существует четыре султанских знамени, которые принадлежат двору. Одно из них — белое, с написанными золотом словами, и оно стоит над всеми, ибо означает всю султанскую (воинскую) силу, а называется она алам сандиак, т. е. знамя всей силы. Другое знамя — красное, оно принадлежит придворным всадникам. Третье — зелено-красное, четвертое — красно-золотое; они принадлежат придворным пешим янычарам. А если где бы то ни было будут развернуты эти знамена, то это означает, что султан находится среди своих придворных. А придворное султанское войско обычно выстраивается в таком порядке: придворные всадники стоят возле него, перед ним янычары, за ним верблюды, а около них всегда бывает сделан ров и вал; перед рвами в землю втыкаются большие щиты. Сабли у них очень острые и украшенные; и иное боевое оружие также дорого украшено. Около рвов всегда выше насыпается вал, на котором всегда имеется частокол и сделаны стрельницы, чтобы можно было стрелять из мушкетов, а над большими щитами они густо ставят копья и другие предметы вооружения, которые необходимы; стрельба же из луков бывает очень густой.

Султан же, кроме своего придворного, имеет еще два войска: одно Анатолийское, за морем, другое — Румелийское.

Возле этих султанских окопов с правой стороны стоят другие пешие войска, которые называются азапы, т. е. пешие солдаты¹; они, как и первые, также имеют валы с поставленным на них дрекольем, единственно у них нет таких, как у тех, при способлений. Их насчитывается двадцать тысяч; у них есть ново-

учрежденный командир². За ними также стоят верблюды и кони, на которых возят поклажу; эти азапы набираются по эту сторону моря, из Анатолии. Существует также анатолийский властитель, которого называют Анатоли-беглербег³, как бы сказать анатолийский господин над господами. Ему подчиняются двенадцать воевод⁴, каждый из которых имеет свое знамя, полученное им от султана; за ними идут по чину пятьдесят субашей⁵, каждый из них стоит около своего воеводы, каждый возле того, кому он подчиняется. И этих войск конных бывает до шестидесяти тысяч. Каждый воевода имеет свой отряд, особенно паша, и эти войска выстраиваются один возле другого.

С левой же стороны стоит происходящий с той стороны моря господин над всеми господами, который имеет свое знамя и свой отряд. Его называют Урминели-беглербег⁶, господин над господами, наивысший после султана, ему подчиняются восемнадцать воевод, каждый со своим полком и со своим знаменем; они стоят таким же образом, как это было рассказано о других. Возле них стоят субаши, которых сорок человек, и каждый из них стоит около своего воеводы, каждый по тому воеводству, в котором он служит. Конных бывает до семидесяти тысяч, тех, которые происходят с этой стороны моря и из Сарахоры⁷ и о которых далее будет рассказано.

Возле султана с левой стороны стоят также другие пешие азапы, которых бывает до двадцати тысяч; они набраны с этой стороны моря, т. е. из Румелии, и так же стоят, окопавшись и воткнув дреколья, как и те, кто по правую сторону. Когда же султан прикажет каким-либо всадникам приступить к бою, то они без задержки едут и сражаются с громким криком и с барабанным боем. Султанские барабанщики так бьют в барабаны, что у них стоит сильный шум и грохот, как если бы тряслась земля или гремел гром. И тогда султан посылает к ним придворных на одетых в латы конях, дабы они наблюдали, кто насколько мужествен и кто как ведет себя в бою. Каждый из них держит в руках буздаван, т. е. булаву, побуждая к битве; называются они чауши, а где они бывают, там как бы присутствует сам султан, и потому их все боятся, ибо кого они похвалят, тому будет хорошо, а на кого они пожалуются султану, тому бывает беда. Их командира называют чауш-паша. Таков порядок у турок во время битв. Султан же сам никуда не ездит, но всегда находится среди янычар, пока не кончится бой.

Когда против этой мощи поганых противостала христианская сила, как это было, когда король Владислав подошел к Варне, то против турок были поставлены повозки в круг, а между возами разместились вся пехота, а на правой и на левой стороне — вся кавалерия⁸, благодаря такому порядку христианская кавалерия превозмогала турецкую кавалерию, хотя потом они (христиане) сами нарушили этот порядок, неосто-

Азап.

Гравюра из книги Ч. Вечелио
«Древние и современные обитатели всего мира».
Венеция, 1598

рожно бросившись за придворными султана. Также и Янкул-воевода сам виноват в разгроме: поразив конных, он бросился на султанских придворных. А потому поистине знайте, что если кто-либо захотел вступить с турецким султаном в генеральное сражение, то он должен иначе себя вести, нежели те, кто имели такой опыт, чтобы с божьей помощью иметь возможность поразить его наголову; такому человеку надо знать, что у них есть недостаток, о котором они сами не ведают, а я хорошо его знаю, так как вполне мог к нему приглядеться; а именно: их пехота не может находиться долго в поле, ибо они к этому не готовятся, полагая, что всегда счастье будет на их стороне.

И еще одна вещь опасна для них: если бы только султанские янычары были разбиты наголову и остались лежать на поле, турецкий султан никогда не мог бы оправиться и выступить где-либо против христиан, ибо если бы он потерял это войско, то все христианские земли, которыми он обладает, восстали бы против него, и он вынужден был бы бежать за море. И еще один недостаток есть у них: если бы христиане на них наступали, они не должны бросаться в лоб янычарам, а с тыла стрелять зажженными стрелами в верблюдов, которые так будут испуганы огнем, что бросятся на свое войско и передадут всех янычар; а с другой стороны из лагеря в это время надо стрелять из пушек. Они об этом никогда не догадывались, но я это испытал на одном большом верблюде; они допытывались об этом, но так и не узнали, кто это сделал, а было это в Валахской земле⁹. Среди них также возникает сильный страх, когда они слышат, что если один раз они проиграют битву и потерпят поражение, то, как это было сказано выше, они ничего не смогут исправить, как об этом говорил и сам султан.

ГЛАВА XLI. КАКОЙ ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ БЫТЬ ПОХОД ПРОТИВ ТУРОК И КАК ЕГО НАДО ОРГАНИЗОВАТЬ.

Поскольку разум и порядок дают силу, то когда вы будете готовить поход против турок, должны помнить, что нельзя себя отягощать оружием, толстыми копьями, арбалетами и приспособлениями для их натягивания, вы должны готовить к войне и к решающей битве такое оружие, которым вы бы владели, не отягощаясь. В этом отношении турки намного впереди. Если ты их преследуешь, то они быстро убегают, а если они преследуют, то от них не скрыться; турки и их кони, благодаря их большой легкости, всегда быстрее; мы же всегда из-за тяжелых коней и тяжести оружия медлительны, ибо когда у тебя много на голове, тебе трудно действовать и к тому же ты не слышишь и никогда как следует не видишь и руками и сам собой из-за тяжести оружия не владеешь. Бывает так, что иные так себя закуют в тяжелые доспехи, как будто их надо бить камнем, когда уже сидишь на них; между тем человек с чистым и мужественным сердцем должен участвовать в бою. Лучше так ему подготовиться к бою, чтобы он мог с честью, если будет нужно, отступить и остаться невредимым и тут же начать снова сражаться, нежели на месте погибнуть, стоя как оловянный.

Мы также хорошо знаем, что татары таким же образом, как турки, строятся перед битвой, а турки не дают себя ни окружить, ни атаковать с фланга, единственно с ними возможно сражаться напрямую, лицом к лицу, чтобы в битве участвовал каждый; татары так же быстры на своих конях, как и турки,

а к тому же они мужественны и тверды и много выгадывают от того, что держатся, как и турки. Самим же туркам не помогает такой порядок; потому-то татары часто одерживали победу над турками, а христиане никогда ее не одерживали, в особенности в общей битве; и это потому, что они стремятся их окружить или напасть с фланга.

Когда турки видят вооруженных людей и их построение, они, согласно приказу султана, больше обращают внимания на коней, а не на людей. Обступив с обеих сторон с копьями и саблями и с другим различным оружием, чтобы перебить или ранить коней, им бывает легче биться и с людьми, и поэтому каждый должен опасаться отягощения доспехами, ибо если уж, будучи таким отягощенным, кое-как и слезешь с коня, то уж без помощи сам на него уже не сядешь. А в такой битве не всегда будет при тебе, хоть ты и господин, слуга, который бы тебе помог. И, таким образом, если кто-либо захочет начать с турками борьбу, он должен все нынешние приемы сражения отбросить, а придерживаться того, о котором мы выше говорили. [Важно и необходимо также помнить, чтобы пехота вся была вооружена копьями, ибо они более полезны, чем меч. Надо к тому же иметь людей, умеющих ими хорошо владеть]¹. И таким путем с божией помощью можно было бы одержать победу над турецким султаном.

Обязанность исполнения всего этого лежит на короле, так как он должен быть предусмотрительным воином и прежде всего подготовить себя, а потом и все войско, особенно для борьбы с погаными. Королю лучше всего быть среди пехоты, имея при себе несколько десятков отборных мужей на конях, и из их рядов ни в коем случае не выступать, даже если бы была большая необходимость. Ибо король должен обдуманно держаться и находиться в надежной безопасности, поскольку от его раны или болезни бывает сильное замешательство в войске, подобно тому, как если голова болит, то и тело бывает хилым. Поэтому-то все паны и все рыцари должны на том стоять, чтобы был выбран не столько сильный, сколь мудрый и умелый король, и такого короля они должны стеречь как зеницу ока, не давая ему биться врукопашную без необходимости.

Также необходимо, чтобы король имел при себе несколько десятков лучших мужей на закованных в броню конях, которые бы, объезжая от его имени полки, показывались бы перед рыцарями и пробуждали в них храбрость перед битвой именем короля, как если бы он сам был при этом. И, таким образом, одни бы приезжали, а другие уезжали, чтобы король всегда знал, где что происходит, для чего и турецкий султан держит при себе своих чаушей. И они должны быть снаряжены так хорошо, чтобы враги, видя их в разных местах, думали, что там командует сам король. А если с кем-нибудь из них что случится, другой должен сразу же встать на его место.

Тогда-то ты и поймешь, что турецкий султан не может собрать такой большой армии к решающему бою, как об этом говорят, как и о том, что якобы нет числа его людям; это все неправда; каждый государь должен знать численность войска султана, чтобы уметь хорошо сообразовываться с этим. А как велика общая численность турецкого войска, об этом сказано выше.

ГЛАВА XLII. О ТУРЕЦКИХ БЫСТРОХОДНЫХ ВСАДНИКАХ, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТСЯ АКАНДИЕ.

Турки своих быстроходных всадников называют акандие, т. е. текущие; они подобны лавине червей, после дождя падающих с яблук. Из-за этих лавин происходят большие наводнения, стремительные потоки выливаются из берегов; если они что-нибудь захватят, то все несут с собой, но длятся они недолго. Таковы же и быстроходные всадники, или текущие турки, которые находятся недолго, но, пока они властвуют, они все захватят, все ограбят, перебьют и уничтожат так, что много лет после этого там не будет кричать петух.

Турецкие быстроходные всадники набираются добровольно и по своей воле и за свой счет ездят в походы. Некоторые турки называют их когмари, т. е. овчары, так они живут тем, что добудут; и для этого берегут коней, ожидая, когда их куда-либо позовут в поход; они всегда готовы и не нужно им приказывать или платить за службу и покрывать издержки. А если кто иной захочет поехать в поход, они таким одалживают своих коней исполу; и если те что-либо добудут и принесут, то они считают это удачей, а если ничего не принесут, они так говорят друг другу: «У нас не было добычи, но мы получили большое отпущение грехов так же, как и все, кто ведет борьбу с гяурами и участвует в походе против них, а в такой поход мы и ходили». А если они что-либо займут или раздобудут, как мужчины, так и женщины, за исключением юношей, то все они продают за деньги, а юношам платит сам султан. Эти быстроходные всадники имеют ротмистра, которого называют Δαῦδῖρῆρ.

К нему от султана во всех областях приставлены воеводы. Прежде всего это направлено против христиан: воевода смедеревский и его помощник воевода крушовецкий, — против венгров, а против валахов воевода никопольский и его помощник воевода видинский; против хорватов и корутан¹ — верховный боснийский воевода и его помощник ситницкий воевода. И далее по областям сидят другие воеводы. На море же против каталонов и влахов действует воевода галипольский и его помощник воевода морейский. Эти воеводы, или санджакбеги, контролируют все края и знают, что происходит в каждом королевстве. А если кто из них найдет, что пришло время, когда

Войнук.

Гравюра из книги Ч. Вечелио
«Древние и современные обитатели всего мира».
Венеция, 1598

он со своими людьми может совершить набег, тогда он посылает гонца к султану, прося разрешить поход в гяурские земли. Султан, выслушав гонцов, отпустит их, и гонцы, после того как их отпустят, немедленно сразу же приказывают взывать по городам, называя воеводу и край, прославляя этот поход и говоря: «Вас приведут в эти края, и вы вдоволь добудете мужской и женской челяди и другого всякого добра». И тогда быстроходные всадники, услышав о столь расхваленном походе и призыве к нему, радуются с криками и сразу же отправляются и едут к обозначенному месту, где находится воевода. И воевода, дождавшись их, снабжает их лодками и другим снаряжением, которое необходимо, и таким образом устроив все дела, дает указание каждому, кто что должен делать. И таким способом совершив переход, он вторгается в христианскую землю, ведя их к тому месту, которое он наметил.

Приехав туда, он приказывает им пересесть на других, более быстрых коней, так как у каждого из них есть по два коня: одного он ведет, а на другом едет. Те кони, на которых они приехали, остаются на том месте, и другие турки присматривают за этими конями, пока их хозяева не вернутся: им дают за восемь коней золотой. Воевода отводит всадников немного далее и там приказывает им, чтобы они не медлили, и устанавливает день, которого они должны ожидать, и, ударив в барабан под названием таламбас, он распускает их; и у них бывает такое столпотворение из-за толкотни между собой, так как каждый хочет вырваться вперед, так что некоторые с конями падают и остаются лежать. И все они разъезжаются, кто куда хочет, поджигая, убивая, грабя — причиняя большую беду.

Воевода же приказывает на этом месте разбить небольшой лагерь; при себе он оставляет несколько отборных мужей на хороших конях и ожидает их там. Всадники ведут и несут к нему добычу со всех сторон. Воевода,ждавшись их, согласно своему приказу, отсылает захваченное впереди себя. А кто задержится, тот там и остается; сам же воевода задерживается в лагере и, распорядившись полками, не спеша отъезжает, опасаясь погони за собой врагов. Если бы неприятели, стремительно примчавшись, их настигли, тогда повернувшись, они сражаются с ними; если они не в состоянии выиграть битвы, то они приказывают всех захваченных пленных перебить, как стариков, так и молодежь; сами же они исчезают, как ветер.

И таким образом, им никто не может причинить вреда, разве что кто их настигнет в труднопроходимых горах или при широких реках, или в каком-либо болотистом месте, то там можно нанести им поражение, или если бы люди были наизготове и быстро примчались к тому месту, где они жгут и грабят, там бы небольшому числу людей удалось нанести им большой урон, так как они тогда наиболее боятся и на них находит сильный страх, потому что они разбрелись в разные стороны. И таким же образом с малым числом людей можно их разбить, подойдя к тому самому месту, где стоит воевода, и им бы сам воевода не мог противостоять, полагая, что у них большая сила. Вот так на нас нападают их быстроходные всадники.

ГЛАВА XLIII. О САРАХОРАХ, Т. Е. ТЕХ, КТО ВРОДЕ НАШИХ СОЛДАТ.

Сарахоры — это то, что у нас солдаты. Они тоже набираются из добровольных всадников. Когда султан узнает, что на него движется христианская сила или какое другое большое войско, он приказывает по городам взывать: «Кто хочет поступить на службу, тот ее получит». И тогда всадники едут к султану, и

Турки набирают славянских мальчиков в янычары.

Гравюра XVI в.

им на каждого коня выдается золотой на четыре дня, и с этого момента их не называют всадники, ибо они уже служат не добровольно, а становятся солдатами, и им выплачивают каждый месяц, ибо их служба длится недолго. Их вооружение составляют сабля, щиты, копья; некоторые имеют панцири. Султан их держит при себе, пока в них есть потребность, а потом, заплатив, отпускает их. Их бывает около двенадцати тысяч в общем бою. Они стоят при султани, с левой стороны от янычар, как об этом написано выше.

ГЛАВА XLIV. О МАРТАЛОСАХ И О ВОЙНУКАХ.

Марталосы¹ являются христианами; особенно их много бывает на окраинах, за службу они получают на каждого коня за восемь дней золотой. Служба им оплачивается каждый месяц, как и сарахорам, но служба их длится столько, сколько каждый захочет. Снаряжение они имеют такое же, как сарахоры. Если он хочет иметь его больше, то это его дело. Некоторые христиане свободные; они никому ничего не платят и ни на какую службу не нанимаются. Их называют войнуки². Они

прислуживают султану и водят свободных султанских коней, куда потребуется. Марталосов и войнуков существует несколько сот.

ГЛАВА XLV. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРЕЦКОГО ШТУРМА.

Турецкий султан с большими потерями берет города и замки, только чтобы долго там не стоять с войском; [так как пехота не обеспечивается провиантом, а у кавалерии уходят кони, верблюды и мулы, и в это-то время со свежим и полным войском с божьей помощью его можно поразить. Он должен был бы в достаточном количестве приготовить припасы, прежде чем осаждать или брать город. Орудия они тоже не всегда возят с собой, особенно большие разрушительные, из-за их тяжести и трудности перевозки или потому, что они загружают верблюдов грузом и имуществом; а когда они подойдут к какому-либо городу, который хотят взять, там они и отливают большие пушки, а порох они имеют в достаточном количестве]¹, и прежде всего разрушают из пушек стены города или замка, пока они (султану) не сдадутся. А когда они видят, что пришло время штурма, то тогда прежде всего он приказывает объявить войску, чтобы были приведены кони, верблюды и принесена вся добыча с пастбищ к войску [а это делается для того, чтобы, когда они перед штурмом отдыхают, неприятели не захватили бы их коней]², а когда это произойдет, то он приказывает во второй раз по всему войску об этом объявить, назначив день штурма, чтобы все к нему готовились, а наиболее осторожно они себя держат в пятницу³. И так оповещая о предстоящем, они сулят вознаграждение таким образом: кто внесет знамя на стену, тому обещают воеводство, а кто за ним войдет — субашство [вроде староства или подвоеводства]⁴, третьему — черибашство⁵, другим — деньги, не называя сумму; помимо этого, раздают различные одежды. А что они тогда обещают, все это исполняют независимо от того, захватят город или не захватят. Потом они кричат в сумерки или вечером всюду по всему войску, чтобы всюду поставили зажженные салные свечи и чтобы ждали, пока звезды не будут ярко светить через облака [это является верным признаком штурма]⁶. И так они ночь и следующий день готовятся к штурму вплоть до вечера.

Ночью же они бесшумно подходят к городу со всех сторон, приступают ко рвам, подготовившись, неся перед собой плетенные из прутьев щиты и большие лестницы, предназначенные для того, чтобы по ним могли влезть с обеих сторон, снизу и сверху. Янычары же бросаются к тому месту, где сломана стена, и, приступив к разрушенному месту, молча ожидают момента, пока не начнется день. И тогда же прежде всего пуш-

«Янычар отправляется на войну»

Гравюра из книги Николая Николаи

«Плавания, дальние странствования и путешествия по Турции»,
Анвер, 1576

кари начинают стрелять из всех пушек. После стрельбы из пушек янычары очень быстро взбираются на стену, так как в это время горожане отступают перед частой стрельбой из пушек, но, увидев янычар на стене, поворачиваются к ним и общими силами сражаются с двух сторон. И тут янычары лезут, опережая друг друга, и в то же время из луков и мушкетов происходит очень частая стрельба, так что стрельба еще дополняет сильный шум, происходящий от боя барабанов и от крика людей. Битва длится час, самое большее — два. Если же христиане пересиливают поганных, тогда они понемногу слабеют и изнемогают. И, таким образом, этот штурм длится до полудня, а далее продолжаться не может, ибо запасы патронов кончились, а некоторые люди бывают убиты, некоторые ранены, и все выбиваются из сил.

Султан, видя, что они не могут взять города, приказывает от него отойти и пушки со всеми принадлежностями от стен отвезти и поставить на повозки. И, собрав раненых, он приказывает послать их впереди, а сам на том же месте остается до ночи, а ночью со всем войском отойдет, чтобы на него из города или из крепости не кричали. И для того-то он оставляет отряды, чтобы если кто из замка выйдет, не мог над ним никак посмеяться. И поэтому народ, который находится в замках, должен держаться осторожней, чтобы легкомысленно из замка не выезжать и не растекаться. А если какой-нибудь замок один раз выстоит, турки долгое время на него не покушаются. А кто бывает ранен в руку или ногу, каждого такого султан обеспечит хорошим пропитанием вплоть до его смерти. [Раненых же всех он велит вылечить и выходить; всем тем, кто как-либо показал себя мужественно, каждому дает то, что он заслужил]¹. И таким образом выглядит турецкий штурм.

ГЛАВА XLVI. О ХРИСТИАНАХ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ ПОД ТУРКАМИ.

Христиан турки называют гяуры, и султан знает численность всех, кто находится под властью турок, и сколько их в каждой земле. Султану платят дань каждый год с каждой христианской головы сорок аспров¹, что составляет один золотой; в год султан получает этой дани несколько сот тысяч. А если кто может заработать деньги, тот дает (султану) еще один золотой в год, исключая детей и женщин; и все это, не считая других доходов, которые поступают к нему (султану) в его казну с моря, с земли и с серебряных гор. Христиане же дают своим господам, под которыми они находятся и которых они называют тимарерлер², половину султанской дани и к тому же с десятков голов всякого скота или зерно. Работы же никакой они ни на султана, ни на своего господина не выполняют и не поступают на службу.

Если же войско султана идет по его земле, то никто из воинов не смеет травить посевы, причинять какой-нибудь вред или без оплаты у кого-то что-либо взять, даже если этого было мало, что стоило меньше мелкой монеты. Турецкие властители не прощают этого один другому, не желая, чтобы бедным был причинен ущерб [как язычникам, так и христианам]³. А если кто-нибудь возьмет умышленно без оплаты, он платит жизнью, ибо султан хочет, чтобы бедные жили спокойно. Христиане, которые находятся под властью султана, должны поставить десятки тысяч вьючных животных или коней, провиант, отдавая это своими руками, после чего над ними владеют по справедливости, не причиняя им вреда. Под таким-то управле-

Турецкое фаянсовое блюдо XVI в.

нием все живут. [Так продолжается издревле и до нынешнего времени]⁴.

При султани Мураде случилось так, что одна баба пожаловалась на некоего азапа, что он на ее дворе взял молоко и выпил его. Султан приказал его схватить и вспороть ему живот, чтобы удостовериться, есть ли в желудке молоко, так как он не знал, верить ли ему; если же молока там бы не было, то та же участь ожидала бабу. И таким образом несчастный воин лишился жизни, а баба — молока. А произошло это, когда султан ехал из Пловдива к Черному морю.

ГЛАВА XLVII. О РАЗМНОЖЕНИИ ТУРОК.

Размножение турок подобно морю, которое никогда не прибывает и не убывает, но никогда не бывает спокойным и другим приносит разрушение, там и сям колеблясь. Так и у поганых никогда нет спокойствия, всегда они колеблются. Ибо у них хотя в одной земле и тихо, но в другой волна бьется о берег. В некоторых землях, где морская вода густая и соленая, из нее делают соль, однако, если чистую воду не приправить не-

большим количеством сладкой воды, соль из нее добыть невозможно; воды, разлившись все по миру, там и сям бывают сладкие и хорошие, и ко всему необходимые и полезные, но, когда они впадут в море и смешаются с морской водой, вся их пригодность к питью и сладость пропадает и они становятся, как остальная морская вода, плохими и солеными.

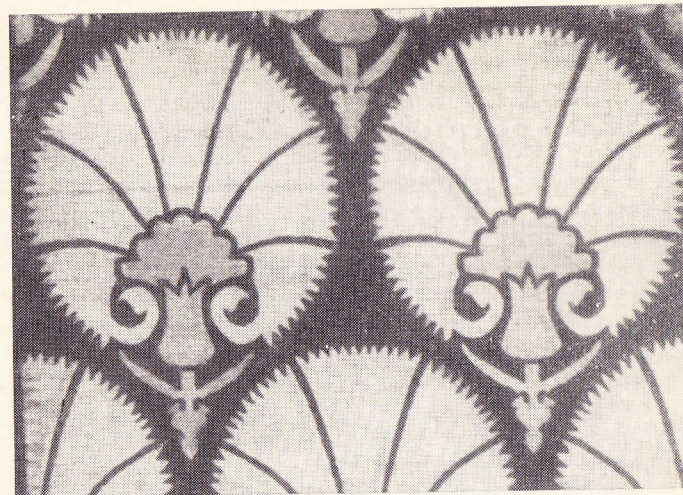
Турки подобны этому: они никогда не находятся в покое, всегда ведут войну, из года в год, от одних земель до других, а если где заключат мир, то только тогда, когда им это выгодно, а в других землях они причиняют одно только зло, захватывают людей, берут в плен, а кто не может ходить, тех убивают. И это они делают многократно в течение года: более десятка тысяч христиан они приводят к поганым, и они обрекаются, подобно водам, попадающим в море, ибо, оставив свою веру, принимают поганскую. А поступив так, эти христиане бывают хуже, чем подлинные поганые. И, таким образом, все служит к их размножению: когда одни сослужат службу, другие служат, и они приводят иных, а те заботятся о том, чтобы привести следующих, так чтобы их число никогда не убывало, как и приказал им Мухаммед.

И, кроме того, каждый год прибавляется немалое число добровольно отуречившихся, как это случилось в Галате, когда один знаменитый монах ордена святого Бернарда¹ по своей подлости навлек на доброго человека смерть, так что турки без всякой его вины велели его сжечь, а жена его осталась вдовой. Потом этот монах принял Мухаммедову веру, а Христову осудил и эту вдову выпросил у поганых. И они дали ее ему помимо ее воли, а впоследствии более сорока моряков-каталонцев приняли поганскую веру. И все же поганые не похвалили поступка этого монаха.

И так турки множатся, почему мы и можем видеть, что они берут людей, а не скот. И кто же им может дать отпор, если они, забрав все, быстро уезжают; прежде чем христиане подоспеют, они будут там, где им надлежит. А если бы к такой обороне люди захотели подготовиться, они понесли бы еще больший урон и потери. Пока головы змеи не разобьешь, не будешь от нее в безопасности. И пусть их кавалерия будет разбита, это не означает, что она исчерпана и не придет новая. Остальное можете себе представить.

ГЛАВА XLVIII. КАК СУЛТАН ПОКАЗЫВАЕТСЯ СВОИМ ПРИДВОРНЫМ ВО ДВОРЦЕ.

Турецкий султан имеет такой обычай: в своем дворце он показывается придворным два дня в неделю, и там должны быть все придворные, стоя в отдалении. И тут же являются послы, откуда кто, поднося дары, и, представившись, больше не появ-

Турецкая ткань XVI в.

ляются во дворце, разве что в этом возникает крайняя необходимость. И таким образом они ожидают ответа.

А султан потому должен показываться, что если бы этого не было, придворные думали бы, не произошло ли что-то, и опасались, как бы кто иной не захватил престол, а не его (султана) сын. И если бы он был болен, придворные по этой причине хотят знать о его болезни.

Султанские имена на турецком языке таковы: одно — Буюкбек, т. е. великий господин; другой — Хункьяр, т. е. турецкий князь, третье — мирза, т. е. сила; четвертое — султан, т. е. император, а по своему предку он называется однамоглы, т. е. сын гетманов. Другие его называют падишах, что означает имя над всеми именами, но это имя не принадлежит ему, но только одному Богу, ибо они бога называют Ергок Ярадан Падишах, т. е. всемогущий творец неба и земли.

ГЛАВА XLIX. О ЕДИНЕНИИ КОРОЛЕЙ ПОЛЬСКИХ С ВЕНГЕРСКИМИ.

Король венгерский Владислав и король польский Ольбрахт — два брата, выношенные под одним сердцем и происшедшие от одной крови. Имея столь большую силу, по божьему произволению совершили бы крайне удивительное и неслыханное дело, если бы отважились пойти на турецкого султана и отомстили пролитие христианской крови и гибель людей, а особенно своих предков.

И как было очевидно, что пока Стефан Валашский воевода¹ держал Килию и Белгород в своей власти, польское королевство сидело спокойно, как за щитом. И пока венгерский король держал Белград Рацкий в своей власти, Венгерская земля была спокойна. Ибо Дунай, Сава, Тисса и Драва — четыре реки служат как бы запором. О Белграде же, как ключах Венгерского королевства, поэтому нужно было бы иметь постоянную заботу. Ведь поганые не спят; на короле же лежит обязанность заботиться о всех подданных, остерегать их и оборонять. И другой правильной дороги к этому нет иначе, как через братское согласие, единство и любовь всех христиан, дабы они были вызволены из рук поганых.

И не так надо поступать, как король Матиас, который, не обращая внимания на поганых, вел борьбу с христианами. Видимо святой отец Павел Второй² и Римский император³ были тому причиной, так как (они) побудили Матиаса вести войну с чехами⁴, а когда он их не смог одолеть, он повернул на Рагузскую землю⁵, на Римского императора. И таким образом между христианами шла война, а поганые умножали свою силу, ибо под защитой веры христиане способствуют многим плохим делам и напрасно ею похваляются.

Τέλος (конец)

Эта хроника первоначально написана русскими буквами в лето от Рождества Божьего 1400.

КОММЕНТАРИИ

ЗАГЛАВИЕ

- ¹ Рац — так назывались сербы, жившие в Венгрии. Это название происходит от наименования сербов в латинских источниках *gascianus* (откуда в венгерских источниках — *gacz*), по названию одной из областей древней Сербии — Рашки.

ГЛАВА I

- ¹ Аргины — видимо, жители империи Великих Моголов в Индии, столицей которой был г. Агра на р. Джамна.
- ² Варвары, берберы (в польском оригинале — *Barbarowie*) — племена в Северной Африке, в значительной степени арабизированные уже к XII в.
- ³ Негры, не имеющие огненных знаков, — и есть собственно негры, в отличие от негров с огненными знаками, т. е. индусов, которые ставят пятна — знаки на лбу.
- ⁴ Моисеева книга — Пятикнижие Моисеево (из Ветхого завета), признававшееся Мухаммедом (Магометом) как часть откровения, вполне раскрытого лишь в Коране.
- ⁵ Коран — от арабского «куран», т. е. «чтение», священная книга мусульман, представляющая собой собрание поучений и заповедей пророка Мухаммеда, произнесенных им в разное время. Первоначально их заучивали наизусть, потом стали записывать. Окончательный и единый текст Корана был составлен в 651 г. Коран делится на 114 сур (глав), а они, в свою очередь, — на различное число стихов. Мусульмане считают, что текст Корана принадлежит самому Аллаху, а Мухаммед был только его передатчиком. (О Коране см.: *Мюллер А.* История ислама от основания до новейшего времени, т. I. СПб., 1895, с. 69—71).
- ⁶ Брунк-Байрам (Уразы-Байрам, Буюк-Байрам или Идал-Фитр) — праздник разговения после поста, длящегося в течение 9-го месяца (рамадана) мусульманского лунного года.
- ⁷ Кичик Байрам (Курбан-Байрам или Ид-Альазха) — наряду с Брунк-Байрамом один из двух самых больших праздников у мусульман. Празднуется через 70 дней после первого. Установлен в память построения храма Каабы в Мекке и получения пророчества (у мусульман — пророком) Авраамом «черного камня» от архангела Гавриила.
- ⁸ Пятница не является у мусульман в полном смысле слова праздничным днем, т. е. днем отдыха; точнее, пятница — день общественной молитвы.
- ⁹ Буброманы, бусурмане — мусульмане. Это наименование мусульман созвучно с русским названием басурмане (точнее, бесермены). (О нем см.: *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 84—90).

ГЛАВА II

- ¹ Фатима была дочерью, а не сестрой Мухаммеда.

ГЛАВА III

- ¹ Башни при мечетях — минареты.
- ² Призыв к молитве возглашает с минарета муэдзин (му'аззин).
- ³ Сведения о пятом намазе содержатся только в списке С.

⁴ Слова, заключенные в квадратные скобки, имеются в списках К, Р и А.
⁵ Коран предписывает сторониться употребления вина, называя его «мерзостью сатаны», посредством которой он «желает заронить вражду и ненависть» (сура 5, ст. 92—93). Слова, на которые ссылается Константин, в Коране отсутствуют и, по-видимому, связаны с какой-то устной традицией.

⁶ Слова, заключенные в квадратные скобки, находятся в списках К, А и М.
⁷ Константин из Островицы здесь имеет в виду михраб, указывающий направление на Мекку. Михраб представляет собой нишу, перед которой ставятся свечи или другие светильники.

⁸ Кафедра в мечетях называется минбар. Она бывает только в соборных мечетях (т. е. мечетях «джамии» — см.: Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 89). Таким образом, именно их имеет в виду Константин, рассказывая о мусульманском ритуале.

⁹ Дромамечеть — соборная («джамии») или пятничная («джума») мечеть.

ГЛАВА IV

¹ Слова, заключенные в скобки, находятся в списках К, Р и А.

ГЛАВА V

¹ Слова, заключенные в квадратные скобки, находятся в списках Р, А и М.

ГЛАВА VI

¹ Вторым лицом после султана был великий визирь, возглавлявший правительство.

² Махмуд-паша — великий визирь и полководец в правление султана Мехмеда II (см. гл. XXV, прим. 1). Махмуд-паша по отцу происходил из рода царя Фессалии Ангела Филантропена (отсюда прозвище Ангелович). Мать его была сербка. Попав в плен, был обращен в ислам и назван Махмудом. Махмуд-паша быстро выдвигался по службе и в 1455 г. стал великим визирем и румелийским беглебером (см. гл. XI, прим. 3). В 1466 г. по пропискам врагов был свергнут. Снова был визирем в 1470—1472 гг. В 1474 г. был убит. Махмуд-паша принимал активное участие во многих походах султана, в том числе возглавлял завоевание Боснии в 1463 г. и Карамании в 1466 г., о чем подробно рассказывает в своих «Записках» Константин Михайлович из Островицы. (О Махмуд-паше см.: Enciklopedija Jugoslavije, т. I. Zagreb, 1955, с. 115—116).

ГЛАВА VIII

¹ Слова, заключенные в скобки, находятся в списках Р и А.

ГЛАВА IX

¹ Слова в скобках содержатся в списках Р, А и L.

² Автор записок сообщает здесь полулегендарные сведения об Османе, основоположнике турецкой династии.

В действительности Осман был не греческим крестьянином, а сыном Эртогрул-бея — вождя племени огузов, живших в северо-западной части Малой Азии. Возглавив племя огузов в 1281 г., Осман начал энергичные завоевательные походы против Византии. В 1299 г. Осман, до этого находившийся в вассальной зависимости от сельджукских султанов, стал полностью независимым правителем османского бейлика (княжества) вплоть до своей смерти в 1326 г. (см.: Новицев А. Д. История Турции, т. I. Л., 1963, с. 27—28).

ГЛАВА X

¹ Мустафа сын Османа — в других исторических источниках неизвестен. Не фигурирует он и в сербских средневековых родословиях турецких султанов (см.: Стојановић Л. Стари српски родослови и летописи. Сремски-Карловци, 1927, с. 305—309). Видимо, эти сведения Константина связаны с какими-то турецкими легендами.

² Анатолия — Малая Азия.

ГЛАВА XI

¹ Аладин сын Мустафы — в других исторических источниках не упоминается.

ГЛАВА XII

¹ Мурад сын Аладина — в других исторических источниках не упоминается.

² Брус — Бруса, город в Малой Азии, вблизи Мраморного моря. До объявления Адрианополя столицей (1366 г.) был резиденцией турецких султанов.

³ Азапы — главным образом пехотинцы, но иногда так назывались и моряки в турецком военном флоте. Происходит от арабского слова «азеб», что означает «неженатый».

⁴ Слова, заключенные в скобках, находятся в списках Р и А.

ГЛАВА XIII

¹ Султан сын Мурада — в действительности это был султан Орхан (1326—1359).

² Никея — город на северо-западе Малой Азии; крупнейший византийский город. Никея была захвачена турками в 1330—1331 гг.

³ Янычары — от йени чери, что означает новое войско. Создание его относится к 1361—1363 гг. Янычарский корпус формировался как из числа военнопленных, так и путем «дани кровью». Подробнее о формировании янычарского войска Константин из Островицы рассказывает в главе XXXIX.

⁴ Слова, заключенные в скобках, находятся в списках Р и А.

ГЛАВА XIV

¹ Здесь имеется в виду византийский император Андроник III Палеолог (1328—1341).

² Мурад сын Султана — в действительности сын Орхана, султан в 1359—1389 гг.

³ Сыном Андроника Палеолога был Иоанн V (1341—1391).

⁴ Кантакузин — Иоанн Кантакузин принадлежал к знатному и богатому византийскому роду. Отец Иоанна — Михаил (ум. в 1316 г.) был наместником Пелопоннеса.

⁵ Галиполи — город и порт у пролива Дарданеллы. В действительности Галиполи был захвачен султаном Орханом в 1354 г. (*Charanis P. On the Date of the occupation of Gallipoli by Turks.* — «Byzantinoslavica», 1955, г. XVI, р. 113—117).

⁶ Германелла (Гермиян) — Дарданеллы.

⁷ Согальник — город на р. Тимока в Сербии. Константин ошибочно считает, что это болгарская крепость.

⁸ Димотик (греч. Дидимотик) — крепость по нижнему течению р. Марицы. Согальник и Димотик турки захватили в 1353 г.

ГЛАВА XV

¹ Милутин (иначе — Стефан Урош II) правил с 1282 по 1321 г.

² Урош — Урош I (1243—1276). Непонятно, почему Константин называет его

- первым сербским королем, тогда как им был Стефан Неманя Первоначальный, провозгласивший Сербию королевством в 1217 г. (ум. в 1227 г.).
- ³ Стефан — Стефан Дечанский (1321—1331). Весть о его прозрении широко распространялась по Сербии. Об этом пишет и сам Стефан в Дечанской грамоте (*Јиречек К. Историја Срба*, кн. I. Београд, 1952, с. 202—203).
- ⁴ Эта фраза содержится в списках Р, А и М.
- Стефан — Стефан Душан (1331—1355). После завоевания ряда греческих земель и Албании Стефан Душан в конце 1345 г. объявил себя царем греков и сербов.
- ⁵ Димитрий — в действительности болгарский царь Михаил Шишман (1323—1330).
- ⁶ Река Искра (Искар) — правый приток Дуная.
- ⁷ Руины церкви Спаса сохраняются в селе Николичевац.
- ⁸ Константин рассказывает здесь о битве под Белбуждом (ныне Кюстендил), происшедшей 28 июля 1330 г. В действительности болгарский царь был только ранен в бою и умер уже в плену (см.: *Бурмов А. История на България през времето на Шишмановци (1323—1396)*. — «Годишник на Софийският университет. Историко-филологически факултет», 1947, т. XLIII, с. 6).
- ⁹ Тарнов (Тырново) — столица Второго Болгарского царства. В действительности Михаил Шишман был похоронен в монастыре св. Георгия в Старо Нагоричино у Куманова.
- ¹⁰ Арбанасская земля — Албания.
- ¹¹ Звечан — город в области Косово, недалеко от слияния рек Ибара и Ситницы.
- ¹² Текст в скобках содержится только в списке К.
- ¹³ Дечаны — монастырь в области Метохия, между Печем и Даковицей на р. Бистрица. Основан Стефаном Урошем III Дечанским (отсюда наименование этого короля) в 1327 г. О его истории, постройках и росписях см.: *Петкович В. П. и Бошковић Ђ. Манастир Дечани*. Београд, 1941.
- ¹⁴ Имеются в виду монахи Афонских монастырей. На Западе православных монахов считали принадлежащими ордену св. Василия Великого, составившего правила монашеской жизни.
- ¹⁵ Константин относит время канонизации Стефана Дечанского к 1340 г. (через девять лет после убийства в 1331 г.). Это не противоречит данным грамоты Стефана Душана монастырю Петра и Павла 1343 г., в которой он уже назван святым (*Павлович Л. Култови лица код Срба и Македонаца*. Смедерево, 1965, с. 104).
- ¹⁶ Урош Стефан — царь Урош V Стефан (1355—1371). При нем значительно усилился процесс децентрализации страны. В самостоятельные княжества выделились Эпир, Македония, область Нового Брдо и Подринье.
- ¹⁷ Видимо, говоря о братьях, которым доверился Урош, Константин имеет в виду правителей Македонии Вукашина и Угleshу. Первый из них даже принял королевский титул, а второй назывался деспотом (*История Югославии*, т. I. М., 1963, с. 107). О передаче им болгарских земель по другим причинам ничего не известно.
- ¹⁸ Адрианополь — город при слиянии рек Тунджи и Марицы. Захвачен турками в 1362 г.; в 1366 г. стал столицей Османской империи.
- ¹⁹ Константинова земля — земля Константина Деяновича, князя Македонии. После битвы при р. Марице в 1371 г. Константин Деянович стал вассалом султана. Погиб в битве с валашским воеводой Мирчей в 1395 г.
- ²⁰ Поле Беглигар — Жеглигово поле около Куманова (поблизости от Черной Горы, у Скопья).
- ²¹ Раккое избиение — Константин описывает здесь со значительными ошибками знаменитую битву при р. Марице 29 сентября 1371 г. (О ней см.: *Skrivanić G. Bitka na Marici. — «Vojnostorijski glasnik»*, 1963». Београд, 1964, с. 21—24). Царь Урош в этой битве не участвовал. Константин путает его с деспотом Угleshей, который вместе со своим братом, королем Вукашином, предводительствовал сербскими войсками. Урош же умер через два месяца после битвы — 4 декабря 1371 г. Наименование поля бит-

вы — «Раккое (т. е. Сербское) избиение» — знает турецкая традиция. Именно так называет его турецкий хронист Мехмед Нешри (см.: *Елезовић Г. Огледало Света или историја Мехмеда Нешрије*. Београд, 1957, с. 21).

²² Текст в скобках содержится в списках Р, А, Л. Автор здесь опережает события, имея в виду падение Второго Болгарского царства. После завоевания его столицы — Тырнова в 1393 г. действительно сохранялось еще одно царство (Константин его называет княжеством) — Видинское. Вскоре (1396 г.) пало и оно.

ГЛАВА XVI

- ¹ Лазарь — князь Лазарь Хребелянович, первоначально, видимо, управлявший областью Нового Брдо. В результате ожесточенной борьбы с подринским феодалом Николой Алтомановичем к концу 70-х годов Лазарь объединил под своей властью северную и центральную часть Сербии. Он вступил в союз с владетелем южносербских земель Вуком Бранковичем и с правителями Зеты. С Венгрией и Боснией Лазарю удалось также наладить отношения. Все это позволило Лазарю выступить против турок во главе целой коалиции.
- ² Косово поле — около г. Приштина в Косо-Метохийской области.
- ³ Смагов — часть Косова поля на правом берегу р. Лаб (см. прим. 4).
- ⁴ Лядеш — р. Лаб, в долине которой произошла Косовская битва.
- ⁵ День св. Вита (по-сербски Видовдан) — 15 июня. После битвы на Косовом поле (1389 г.) Видовдан стал в Сербии днем церковного и народного траура.
- ⁶ Слова в скобках находятся в списках Р и А.
- ⁷ Милош Кобыла Кобылич — Милош Обилич, один из приближенных князя Лазаря, персонаж сербских эпических песен о битве на Косовом поле (см.: *Эпос Сербского народа*. М., 1963, с. 106—107).
- ⁸ Слова в скобках находятся в списках Р и А.
- ⁹ Старшего сына султана звали не Мустафа, а Якуб. Он был убит по приказу своего младшего брата Баязида, захватившего после этого султанский престол (см.: *История Югославии*, т. I, с. 110).
- ¹⁰ Илдрим Баязид — турецкий султан Баязид I Молниеносный (1389—1402).
- ¹¹ Крамир, воевода Топличский — по-видимому, легендарная личность. Топлица — область в Юго-Восточной Сербии.
- ¹² Сербская народная традиция, отразившаяся в первоначальной редакции родословия сербских деспотов, также говорит об изменниках в окружении Лазаря. Под влиянием народных песен пишут об этом Орбини (1601 г.) и Лукаревич (1605 г.), прямо называя изменником Вука Бранковича (*Јиречек К. Историја*, кн. I, с. 326).
- ¹³ Раваница — монастырь в Сербии, восточнее города Чуприя, в долине р. Моравы. Основан князем Лазарем в 1376—1377 гг. (*Наумов Е. П. Из истории феодальной земельной собственности в Сербии во второй половине XIV в.* — В кн.: *Славяне и Россия*. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972, с. 57).
- ¹⁴ Точная дата канонизации князя Лазаря неизвестна. Предполагается, что его канонизировал патриарх Даниил на архиерейском соборе в Раванице в 1390—1391 гг. Во всяком случае, несомненно, что канонизация Лазаря произошла до 1395 г., так как в грамоте Стефана Лазаревича русскому Пантелеймонову монастырю на Афоне, данной в этом году, Лазарь уже назван святым (*Павлович Л. Култови лица*, с. 125).
- ¹⁵ Столб, поставленный султаном на Косовом поле, частично (верхняя часть) сохранился до нашего времени и находится рядом с мечетью, построенной на месте гибели султана (*Лукач Д. Турски натписи Муратова и Бајракта-ревог турбета*. — В кн.: *Старине Косова и Метохије*. Приштина, 1961, с. 206—207). Кроме того, на поле стоял столб, поставленный сербами. Надпись «На стълпу мраморну на Косову» сохранилась в древнесербской письменной традиции (*Стојановић Л. Стари српски записи и натписи*, кн. III. Београд, 1905, с. 44—45).

- ¹ Стефан Лазаревич — сын князя Лазаря, сербский деспот (1389—1427). После Косовской битвы он признал над собой верховную власть султана и вынужден был со своими войсками участвовать в военных походах султана. Поддержав в междоусобной борьбе за турецкий престол Мехмеда I, Стефан Лазаревич с его согласия расширил границы своих владений. В его правление произошел некоторый подъем экономической жизни Сербии, особенно в области рудного дела. Заметно было оживление в письменности и в моравской школе архитектуры и живописи (см.: *Pavlović N. Despot Stefan Lazarević. Beograd, 1968*).
- ² Деспина не является собственным именем дочери Стефана Лазаревича, ставшей женой Баязида. Ее имя было Оливера. Деспина же означает просто жену или дочь деспота.
- ³ Морава — правый приток Дуная.
- ⁴ Деспотом Стефан Лазаревич был признан византийским императором Мануилом II Палеологом в 1402 г., после поражения турок Тамерланом под Анкарой.
- ⁵ Вук—Вук Бранкович, владетель южносербских земель; Георгий — сын Вука Бранковича, племянник Стефана Лазаревича, которому тот, оставшись бездетным, передал сербскую деспотовину. Георгий Бранкович правил ею с 1427 г. по 1456 г.
- ⁶ Сава — правый приток Дуная.
- ⁷ Первые турецкие вторжения в южные районы Венгрии произошли действительно при короле Сигизмунде, вскоре после битвы на Косовом поле (История Венгрии, т. I. М., 1964, с. 191). Константин ничего не упоминает о битве Сигизмунда Венгерского с Баязидом под Никополем в 1396 г.
- ⁸ В действительности землю, где стоит Белград, дал Стефану Лазаревичу не султан Баязид, а венгерский король Сигизмунд (*Pavlović N. Despot...*, с. 116). Для сербской средневековой традиции было характерно изображать милостивые пожалования султана Баязида. Согласно «Житию Стефана Лазаревича», написанному Константином Костенечским, Баязид называл Стефана сыном «старейшим и возлюбленным», и дал ему держать «землю свою в области своей». Впрочем, Константин Костенечский говорит, что Стефан сам «убо пришед, обретох краснейшее место от древле превеликий Бельград и по случаю разрушен и запустел, создах его». Найдя это место, Стефан «свьзпрошся от угор понеже аще и в пределах срьбских лежимо есть, яко на срдцу и плешу земли Угорьской обретается» (*Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 108, 111, 117*).
- ⁹ Стефан Лазаревич не только построил замок в Белграде (Верхний город), но и перестроил и расширил весь город, совершенно изменив его лицо (История Београда, кн. I. Београд, 1974, с. 157—163).
- ¹⁰ Темир — Тамерлан, знаменитый среднеазиатский полководец, эмир (1370—1405), правивший от имени потомков Чингисхана, почему, видимо, Константин и называет его великим ханом.
- ¹¹ Другие источники говорят о том, что султан взял с собой в поход двух сыновей (*Новичев А. История...*, с. 36).
- ¹² Здесь имеется в виду знаменитая битва при Анкаре, происшедшая 20 июля 1402 г.
- ¹³ Константин передает здесь, очевидно, какое-то особое предание о плене и смерти Баязида. Скорее всего, оно восходит к фольклору. Все письменные источники свидетельствуют, что Тамерлан не только не собирался отпускать Баязида, но повсюду возил его с собой, всячески унижая. Некоторые арабские писатели сообщают, что для этого Баязид был помещен в клетку. Баязид, желая прекратить свое унижение, отравился по пути в Самарканд в г. Акшехире в 1403 г. (*Новичев А. История...*, с. 37).
- ¹⁴ Слова, заключенные в скобки, находятся в списках А и Р.

- ¹ Хатай или Чагатач — неясно, какой город здесь имеет в виду автор. «Хатай» у мусульманских писателей обычно означает не название какого-либо города, а северную часть Китая, который был завоеван ханом Хубилаем в XIII в. и объединен с Монголией. Впрочем, уже с 1368 г. Китай отделился от Монголии. Чагатач — по-видимому, называется так по имени сына Чингисхана — Чагатая. Столицей великих ханов был г. Каракорум у подножья Хангайских гор, в верхнем течении р. Орхон.
- ² Имеется в виду Чингисхан, хотя в действительности Тамерлан не был его потомком.
- ³ Здесь можно видеть отголосок теории так называемого «Константинова дара», согласно которой Константин Великий уступил римскому папе западную часть империи. Впрочем, далее Константин пишет, что единство двух частей сохранялось.
- ⁴ Драч — (греч. Диррахий, албанск. Дуррес) — город в Албании, на берегу залива Дуррес Адриатического моря. Возможно, предание о Драче как столице Римской империи связано с остатками дворца в Сплите (ок. 300 г.).
- ⁵ Подобные генеалогические легенды были распространены среди представителей византийской знати, оказавшихся в эмиграции. Так, находившиеся с XV в. на русской службе Ласкаревы вели свой род от последнего никейского императора Константина. В свою очередь Константин объявлялся Ласкаревыми далеким потомком императора IV в. Иовиана, предки которого были в числе знатных вельмож, окружавших Константина Великого при основании Константинополя (Родословная книга по трем спискам. — «Временник ОИДР», 1850, кн. X, отд. II, с. 176—178). Примечательно, что Ласкаревы пришли в Москву из владений венгерского короля Матвея Корвина (Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих, ч. 2. М., 1787, с. 275—276). Между тем именно во владениях венгерского короля жили и сербские деспоты, в окружении которых автор «Записок янычара» и мог слышать переданную им генеалогическую легенду.
- ⁶ Стамбул — так турками был переименован Константинополь. Это название происходит от греческого *σταυρολ*, что означает «в город». Сами турки, однако, осмысливали это название как «Исламбол», т. е. «изобилие ислама».
- ⁷ Эта фраза содержится только в списке Р.
- ⁸ Романий (точнее, Ромеи) называлась не только Македония, но и вся Византия. Жители ее называли себя ромеями, т. е. римлянами.
- ⁹ Император Лев — византийский император Лев Исавр (717—741).
- ¹⁰ Император Карл — Карл Великий франкский король с 768 г. и император с 800 г. (ум. в 841 г.). Константин из Островицы таким образом ошибается, называя Льва и Карла современниками.
- ¹¹ Слова в скобках находятся в списке Р.
- ¹² Мисир — Египет, покоренный арабами. Султаны Египта во второй половине XV в. признавались халифами.
- ¹³ Имеются в виду слова Евангелия от Иоанна, X, 6.
- ¹⁴ Слова в скобках находятся в списках К, Р, А, L, M.
- ¹⁵ Ольбрахт — Ян I Ольбрахт, польский король (1492—1501). В 1494 г. на съезде в Левочи заключил антитурецкий союз с королем чешским и венгерским Владиславом и бранденбургским маркграфом Фридрихом (*Finke L. Zjazd Jagellonów w Lewowcu roku 1494. Lwów, 1914*). Поход Ольбрахта в Молдавию в 1497 г., однако, оказался направленным не столько против турок, сколько против молдавского господаря Стефана Великого. Ян Ольбрахт хотел заменить его своим братом Сигизмундом. Осада Ольбрахтом столицы Молдавского княжества Сучавы кончилась неудачей. При отступлении польские войска 26 октября были разбиты в Козминском лесу неподалеку от Черновиц. (Об этом см.: *Pappe E. Jan Olbracht. Kraków, 1936; Spieralski Z. Awantury Moldawske. Warszawa, 1967; Papascostea S. Politica externa a Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare: puncte de reper. — «Revista de istorie». București, 1975, N 1, с. 15—31*).

В ответ на поход 1497 г. в следующем году Турция совместно с крымскими татарами предприняла опустошительный поход на Подолию и Червонную Русь. В 1501 г. Ольбрахт вынужден был заключить с Турцией мир. (Об этом см.: *Spieralski Z. Po klesce bukowskińskiej 1497. Pierwsze najazdy Turków na Polskę.*— In: *Studia i materiały do historii Wojskowości*, IX/I. Warszawa, 1963).

ГЛАВА XIX

¹ Слова в скобках содержатся в списках Р, А.

² Мурад II (1421—1451) в действительности был не сыном, а внуком Баязида, сыном Мехмеда I. В некоторых списках «Записок» он ошибочно назван Мурадом III. У Константина произошла своеобразная контаминация султанов Мурада II, Сулеймана, Мусы и Мехмеда I в личность первого из них. В действительности же, после пленения Баязида, султаном стал его сын Сулейман (1402—1410). В 1410 г. он был свергнут и убит своим братом Мусой, который царствовал всего три года. В 1413 г. престол был захвачен младшим из сыновей Баязида — Мехмедом I, правившим до 1421 г., когда на престол вступил Мурад II.

ГЛАВА XX

¹ Фраза содержится в списках Р и А.

² Император Сигизмунд — Сигизмунд Люксембургский (1387—1437), венгерский король; с 1410 г. — император Священной Римской империи.

³ Будзин — Буда (часть современного Будапешта); с 1350 г. — постоянная резиденция венгерских королей.

⁴ Король Матиас — Матиаш Корвин, венгерский король (1458—1490).

⁵ Архиепископ Острогомский (Эстергомский) — глава католической церкви в Венгрии.

⁶ В действительности договор с Венгрией был заключен в 1426 г. (в г. Тата), когда Стефан Лазаревич был еще здоров. Кроме Белграда, наследник деспота Георгий Бранкович, признанный Венгрией, за это признание должен был отдать ей Голубац и Мачву. Сдача Белграда произошла в 1427 г. (см.: *Радонић Ј. Споразум и Тати 1426 и српскоугарски односи XIII—XVI в.* — В кн.: Глас СА, CLXXXVII. Београд, 1941, с. 117—232).

⁷ Поле Головы — точнее, поле Главица поблизости от Белграда, у села Стойник. Стефан Лазаревич умер в поле во время охоты (*Paolović N. Despot...*, с. 227—228).

⁸ Монастырь Ресавы (иначе Манасия) — расположен в Восточной Сербии, недалеко от г. Деопотовац; построен Стефаном Лазаревичем в 1407—1418 гг.

⁹ Смедерево — город юго-восточнее Белграда. Крепость его сохранилась до нашего времени. С 1430 по 1459 г. Смедерево — столица Сербской деспотины. Византийский хронист Дука пишет, что Смедеревская крепость возводилась с разрешения султана (*Тиркович С. Смедерево престоница српске деспотовине; Филиповић Н. Неколике белже око Смедерева.* — В кн.: Ослобођење градова у Србији од Турака 1862—1867 год. Београд, 1970, с. 61—69, 121—142).

¹⁰ Здесь рассказывается о трехмесячной осаде Смедерева в 1439 г.

¹¹ В Смедереве остались сын деспота — Григорий (Гргур) Георгиевич и его зять — Фома Кантакузин. С. Чиркович ошибочно говорит о Лазаре Георгиевиче (см.: *Тиркович С. Смедерево...*, с. 66).

¹² Владислав — Владислав III, король Польши (с 1434 г.) и Венгрии (с 1440 г.). Погиб в битве с турками под Варной в 1444 г.

¹³ Казимир — Казимир IV Ягеллончик (1446—1492). Константин называет его здесь королем польским, несколько опережая события. При жизни Владислава его брат Казимир был лишь великим князем литовским.

¹⁴ Слова, заключенные в скобки, находятся в списках К, Р, А и М.

ГЛАВА XXI

¹ Дата указана Константином неверно. Поход, о котором он рассказывает, в действительности состоялся в 1443 г.

² Золотые, или Железные, ворота — Златица, ущелье в Главном Балканском хребте.

³ Пирот — город в Сербии по обеим берегам р. Нишава, притока южной Моравы.

⁴ Рымовичи (по спискам Р, А, Л, М — более правильно Куновицы). Битва произошла 2 января 1444 г. На поле боя пал шурин султана, Махмуд Челебия (*Јиречек К. Историја...*, т. I, с. 367). Победа при Куновицах вызвала подъем освободительного движения у южных славян. Вспыхнули восстания в г. Ново Брдо (Сербия) и в Софийском округе. Затем восстания прокатились по Греции и Албании (см.: *Зиројевић О. Турско војно уређење у Србији (1469—1683).* Београд, 1974, с. 106; *Достјан И. С. Борба српског народа против турецког ига XV — начало XIX в. М., 1958, с. 14).*

⁵ Тайяницы — находятся близ горы Куновицы.

⁶ Добрыгич (Добрич) — поле при впадении р. Топлицы в Мораву.

⁷ Эта фраза содержится в списках Р и А.

⁸ Вместе со Смедеревым деспоту были возвращены еще 23 города, в том числе Голубац и Крушевац. Как показывает недавно открытый турецкий источник, посвященный истории войн Мурада II, это возвращение деспоту владений произошло только в результате заключения Бранковичем сепаратного мира с Мурадом II уже после заключения мира в Сегедине (см. гл. XXIII, прим. 1). Об этом подробнее: *Inaldzik H. Pitanje Segenskog mira i kriza Turske drzave 1444.* — В кн.: *Prilozi za orientalnu filologiju*, т. XII — XIII. Sarajevo, 1965, с. 286—289.

ГЛАВА XXII

¹ Подлинные причины отречения Мурада II заключались в крайнем обострении против него внутренней оппозиции. Отречение произошло не до битвы под Варной, как получается по Константину, а после нее (*Бабингер Ф. Мехмед Освојач и негов доба. Матица-Српска, 1968, с. 37—41).*

² Уподобление дервишей христианским монахам не совсем точно. В частности, дервиши не давали обета безбрачия, хотя и старались на длительное время воздерживаться от брачной жизни. Институт дервишей был формой организации суфиев — мусульманских мистиков. Окончательно их ордена оформились к X в.

³ Столь подробное описание радений дервишей уникально, так как обычно на этих радениях могли присутствовать только суфии, входившие в дервишские общины (*Петрушевский И. П. Ислам...*, с. 324).

⁴ Орт — турецкая денежная единица, равнявшаяся от 1/4 до 1/8 части талера.

ГЛАВА XXIII

¹ Автор «Записок» сообщает об этом перемирии как о семилетнем. В действительности оно было заключено сроком на десять лет в Одрине в июле 1444 г. и подписано в августе 1444 г. в Сегедине. Согласно договору, Сербия, как уже сказано выше, возвращалась 24 города, в том числе Смедерево, Голубац, Крушевац, Ново Брдо и др. Сербия платила дань, как и ранее. Ослепленные сыновья деспота возвращались ему. Король Владислав получал большую контрибуцию. Со своей стороны он давал обязательство не вторгаться в пределы Турции (см.: *David Angyal. Le traité de paix de Szeged avec les Turcs 1444.* — In: *Revue de Hongrie.* Budapest, 1911, с. 233—268, 374—392).

² Инициатором похода именно в это время был кардинал Юлиан Цезарини (по настоянию папы Евгения VI). Папе необходимо было повлиять на мнение Собора посредством блестящей победы над турками, организатором которой он хотел себя представить.

³ Янкул, отец Матиаса — Янош Хуньяди, крупнейший венгерский магнат, с 1446 по 1456 г. правитель Венгрии с титулом губернатора, отец короля Матиаша (Матвея) Корвина. В 40—50-е годы XV в. находился во враждебных отношениях с сербским деспотом Георгием Бранковичем, чем в значительной мере и объясняется крайне неблагоприятная позиция по отношению к нему со стороны автора «Записок». Янкулом называют Яноша Хуньяди и сербские летописи (*Стојановић Л. Стари српски родослови...*, с. 243).

⁴ Деспот Георгий опасался нарушить Сегединский мирный договор, по которому значительная часть Сербии освобождалась от прямой османской зависимости. Подробнее об этом см.: *Skrivanić G. Zasto despot Đurađ nije učestvovao na Varni.* — «Vesnik Vojnog muzeja», 1970, t. 16, с. 227—230.

⁵ Видин — город-крепость на северо-западе Болгарии. О взятии Владиславом Видина пишет и немецкий поэт Михаил Бехайм. Он сообщает, что жители Видина пошли вслед за войском Владислава. (*Недев С. Т. Птищата на Владислав III и Мурад II към Варна през 1444.* — В кн.: Варна 1444. София, 1969, с. 212).

⁶ О том, что Хуньяди уговаривал короля в этот момент битвы решительно двинуться против турок, пишет и турецкий хронист конца XV — начала XVI в. Мехмед Нешри (*Ибрахим Тосун Татарл. Османски извори за походите на Владислав III Ягело и Ян Хуниади (1443—1444).* — В кн.: Варна 1444, с. 417—418).

⁷ Эта фраза содержится в списках Р, А, L.

Об опознании головы короля сообщает и Обруч бин Один, турецкий хронист XV в. (Османски извори..., с. 392).

Калиф (халиф) — наместник Мухаммеда, духовный глава мусульман. В XV в. халифы жили в Каире.

⁸ О битве под Варной подробнее см.: *Halecki O. The Crusade of Varna. A discussion of Controversial Problems.* New York, 1943; *François P. Un moment décisif Sud-Est européen la croisade de Varna.* — «Balcania», t. 7. București, 1944; *Zolnay V. Vereinigungsversuche im XV Jahrhundert.* Frankfurt — Koblenz, 1967; Сражения при Варне на 10 ноября 1444 года. — В кн.: Варна 1444, с. 234—259. Ни один из источников, кроме «Записок янычара», ничего не сообщает об эпизоде у ущелья.

ГЛАВА XXIV

¹ Янош Хуньяди выступил осенью 1448 г. в поход против турок, желая оказать помощь Скандербегу (см. гл. XXXIII, прим. 22). Его войска насчитывали около 30 тыс. и состояли из чехов, венгров, поляков и немцев (*Новичев А. Д. История Турции*, т. I, с. 42; *Зиројевић О. Турско војно*, с. 52). В войсках Хуньяди были, помимо всадников, лучники, пехота со щитами, гренадеры, различные военные орудия, в том числе мортиры и пушки, монтированные на подводы. (*Элекеш Л. Армия Гуниади.* — В кн.: *Acta historica Academiae scientiarum Hungaricae*, t. I. Budapest, 1951, с. 51).

² Хотя сербский деспот и придерживался строгого нейтралитета, Янош Хуньяди рассматривал его землю как территорию врага и подверг ее опустошению и грабежам. (*Бабингер Ф. Мехмед Освојач...*, с. 47).

³ О битве на Косовом поле в 1448 г. см.: *Элекеш Л. Армия...*, с. 52—54.

⁴ Загорье — по-видимому, Константин имеет в виду г. Подгорицу (ныне Титоград) в Черногории. Впрочем, Белмужевич правили в Медуне, по соседству с Подгорицей, а не в ней самой. Кроме того, в указанное время известен не Стефан, а Милош Белмужевич (*Историја Црне Горе*, кн. II. Титоград, 1970, с. 229—260). Возможно, Константин спутал два города, расположенных по соседству.

⁵ Слова в скобках содержатся в списках К, Р, А.

⁶ Константин здесь приукрашивает действия сербского деспота. В действительности деспот приказал арестовать Яноша Хуньяди и отпустил его только за выкуп в 100 000 дукатов, который он рассматривал как компенсацию

за разорения, произведенные войсками Хуньяди в Сербии (*Јуречек К. Историја Срба*, кн. I, с. 373—377).

⁷ Эта фраза содержится в списках Р, А.

ГЛАВА XXV

¹ Мехмед II Завоеватель правил с 1451 по 1481 г.

² Глипотлица — точнее Дубочица (греч. Дендра), область в Лесковацкой впадине в районе Пустой Реки. Списки «Записок» дают самые различные варианты названия этого города (Хлебочица, Робешчице, Хлюботице и т. д.). Это связано с разным написанием этого названия в средневековой Сербии.

³ Согласно договору, византийский император Константин XI выплачивал дань султану.

⁴ Константин имеет в виду поход Мехмеда II на Караманию в 1451 г., государство в Киликии (южная часть центра Малой Азии). Правителем Карамании в это время был Ибрагим-бег, имя которого автор заменил названием страны. После поражения Ибрагим признал зависимость султана (*Бабингер Ф. Мехмед Освојач...*, с. 64).

⁵ Последняя фраза содержится в списках Р, А и L.

ГЛАВА XXVI

¹ Пояс святого Георгия — пристань в окрестностях Константинополя.

² Каталонцы — грабительские шайки пиратов, действовавшие в Византии, главным образом в Македонии, Фессалии, Беотии и Аттике.

³ Белое море — вероятно, под Белым морем Константин понимает Эгейское море. Впрочем, Белым морем называлось и Каспийское (по-грузински оно и называется Тетрисива, т. е. Белое море). (См.: *Брун Ф. Путешествие...*, с. 50, прим. 12).

⁴ Заключительная часть фразы содержится в списках Р и А. Более правильное название замка — Румелихисар; построен поблизости от Константинополя в 1452 г.

⁵ Якшичи — знатный сербский род. Родоначальником их был Якша, воевода деспота Георгия Бранковича. Его сыновья, Дмитрий и Стефан, были на службе у венгерского короля Матиаша Корвина.

⁶ Фраза содержится в списках Р и А.

⁷ Это важное автобиографическое упоминание Константина имеется только в списке С.

⁸ Эта авторская фраза содержится в списках К, Р, А, С. М.

⁹ Константин намекает здесь на то, что воины из Нового Брдо, в том числе и он сам, сделали подкоп под стены Константинополя (см.: *Јуречек К. Историја Срба*, кн. I, с. 378).

¹⁰ Гон — древнепольская единица длины, равная 100 футам, т. е. около 30 м.

¹¹ Галата или Пера — не отдельный город, а квартал в Константинополе.

¹² Византийский историк Георгий Сфрандзи, секретарь Константина XI, также пишет в своей хронике об измене в Константинополе, указывая на представителей высшей византийской аристократии (*Phrantzæ Georgii. Chronikon. Bonnæ, 1838, p. 241*). Предательски вели себя и генуэзцы Галаты, помогавшие туркам. Оставил поле боя в решительный момент командующий сухопутным участком обороны города генуэзец Джованни Джусти-ниани (*История Византии*, т. III. М., 1967, с. 194—196).

¹³ Тело императора было опознано по пурпурным сапожкам с золотыми орлами, носить которые было прерогативой императора. Его голова была выставлена на высокой колонне в центре города (подробнее об этом см.: *Runciman St. The Fall of Constantinople. Cambridge, 1965*). Драгошем император Константин назван автором потому, что его мать Елена принадлежала к роду сербских князей Драгашей (*Острогорски Г. Господин Константин Драгош.* — В кн.: Сабрана дела, кн. IV. Београд, 1970, с. 271—280).

ГЛАВА XXVII

- ¹ Слова в скобках содержатся в списках Р, А.
- ² Трепаня — название ручья, а не горы; находится около г. Ново Брдо. Битва здесь произошла 16 ноября 1454 г.
- ³ Никола Скобалич — командовал войском, отсеченным турками от главных сербских сил. О его пленении сообщают и турецкие источники (см.: *Цветкова Б. А.* Новые данные о крестьянах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства. — «Византийский временник», 1958, вып. XIII, с. 195).
- ⁴ Ново Брдо — город в области Косово-Метохии.
- ⁵ Сдача Нового Брдо произошла 1 июня 1455 г. после сорокадневной бомбардировки города (*Зиројевић О.* Турско војно..., с. 58).
- ⁶ Слова в скобках содержатся в списках К, А, М.
- ⁷ Слова в скобках содержатся в списках Р, А.
- ⁸ Слова в скобках содержатся в списках К, М.
- ⁹ Слова в скобках содержатся в списке К.
- ¹⁰ Самоков — город в Болгарии, в 60 км на юго-восток от Софии.
- ¹¹ Слова в скобках содержатся только в списке К.
- ¹² Слова в скобках содержатся в списках Р, А.

ГЛАВА XXVIII

- ¹ Лазарь — сын Георгия Бранковича, впоследствии сербский деспот (1456—1458).
Михаил Силаджи — Михай Силадьи, крупнейший южновенгерский магнат. Являясь шурином Яноша Хуньяди, Силадьи в период магнатских распрей выступал на стороне семьи Хуньяди и сыграл большую роль в провозглашении в 1458 г. Матиаса Корвина королем. После этого Силадьи был назначен правителем Венгрии на пять лет. Король Матиас, опасаясь усиления его влияния, в том же 1458 г. арестовал Силадьи, но в 1459 г. примирился с ним. Вскоре Силадьи попал в плен к туркам и был ими казнен (История Венгрии, т. I, с. 212—214).
- ² Владислав — Владислав (Уласло V), венгерский король (1454—1457), сын императора Священной римской империи Альбрехта II. Хотя Владислав и был возведен на престол при поддержке Яноша Хуньяди, он, по-видимому, тяготился его опекой. После смерти Яноша Хуньяди Владислав казнил его сына. Это вызвало возмущение в стране, и король бежал в Чехию, где и умер в 1457 г.
- ³ Князь Цельский — Ульрих Цельский, хорватский бан и австрийский граф, возглавивший партию, враждебную Хуньяди.
- ⁴ Это убийство произошло в Белграде 9 ноября 1456 г., когда король Владислав V посетил этот город. Уласло (Владислав) Хуньяди, старший сын Яноша, являвшийся капитаном Белграда, велел поднять мост крепости, отрезав тем самым короля от его войск. В происшедшей стычке Ульрих Цельский был убит. За это Уласло Хуньяди был казнен по приказу короля. (*Лиречек К.* История Срба, кн. I, с. 383—384; История Венгрии, т. I, с. 212). Слова в скобках находятся в списках Р, А.
- ⁵ Томаш — точнее, Стефан Томаш (1443—1461). Стефан Томаш получил Смедерево из рук венгерского короля на условиях признания его своим господином. 21 марта 1459 г. в Смедерево состоялась коронация Стефана как сербского деспота. Смедерево принадлежало боснийскому правителю очень недолго. 20 июня его захватили турки. (См.: *Тирковић С.* История средневековье Босанске државе. Београд, 1964, с. 318—319).
- ⁶ Матиас Корвин воевал с Чехией с 1468 по 1479 г. Им были присоединены к Венгрии Моравия, Силезия и Лужицы. В 1477—1485 гг. Корвин вел войну с Австрией, оккупировав в 1485 г. Вену. В дальнейшем он намеревался стать императором Германской империи (История Венгрии, т. I, с. 234—237).
- ⁷ Слова, заключенные в скобки, содержатся в списках Р и А.

ГЛАВА XXIX

- ¹ Битва за Белград происходила с 14 по 22 июля 1456 г. Подробнее о ней см.: История Београда, кн. I, с. 189—217.
- ² Как свидетельствуют некоторые турецкие источники, султана отговорили от перехода через Дунай беки. Они опасались, что Караджа, румелийский беглербег (см. гл. X, прим. 3), став победителем, отодвинет их на задний план (История Београда, кн. I, с. 202).
- ³ Караджа умер в ночь с 21 на 22 июля, перед штурмом города. Его смерть действительно во многом дезорганизовала турецкую армию.
- ⁴ Это слово содержится в списках Р, А, М.

ГЛАВА XXX

- ¹ Итальянская миля — неясно, какую из трех итальянских миль Константин имеет в виду: неаполитанскую (2,226 км), римскую (1,489) или венецианскую (1,739 км).
- ² Константин имеет в виду укрепления на Коринфском перешейке — Гексамилон, со рвами, двумя крепостями и 153 башнями. Гексамилон был возведен в 1415 г. при императоре Мануиле II. На содержание этих укреплений с жителей Мистры взимался тяжелый налог (*Медведев И. П.* Мистра. Л., 1973, с. 34, 72). Однако укрепления эти были возведены слишком поспешно и легко преодолевались турками (*Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века. М., 1973, с. 322).
- ³ По данным других источников, дань равнялась 12 тыс. золотых монет (История Византии, т. III, с. 203).
- ⁴ Начало турецкого похода на Пелопоннес относится к маю 1458 г.
- ⁵ Фессалоники — ныне Салоники (славянск. Солунь), город в Греции, на берегу Эгейского моря, близ устья р. Вардар.
- ⁶ По свидетельству византийского историка Критовула, Димитрий и не собирався оказывать серьезного сопротивления султану, заранее договорившись с ним о сдаче города (*Удальцова З. В.* Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания по данным византийского историка Критовула. — В кн.: Средние века, т. III. М., 1951, с. 173). И. П. Медведев считает, однако, данные Критовула «крайне тенденциозными» (*Медведев И. П.* Мистра, с. 40—41).
- ⁷ Укрепления на Коринфском перешейке были захвачены турками 10 декабря 1446 г. (*Медведев И. П.* Мистра, с. 38).
- ⁸ Корфу — остров в Ионическом море. Очевидно, составляя свои «Записки» через многие годы после описываемых событий, Константин перепутал здесь название и вместо города Коринфа написал об острове Корфу.
- ⁹ Балибатр — Патрас, город в Греции, на берегу Ионического моря.
- ¹⁰ Леондар — Леонтарион, город недалеко от Коринфа, столица брата Дмитрия — Фомы, одного из двух морейских деспотов. Автор «Записок» о нем не упоминает.
- ¹¹ Ливадия — город севернее Афин.
- ¹² Негропонт — город на о. Эвбея, венецианская колония; захвачен турками в 1470 г.
- ¹³ Мистра — Мистра, город близ древней Спарты. Мистра пала 30 мая 1460 г. О ее завоевании турками см. подробнее: *Медведев И. П.* Мистра, с. 39—41.
- ¹⁴ Коринф — город на северо-востоке Пелопоннеса. В действительности Коринф после упорного сопротивления был взят еще в августе 1458 г.
- ¹⁵ Энос — город близ устья р. Марицы.
- ¹⁶ Синоп — город на севере Малой Азии. Правителем Синопа был Измаилбек, шурином Мехмеда II. Он предпринимал попытки сопротивляться султану, для чего вступил в союз с Караманней (гл. XXV, прим. 4) и Узунхасаном (гл. XXXI, прим. 2). В 1461 г. Измаилбек сдал Синоп без боя, за что и был пощажен. Константин допускает здесь некоторую неточность: сначала Измаилбек получил взамен Синопа владения в Анатолии.

- ¹⁷ Станимак — Станимака (ныне Асеновград), город в Болгарии, у северного подножья Родопских гор.
- ¹⁸ Под султаном здесь подразумевается Узунхасан (см. гл. XXXI, прим. 2).
- ¹⁹ Одним из наиболее крупных святых городов являлся город Кирбела в Ираке. Он был построен на месте сражения внука Мухаммеда халифа Али с халифом Язидом в 680 г. (см.: *Lestrangle G. The Lands of Eastern Caliphate*. Cambridge, 1905, p. 78).

ГЛАВА XXXI

- ¹ Трапезунд — город на северо-востоке Малой Азии.
- ² Узунхасан — правитель тюрков-огузов государства Ак-Коюнлу, иначе — Белобаранной Орды (1453—1478). Это государство возникло в верховьях р. Тигр. Ак-Коюнлу покорило себе Армению, Азербайджан, Иран и Западный Иран. Столица Узунхасана находилась в г. Тебризе (Азербайджан).
- ³ Джанибек Гирей — крымский хан (1477—1478). В действительности в период, описываемый в данной главе, в Крыму правил Хаджа Гирей (1433—1466).
- ⁴ Тархигористан — Грузия.
- ⁵ На самом деле Грузия никогда не была в зависимости от Трапезундской империи. Связь между этими государствами была теснейшая, но скорее, наоборот, можно говорить о грузинских влияниях на Трапезунд. Самим своим возникновением (1204 г.) империя была обязана Грузии. При трапезундском дворе всегда были влиятельны выходцы из Грузии (История Византии, т. III, с. 46—48).
- ⁶ Эта фраза содержится в списках С, L и M.
- ⁷ Сведения Константина о шестинедельном сопротивлении Трапезунда не подтверждаются другими источниками. Правитель Трапезунда Давид Комнин, регент при четырехлетнем императоре Алексее, пытался организовать отпор туркам. Для этого он хотел заключить союз с Римом и рядом западных стран, а также с Узунхасаном. Убедившись, однако, в нереальности их помощи, Давид после кратких переговоров 15 августа 1461 г. сдал столицу Трапезундской империи без боя (История Византии, т. III, с. 206).
- ⁸ Нискар — город во внутренней Анатолии.
- ⁹ Здесь Константин имеет в виду взятие турецкими войсками Смедерева, что произошло 20 июня 1459 г.

ГЛАВА XXXII

- ¹ Карахисар — Шабин-Карахисар, крепость в Хорасане.
- ² В действительности Евфрат впадает не в Черное море, а, сливаясь с рекой Тигр, — в Персидский залив.
- ³ Бабил — древний город Вавилон на берегу р. Евфрат. Его развалины находятся близ современного г. Хилла в Ираке.
- ⁴ Агора — Анкара.

ГЛАВА XXXIII

- ¹ Дракула — Влад III «Дьявол», валашский господарь (1431, 1436—1442, 1443—1447). Его прозвище «Дракула» означает «Дракон». Влад получил его за принадлежность к рыцарскому ордену Дракона, основанному императорами Священной Римской империи (*Лурье Я. С. Повесть о Дракуле*. М.—Л., 1964, с. 3).
- ² Влад — Влад IV Цепеш («Сажатель на кол»), валашский господарь (1456—1462 и 1476—1477), широко известный в литературе своей садистской жестокостью. В 1442 г. вместе с отцом попал в турецкий плен. После освобождения отца оставался в Турции в качестве заложника до 1447 г. Константин из Островицы допускает неточность, говоря, что Влад был послан самими турками на валашский престол. Турки действительно хотели сделать его господарем, но Влад, не дожидаясь этого унижительного для него

акта, убежал к господарю Богдану II, а потом в Трансильванию, под покровительство Яноша Хуннади. Только после победы венгров над турками под Белградом в 1456 г. Влад смог занять валашский престол. О Владе Цепеше см.: *Popescu G. Țepeș*. București, 1964.

- ³ Радул — Раду Красивый, валашский господарь (1462—1474), занявший валашский престол после захвата венграми в плен Влада.
- ⁴ Браила — город в современной Румынии, на левом берегу Дуная, там, где сходятся два его рукава.
- ⁵ Константин из Островицы рассказывает здесь о походе Влада IV на турок в 1462 г.
- ⁶ Никополь — город в Болгарии, на правом берегу Дуная, близ места впадения в него р. Осым.
- ⁷ Куриста — местонахождение этой крепости установить не удалось.
- ⁸ Как рассказывается в многочисленных легендах, посадение на кол было любимейшей казнью у Дракулы. Так нередко он расправлялся и с посланцами (*Лурье Я. С. Повесть...*, с. 7 и др.).
- ⁹ Прозвище «Дракула» даже в большей мере связано с Владом IV, чем с Владом III.
- ¹⁰ Константин из Островицы вспоминает здесь о битве под Турну, которая произошла в мае 1462 г.
- ¹¹ Под несвободными янычарами Константин подразумевает тех янычар, которые были рекрутированы из вновь завоеванных земель. Они не имели права наследования в отличие от янычар, набранных с земель, давно вошедших в состав Османской империи (подробней об этом см. в гл. XXXVIII).
- ¹² Автор повествует здесь об осаде турками столицы Валахии Тырговиште.
- ¹³ Сведения об этом излагаются Константином из Островицы не совсем точно. Дракула не сам выехал в Венгрию, а был насильственно туда отправлен своими врагами, предложившими престол Раду.
- ¹⁴ Калиполь, Калиополь — Галиполи.
- ¹⁵ Мауна — судно с веслами и парусом: внутри мауны устраивались лавки.
- ¹⁶ Галея — парусное судно, галера.
- ¹⁷ Галаче — судно, устройство которого близко к мауне.
- ¹⁸ Берганта — от итал. бригантина, небольшое двухмачтовое судно.
- ¹⁹ Митлен — о. Мальта.
- ²⁰ Деяния Апостолов, XXVIII, 4—5.
- ²¹ Арбанасский князь — неясно, какого именно албанского князя здесь имеет в виду автор. Помимо Скандербег (см. гл. XXXIII, прим. 22) в это время в Албании были еще следующие князья: Георгий Арианти, Андреа Топля, Никола и Паль Дукагани, Теодор Корона Музака (*Ариш Г. Л. и др. Краткая история Албании*. М., 1965, с. 22).
- ²² Скиндер Иванович — Скандербег, Георгий Кастриоти (ок. 1405—1468), албанский князь, прославленный руководитель борьбы албанского народа с турецкими захватчиками. Скандербегом Кастриоти был назван турками, уподоблявшими его за полководческий талант Александру (по-арабски — Искандер) Македонскому. Отца Скандербег звали Ёон, что по-албански соответствует имени Иван. Ивановичем Скандербег называли в Сербии и Болгарии, как об этом свидетельствуют многочисленные записи в древних рукописях. (См. об этом: *Дуйчев Иван*. Георги Кастриоти Скандербег в славянската литература от XV—XVII вв.—В кн.: Георги Кастриоти Скандербег (1468—1968). София, 1970, с. 92—93).
- ²³ Иванова Земля — владения отца Скандербег Гюна — Ивана Кастриоти. Они охватывали районы Дибры, Мати и некоторые прибрежные территории (см.: *Ариш Г. Л. и др. Краткая история...*, с. 20).
- ²⁴ По данным западных историков, как и соотечественника Скандербег — хрониста конца XV — начала XVI в., Скандербег после поражения турецких войск под Нишем бежал со своим отрядом в Дибру, а затем в Крую, где и был провозглашен главой княжества Кастриоти (*Ариш Г. Л. и др. Краткая история...*, с. 21). Восточные же источники пишут об этом событии, как и Константин из Островицы, а именно, что султан назначил Скан-

дербега санджаком в отцовские земли, и он лишь после этого поднял восстание (*Буда А.* Борьба албанского народа под водительством Скандербега против турецких завоевателей.— В кн.: Повесть о Скандербеге. М.—Л., 1957, с. 72).

ГЛАВА XXXIV

- ¹ Томаш — в действительности Стефан Томашевич (см. гл. XXVIII, прим. 5).
- ² Ситница — река, протекающая через область Косово и впадающая в р. Ибар.
- ³ Ковачевич — область Боснии по среднему Подрињу.
- ⁴ Бобовац — крепость в Боснии, в которой хранились королевские драгоценности. Крепость состояла из верхнего и нижнего города.
- ⁵ Яйце — город в Боснии, при впадении р. Пливы в р. Врбас, последние два года существования Боснийского государства был его столицей.
- ⁶ Ключ — город в северо-западной части Боснии на р. Сане.
- ⁷ Слова, заключенные в скобки, находятся в списках К, Р и А.
- ⁸ Звечай — город в Боснии, на левом берегу верхнего течения р. Врбас.
- ⁹ Поход Матиаша Корвина против турок в Боснию начался в октябре 1463 г.
- ¹⁰ Осада Яйце продолжалась до середины декабря 1463 г. и потребовала сосредоточения у крепости значительной части венгерских сил (*Тирковий С.* Историја средновековне..., с. 331—332).

ГЛАВА XXXV

- ¹ Эти слова есть только в списках Р и А. Турки безуспешно осаждали Яйце с июля по сентябрь 1404 г.
- ² Неясно, кого из боснийских князей имеет в виду автор. Оба оставшихся в живых князя (Влатко Герцегович и Георгий Чемерович) бежали в Дубровник (*Тирковий С.* Историја средновековне..., с. 333).
- ³ Слова, заключенные в скобки, содержатся в списках Р и А.

ГЛАВА XXXVI

- ¹ В 1463—1464 гг. папа Пий II действительно развил бурную деятельность по организации крестового похода против турок. Во все страны Западной Европы были посланы папские легаты с буллой. Папа сам собирался возглавить поход, для чего 19 июля 1464 г. прибыл в Анкону, где уже была собрана флотилия. Однако смерть папы, наступившая 15 августа, помешала реализации планов похода (*Бабингер Ф.* Мехмед Освојач..., с. 199—204).
- ² Неясно, почему именно начиная с папы Формоза (891—896), по Константиноу из Островицы, греки перестали почитать пап святыми. Открытый конфликт православной церкви с Римом начался еще в 867 г., в правление папы Николая I. Папа же Формоз скорее известен своими распрями внутри самой католической церкви. Над папой Формозом его преемником был устроен посмертный суд, лишивший его сана.
- ³ Новый двор султанов в Адрианополе — Эски-Сарай на берегах р. Тунджи. Его описание см.: *Теплов В.* Адрианополь в 1874 г. СПб., 1877, с. 17—22.

ГЛАВА XXXVII

- ¹ Султан Баязид правил с 1481 по 1512 г. Джем-Султан был изгнан вначале в Египет, потом на о. Родос, далее бежал во Францию, а затем в Италию, где был отравлен в 1494 г.
- ² Кафа — была завоевана турками в 1475 г.
- ³ Килию (в устье Дуная) и Белгород (иначе Акерман, в устье Днестра) турки захватили в 1484 г. Эти города находились в зависимости не от Валахии, а от молдавского господара,

ГЛАВА XXXVIII

- ¹ Люди, входившие в состав турецкого гарнизона, назывались мустафизы, что означает «стража крепости» (*(Sabanović H. Vojno uređenje Bosne od 1468 do kraja XVI stoljeca.— In: Godisnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine. Godina XI 1960. Sarajevo, 1961, s. 210—211).*
- ² Диздар ведал крепостью и городом. Он должен был постоянно находиться в крепости, не имел права покинуть его без разрешения правительства, как и пустить иноземца во вверенную ему крепость (*(Sabanović H. Vojno..., s. 211).*
- ³ Чехай — помощник диздара.
- ⁴ Булюк-паша — командир отряда-булюка, на которые делились мустафизы.
- ⁵ Хотя в Турции вся земля и считалась государственной собственностью и формально не могла передаваться по наследству (об этом и говорит Константин), в действительности уже к XIII в. в Сельджукском султанате феодальные владения все более приобретали характер ленов, т. е. наследственных владений. В XIV—XV вв. эти владения делились на хассы, которыми наделялись визири, члены султанской семьи и сипахин; их владельцы составляли основную военную опору султана. В свою очередь сипахин делились на знаметы (в несколько сел) и тимары (1—2 села). Если владельцы хассов и знаметов обладали налоговым и административным иммунитетом, то тимариоты его были лишены. Кроме того, существовали вакфы, даже и формально неотчуждаемые земельные владения мусульманского духовенства. Вакфы пользовались налоговым и административным иммунитетом. Безусловное землевладение представляли собой мюльки, получаемые за особые заслуги. Впав в немилость у султана, их владельцы все равно сохраняли за собой право собственности на мюльки, иногда весьма крупные (*Новичев А. Д.* История Турции, т. I, с. 14, 53—56). Их упускает из внимания автор «Записок».
- ⁶ Вельможи султана, о которых упоминает Константин из Островицы, не были обычными судьями. Обычные судебные функции в Турции исполняли духовные судьи — кадии. Судебного иммунитета в Турции совершенно не существовало.

ГЛАВА XXXIX

- ¹ Хазука — верхняя одежда турок.

ГЛАВА XL

- ¹ Азапы — первоначально означали войска, служившие в морском и речном флоте. В XV в. ими иногда называли гарнизоны пограничных крепостей (*(Sabanović H. Vojno..., s. 216).* Константин же имеет в виду здесь третье значение этого названия — пехотные войска вообще.
- ² Командир азапов назывался азап-ага.
- ³ Беглербег — наместник султана, в руках которого находилась военная и административная власть округа. В XV в. в Османской империи было два таких наместничества: Анатолийское (Малая Азия) и Румелийское (от Рум — Рим, т. е. страна ромеев — Византия). Румелийский беглербег был рангом выше анатолийского (*Новичев А. Д.* История Турции, кн. I, с. 65).
- ⁴ Воеводами Константин называет здесь санджакбегов, стоящих во главе санджакбегств (санджак — знамя), на которые делились беглербегства.
- ⁵ Субаша в захваченных турками землях осуществлял военно-административную власть в значительных городах и прилегающих к ним округах (вилайетах). Во главе менее значительных вилайетов стояли вилайетские воеводы (*(Sabanović H. Vojno..., s. 202—204).*
- ⁶ Имеется в виду румелийский беглербег.
- ⁷ Сарахора — неясно, какая здесь имеется в виду земля. Возможно, это и не название территории, а наименование второй разновидности войска, как

- это и трактуется в сербском издании «Записок янычара» (Константин Михайлович из Островицы..., с. 63).
- ⁸ Этот прием был заимствован Хуньяди у гуситских войск. С их способами ведения войны венгерский полководец мог познакомиться во время своего путешествия в Чехию в 1436 г. (*Элекеш Л.* Армия Гуниади..., с. 26).
- ⁹ Константин здесь имеет в виду поход 1462 г., который он описал в гл. XXXIII.

ГЛАВА XLI

- ¹ Две последние фразы содержались только в списках Р и А.

ГЛАВА XLII

- ¹ Корутане, коритане — словенцы в Каринтии.

ГЛАВА XLIV

- ¹ Марталосы (от греч. арматолы) — вспомогательное турецкое войско, комплектовавшееся из крестьян-христиан. Марталосы несли службу в гарнизонах в качестве пограничников и лодочников на пограничных реках, охраняли ущелья и опасные дороги, несли разведывательную службу (*Sabanović H.* Vojno..., с. 218; *Vasić M.* Mortalosi u jugoslovenskim zemljama pod turskom vladavinom. Sarajevo, 1967).
- ² Войнуки, как и марталосы, несли службу в пограничных городах и замках. За службу они получали право свободного наследования имущества и освобождались от всех налогов и податей (*Sabanović H.* Vojno..., с. 214; *Бурђев Б.* О войнуцима.— В кн.: Гласник земаљског музеја у Сарајеву, т. II. Sarajevo, 1947, с. 75—137).

ГЛАВА XLV

- ¹ Текст, начиная со слов «...так как пехота...» и вплоть до этого места, находится в списках Р и А.
- ² Текст, заключенный в скобки, находится в списках Р и А.
- ³ О пятнице у мусульман см. гл. II, прим. 8.
- ⁴ Пояснительные слова в скобках находятся в списках Р и А.
- ⁵ Черибашство — должность черибаша, т. е. главного военного лица в субашстве и санджакбегстве в случае мобилизации сипахиев — ленных владельцев (феодалов). В отличие от субашей черибаша получали не знамена, а тимары (см. гл. XXXVIII, с. 5). О черибашах см.: *Sabanović H.* Vojno..., с. 204—205.
- ⁶ Пояснительные слова в скобках находятся в списках Р и А.
- ⁷ Эта фраза содержится только в списке А.

ГЛАВА XLVI

- ¹ Аспр — мелкая серебряная монета.
- ² Тимарерлер — владелец тимара (см. гл. XXXVIII, прим. 5).
- ³ Слова, заключенные в скобки, находятся только в списке А.
- ⁴ Эта фраза содержится только в списке А.

ГЛАВА XLVII

- ¹ Орден св. Бернарда — разновидность цистернианского ордена. Бернардинцы изменили название и устав ордена в память св. Бернарда Клервосского.

ГЛАВА XLIX

- ¹ Стефан валахский воевода — Стефан Великий, господарь Молдавии (1457—1504). Обращает на себя внимание упоминание об исключительной важности Килии и Белгорода для безопасности Польши. Эти слова автора «Записок» созвучны с мнением Литовской Рады, высказанным по поводу этих городов в 1496 г.: «Как мы понимаем, пока Килия и Белгород будут в руках поганых, не может быть мира» (*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagellonów, t. I. Wilno, 1930, s. 426). О молдаво-польских отношениях в связи с проблемой Килии см.: *Panaitescu P.* Legăturile moldavo-polonă în secolul XV și problema Chiliei.— In: *Romanoslavica*, t. III. București, 1958, p. 95—115.
- ² Павел II — римский папа (1464—1471).
- ³ В это время императором Священной Римской империи был Фридрих III (1452—1493).
- ⁴ Война объединенных сил Венгрии и чешских феодалов-католиков, составивших зеленогорскую конфедерацию, с чешским королем-гуситом Иржи Подебрадом продолжалась с 1468 по 1469 г.
- ⁵ Рагузская земля — владения Дубровника.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Хроника о турецких делах Константина, сына Михаила Константиновича из Островицы Раца, который был взят турками среди янычар	35
Комментарии	117

ЗАПИСКИ ЯНЫЧАРА

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор издательства С. Н. Романова.

Художник Л. С. Кассис. Художественный редактор В. Г. Ефимов.

Технический редактор Н. П. Кузнецова. Корректор Ф. Г. Сурова

ИБ № 5233

Сдано в набор 19/VIII 1977. Подписано к печати 23/XII 1977

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2

Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 9. Тираж 100 000 (2-й завод 50 001-100 000). Т-20835

Тип. зак. 118. Цена 55 коп.

Издательство «Наука», 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10